

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗ. ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5

1983

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

5

1983

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глотов В. И.</i> Ленинское учение о партии нового типа	3
<i>Кочегура П. А.</i> Становление и развитие народного Войска Польского	14
<i>Валева Е. Л.</i> Сентябрьское народное восстание 1923 го- да и международное движение солидарности с антифашистской борьбой болгарского наро- да	29
<i>Гудимова С. А.</i> Кароль Шимановский и традиции польской музыкальной культуры	40
<i>Пащенко Е.</i> «Политика» Ю. Крижанича как про- изведение литературы барокко	48
<i>Невская Л. Г.</i> Балто-славянская проблематика на международных съездах славистов	57
<i>Вендина Т. И.</i> К вопросу о корреляции славян- ских суффиксов	74

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

<i>Никулина М. В.</i> О состоянии и особенностях раз- вития русского славяноведения в первой трети XIX века	86
<i>Иванов Ю. Ф.</i> Ян Гус в советской послевоенной ис- ториографии	97
<i>Наумов Е. П.</i> Юрий Крижанич в трудах академи- ка В. И. Пичеты	107

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Билунов Б. Н.</i> Българското възраждане и Русия	116
<i>Л. К. I. Sedlák. Bohuš Nosák-Nezabudov</i>	119

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Л. О.</i> Заседания, посвященные научной деятельности К. Маркса	122
<i>Г. М., О. М.</i> Целевой проект «Социальная структура и общественно-политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (середина XIX в.— 1918 г.)»	123
<i>В. М.</i> Юбилей Ярослава Гашека	124
<i>Наумов Е.</i> В специализированном совете по защите докторских диссертаций при Институте славяноведения и балканистики АН СССР (по всеобщей истории)	125
<i>Зайцева С. В.</i> Студенческая межреспубликанская научная конференция в Ленинграде (26—28 октября 1982 г.)	127

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

ГЛОТОВ В. И.

ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ О ПАРТИИ НОВОГО ТИПА

Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ отмечают в нынешнем году 80-летие Второго съезда РСДРП — съезда, завершившего процесс объединения революционных марксистских организаций России на идейных, политических и организационных принципах, выработанных В. И. Лениным, съезда, создавшего партию нового типа. «Создание партии,— отмечается в постановлении ЦК КПСС „О 80-летию Второго съезда РСДРП“, — неотделимо от огромной теоретической и практической деятельности В. И. Ленина — гениального мыслителя, последователя и продолжателя великого дела К. Маркса и Ф. Энгельса. Он развил их учение применительно к условиям эпохи империализма и пролетарских революций, сделал вывод о возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране, на основе обобщения и всестороннего анализа революционного опыта дал ответы на коренные вопросы освободительного движения рабочего класса. Преодолевая упорное сопротивление оппортунизма и реформизма, В. И. Ленин научно доказал необходимость подлинно революционной партии и возглавил борьбу за ее образование» [1].

Весь ход общественного развития подтверждает историческую правоту ленинского учения о партии нового типа. В относительно короткий срок международное коммунистическое движение стало самой влиятельной силой современности. Исторические завоевания рабочего класса, коренным образом изменившие облик нашей планеты, неразрывно связаны с деятельностью марксистско-ленинских партий. И не случайно, что ленинское учение о партии нового типа является объектом острой идеологической борьбы, подвергается яростным нападкам со стороны буржуазных идеологов, различного рода ревизионистов и оппортунистов. Как бы ни различались между собой суждения всякого рода «ниспровергателей» ленинского учения о партии, суть их концепций одна — отрицание самой идеи о необходимости создания партии, вооруженной революционной теорией, объединяющей в своих рядах наиболее последовательных и сознательных революционеров, отличающейся идейным и организационным единством, последовательно осуществляющей принципы пролетарского интернационализма.

В общем русле различного рода концепций, противопоставляющих ленинизм марксизму, Ленина — Марксу, изображающих ленинизм «национально ограниченным» явлением, идут и суждения относительно того, что ленинское учение о партии нового типа будто бы находится в противоречии с основополагающими указаниями К. Маркса и Ф. Энгельса об исторической неизбежности смены капитализма социализмом. Однако хорошо известно, что именно К. Маркс и Ф. Энгельс были первыми, кто показал авангардную роль коммунистов в решении задач классовой борьбы пролетариата. Еще в «Манифесте Коммунистической партии» они писали, что коммунисты «на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теорети-

ческом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения» [2, т. 4, с. 437].

К. Маркс и Ф. Энгельс обосновали историческую неизбежность смены капитализма социализмом, сформулировали учение о всемирно-исторической миссии рабочего класса, объяснили необходимость слияния рабочего движения с революционной теорией. Революционная деятельность В. И. Ленина началась в условиях, когда соединение рабочего движения с научным социализмом стало непосредственной практической задачей. На рубеже XIX и XX вв. капитализм вступил в стадию империализма, что характеризовалось обострением всех присущих капитализму социально-экономических противоречий. В России эти противоречия усугублялись политическим, духовным, национальным гнетом царизма. Именно в Россию переместился центр мирового революционного движения. На арену политической борьбы выходил рабочий класс, ширился размах крестьянских выступлений. В стране шел интенсивный процесс распространения марксизма, который стал к этому времени господствующим направлением в международном рабочем движении. Создание партии, призванной быть авангардом рабочего класса, его коллективным вождем, высшей формой его политической организации, стало исторической необходимостью.

Исключительной заслугой В. И. Ленина стало то, что он дал глубокое научное обоснование роли и значения субъективного фактора в решении задач классовой борьбы пролетариата, в деле строительства нового общества. Обосновав необходимость создания революционной партии рабочего класса, В. И. Ленин глубоко разработал ее идейные, политические, организационные принципы, отстоял их в борьбе с различного рода оппортунистами, добивался последовательного их осуществления.

Революционную по своей сущности партию рабочего класса нельзя было создавать «по образу и подобию» партий II Интернационала. Руководители этих партий отказались от борьбы за осуществление конечных целей рабочего класса, за установление его политической власти, что в конечном счете привело к превращению партий II Интернационала из революционных в реформистские. С этим были связаны их идейная слабость и организационная рыхлость.

Нельзя было строить партию нового типа и по образцу народнических организаций. Отдавая должное крепкой дисциплине и высокой организованности, которые лежали в основе деятельности организаций революционных народников, В. И. Ленин неоднократно критиковал их, в частности, за то, что они сводили политическую борьбу к политическому заговору. Следствием такого подхода была оторванность народнических организаций от народных масс. Разрабатывая принципы создания партии нового типа, В. И. Ленин подчеркивал, что политическую борьбу «должны вести не заговорщики, а революционная партия, опирающаяся на рабочее движение», и что борьба эта «должна состоять не в устройстве заговоров, а в воспитании, дисциплинировании и организации пролетариата» [3, т. 2, с. 460]. В трудах В. И. Ленина были сформулированы задачи революционной партии рабочего класса. «Социал-демократия, — писал он, — есть соединение рабочего движения с социализмом, ее задача — не пассивное служение рабочему движению на каждой его отдельной стадии, а представление интересов всего движения в целом, указание этому движению его конечной цели, его политических задач, охрана его политической и идейной самостоятельности» [3, т. 4, с. 373].

В. И. Ленин считал необходимым четко указать в Программе партии и в других ее основополагающих документах на классовый характер партии нового типа. Требование установления диктатуры пролетариата, записанное в первой Программе партии и отсутствовавшее в то время в документах партий II Интернационала, стало убедительным свидетельством того, что ленинские положения о классовом характере партии нового типа находили свое практическое воплощение. Классовый характер партии обусловлен ее идеологией, ее целями. Классовым характером партии обуславливаются ее организационные основы, те требования, которые она

предъявляет к своим членам. Классовый характер партии предполагает подход с позиций рабочего класса ко всем процессам и явлениям общественной жизни.

Став в условиях развитого социализма партией всего народа, КПСС не утрачивает своего классового характера. Он предопределен конечной целью ее деятельности — построением коммунистического общества, что является высшей целью рабочего класса.

Чтобы успешно выполнить свою историческую миссию, партия рабочего класса должна строить всю свою революционно-преобразующую деятельность на прочном фундаменте марксистско-ленинской теории. В. И. Ленин всесторонне обосновал роль и значение революционной теории как идейной основы боевого авангарда рабочего класса. «Только опираясь на теорию революционного марксизма, на опыт международной социал-демократии, — указывал В. И. Ленин, — можем мы слить наше революционное движение с рабочим движением, создать непобедимое социал-демократическое движение» [3, т. 7, с. 57].

Революционная теория — марксистско-ленинское учение, базирующееся на материалистическом понимании истории, позволяет партии рабочего класса дать ответ на все сложные вопросы общественного развития, выработать научно обоснованный политический курс.

Верность марксистско-ленинскому учению — это и забота о его постоянном творческом развитии, об обеспечении неразрывной связи теории с практикой революционной борьбы, с практикой созидания нового общества. В. И. Ленин отмечал, что партия в своих решениях призвана «соединять верность принципам марксизма с верным учетом передовых задач революционного класса» [3, т. 11, с. 141].

На протяжении всей своей истории КПСС демонстрирует непоколебимую верность марксистско-ленинскому учению, его основополагающим принципам. Она последовательно отстаивала и отстаивает его чистоту от всякого рода посягательств, вела и ведет решительную борьбу против любых проявлений ревизионизма и оппортунизма, догматизма и сектантства. Вместе с тем каждый этап истории КПСС знаменовал собой ее активное участие в творческой разработке коренных проблем общественного развития, ее растущий вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма. Все это позволяло партии в каждый конкретный момент ставить задачи, в наибольшей мере соответствующие историческим условиям, отвечающие коренным интересам борьбы за победу социалистической революции и становление нового общества, добиться понимания и поддержки массами ее лозунгов, возглавить борьбу за претворение в жизнь поставленных задач. Так на практике осуществлялось соединение научного социализма с рабочим движением, в процессе чего укреплялся авторитет партии в рядах рабочего класса, широких масс трудящихся, а идеи марксизма-ленинизма, овладевая массами, становились «материальной силой».

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, поступательное развитие советского общества, успешное решение задач социалистического строительства в ряде стран Европы, Азии, Латинской Америки и превращение мировой системы социализма в решающий фактор общественного прогресса, ширящийся размах рабочего движения в странах капитала, крушение колониальной системы — все это свидетельствует о животворной силе марксистско-ленинского учения, его целостности, интернациональном характере. Опыт истории наглядно подтверждает и правильность выводов о роли революционной теории в осуществлении Коммунистической партией своей исторической миссии. С каждым новым этапом социалистического, коммунистического строительства роль марксистско-ленинской теории как идейной основы деятельности партии неуклонно возрастает. Растущие масштабы и сложность задач общественного развития, острота современной идеологической борьбы требуют еще большей глубины и разносторонности анализа происходящих в обществе процессов и явлений, еще более высокого уровня теоретических обобщений и выводов, еще более активной и целенаправленной работы по формированию у трудящихся марксистско-ленинского мировоззрения.

Разработка партий концепции развитого социализма, став самым крупным за последнее время вкладом в развитие марксистско-ленинского учения, явилась вместе с тем и свидетельством творческого к нему подхода. Концепция развитого социализма позволила должным образом оценить значение успехов, достигнутых под руководством партии в экономическом, политическом, социальном, духовном развитии общества со времени создания основ социализма. «Опираясь на нее, — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, — партия определила свою стратегию и тактику на ближайшие годы и более отдаленную перспективу, предостерегла от возможных преувеличений в понимании степени приближения страны к высшей фазе коммунизма. Все это позволило уточнить и конкретизировать пути и сроки реализации наших программных целей» [4, с. 20].

В неразрывной связи с идейными принципами деятельности партии нового типа находятся ее организационные принципы. Эта взаимосвязь глубоко и всесторонне была раскрыта В. И. Лениным, который показал, что интересы революционной борьбы рабочего класса требуют создания такой партии, которая отличалась бы организационной целостностью и единством, сознательной дисциплиной своих членов, строила свою деятельность на принципах демократического централизма. Он писал, что «характер организации всякого учреждения естественно и неизбежно определяется содержанием деятельности этого учреждения» [3, т. 6, с. 99]. Содержанием деятельности партии рабочего класса является руководство его революционной борьбой за свержение эксплуататорского строя, установление его политической власти, а в дальнейшем — руководство строительством нового общества. Марксистско-ленинская партия рабочего класса является высшей формой его политической организации, ибо именно она, объединяя в своих рядах наиболее сознательных, наиболее последовательных революционеров, руководит борьбой за осуществление его интересов как класса. И именно она призвана руководить всеми другими организациями рабочего класса, объединять и направлять их деятельность.

Естественно поэтому ленинское требование о том, чтобы партия нового типа отличалась не только идейным, но и организационным единством. «У пролетариата, — писал В. И. Ленин, — нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации. Разъединяемый господством анархической конкуренции в буржуазном мире, придавленный подневольной работой на капитал, отбрасываемый постоянно „на дно“ полной нищеты, одичания и вырождения, пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса» [3, т. 8, с. 403—404].

В борьбе с различного рода оппортунистами, отрицавшими необходимость тесного организационного сплочения партийных рядов, В. И. Ленин добивался, чтобы партия рабочего класса воплощала собой единство мысли, воли и действий. Он вскрыл связь оппортунизма в организационных вопросах с оппортунизмом в политических вопросах. Те, кто отрицал необходимость единства партийных рядов, строгой партийной дисциплины, исходили из принципиально неверного представления о задачах партии рабочего класса, из стремления ограничить ее деятельность сферой сиюминутных интересов, оставляя в стороне вопрос о конечных целях классово-вой борьбы пролетариата.

Принципиальное значение имела в этом смысле позиция В. И. Ленина по вопросу о формулировке первого параграфа Устава партии на II съезде РСДРП. Ленинское требование о том, чтобы член партии работал в одной из партийных организаций, было нацелено на обеспечение тесного организационного сплочения партийных рядов, высокой требовательности по отношению к вступающим в партию, сознательной дисциплины и ответственности ее членов. Оно в полной мере отвечало представлению о революционной сущности партии, о ее классовом характере, отвечало представлению о партии как высшей форме политической организации рабочего класса.

Высокие требования к членам партии являются необходимым условием, обеспечивающим ее крепкую организованность, сплоченность, способность успешно выполнять стоящие перед ней задачи. Значение ленинских принципов членства в партии еще более возрастает в условиях, когда партия становится правящей. В 1919 г. В. И. Ленин писал: «...Мы не сулим и не даем никаких выгод от включения в партию. Напротив, на членов партии ложится теперь более тяжелая, чем обычно, и более опасная работа.

Тем лучше. Пойдут в партию только искренние сторонники коммунизма, только добросовестно преданные рабочему государству, только честные труженики, только настоящие представители угнетавшихся при капитализме масс.

Только таких членов партии нам и надо» [3, т. 39, с. 225].

Этими ленинскими принципами КПСС неизменно руководствовалась и руководствуется на всех этапах социалистического, коммунистического строительства в СССР. Неуклонное их соблюдение явилось одним из важных условий, обеспечивших успешное осуществление Коммунистической партией своей руководящей роли в строительстве нового общества.

Ныне, когда советскому народу под руководством партии приходится решать неизмеримо возросшие по своим масштабам и сложности задачи, ленинские указания о необходимости предъявлять высокую требовательность к вступающим в партию по-прежнему актуальны. Партия неустанно заботится о том, чтобы ее ряды пополнялись за счет лучших представителей рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции. При этом ведущее место в составе партийного пополнения принадлежит представителям рабочего класса, роль которого в жизни общества постоянно повышается. Партия ориентирует на то, чтобы более тщательно подходить к приему новых членов партии, лучше использовать кандидатский стаж для проверки политических, деловых и моральных качеств вступающих, непримиримо относиться к тем, кто ведет себя недостойно, нарушает Устав партии и нормы партийной морали. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии подчеркивалось, что именно высокая требовательность к членам партии «обеспечивает монолитное единство КПСС, ее способность возглавлять советское общество, уверенно вести советский народ по пути к коммунизму» [5, с. 68].

Разрабатывая вопрос об организационных основах деятельности партии нового типа, В. И. Ленин неоднократно отмечал роль и значение принципа демократического централизма как руководящего принципа организационного строения и деятельности партии. «... Массовый характер движения, — писал он, — не только не ослабляет, а, напротив, усиливает нашу обязанность создать крепкую и централизованную организацию революционеров» [3, т. 5, с. 365]. Но даже в условиях царского самодержавия, в условиях, которые требовали строжайшей конспирации и строжайшей централизации в деятельности партии, В. И. Ленин ставил вопрос о создании возможности для ее членов принимать в той или иной форме участие в выработке политического курса партии, в выработке общепартийных решений. Принципиальные положения по этому вопросу содержались еще в работе «Что делать?», где он указывал, в частности, что «централизация конспиративных функций организации вовсе не означает централизации всех функций движения» [3, т. 6, с. 125].

Соотношение демократических и централистских начал в деятельности партии в каждый исторический период определялось и определяется конкретными условиями. При этом важно, как неоднократно отмечалось в документах партии, обеспечивать их диалектическое единство. Демократия без централизма неизбежно ведет к организационной распыленности в рядах партии, к ослаблению партийной дисциплины, к превращению партии в дискуссионный клуб. Чрезмерная же централизация, ограничение демократических начал принижают активность коммунистов, их ответственность за дела партии, способствуют всякого рода субъективистским проявлениям.

В. И. Ленин никогда не противопоставлял демократические и централистские начала в деятельности партии. «Мы, — писал он, — всегда

защищаем в нашей печати внутрипартийную демократию. Но мы никогда не высказываемся против централизации партии. Мы за демократический централизм» [3, т. 27, с. 72]. Этими ленинскими указаниями КПСС последовательно руководствуется на всех этапах своей деятельности.

С каждым новым этапом социалистического, коммунистического строительства принципы демократического централизма в деятельности партии приобретают все большее значение. Причем речь идет о возрастании роли как демократических, так и централистских начал. С расширением масштабов созидательной деятельности партии в еще большей мере усиливается необходимость единства воли и действий коммунистов, сознательной дисциплины, повышения роли руководящих органов партии в решении стоящих перед ней задач. В то же время партия ставила вопрос о создании условий, обеспечивающих дальнейший рост активности коммунистов, повышение уровня работы всех партийных организаций, всемерное укрепление ее связей с массами. В документах последних съездов партии неоднократно отмечалась необходимость укреплять оба начала демократического централизма. Это способствует дальнейшему повышению боеспособности партии, укреплению ее идейного и организационного единства, повышению авангардной роли коммунистов на всех участках работы.

Фальсификаторы учения о партии пытаются представить принципы демократического централизма несовместимыми с развитием критики и самокритики в рядах партии, тормозящими активность коммунистов. В действительности же именно последовательное проведение в жизнь принципов демократического централизма создает условия для наиболее эффективного функционирования коллективного разума партии, для развития критики и самокритики, обеспечивает более тесные связи руководящих органов партии с массами коммунистов, позволяет партии лучше осмыслить накопленный опыт, оценить значение достигнутых успехов, проанализировать причины недостатков и упущений, определить меры по их устранению. Критическое осмысление результатов своей революционно-преобразующей деятельности является одной из характерных черт партии нового типа.

В. И. Ленин по этому поводу писал: «Побольше доверия к самостоятельному суждению всей массы партийных работников: они и только они сумеют умерить чрезмерную горячность склонных к расколу группок, сумеют своим медленным, незаметным, но зато упорным воздействием внушить им „добрую волю“ к соблюдению партийной дисциплины...» [3, т. 8, с. 94]. Вместе с тем В. И. Ленин решительно выступал против того, чтобы под предлогом «свободы критики» совершались действия, идущие вразрез с линией партии, препятствующие осуществлению коллективно выработанных решений. «Принцип демократического централизма и автономии местных учреждений, — отмечал В. И. Ленин, — означает именно *свободу критики*, полную и повсюду, раз не нарушается этим единство *определенного действия*, — и недопустимость *никакой* критики, подрывающей или затрудняющей *единство* решенного партией действия» [3, т. 13, с. 129].

Ленинские труды, доклады, выступления сами по себе являются образцом критического анализа накопленного партией опыта. Ныне, в условиях развитого социализма, роль и значение критики и самокритики как орудия партийного руководства, как школы воспитания инициативы и активности коммунистов неуклонно возрастают. На XXVI съезде КПСС вновь была подчеркнута необходимость «утверждать во всех партийных организациях дух самокритичности, непримиримости к недостаткам» [5, с. 74]. Вместе с тем партия учит, что критика должна быть деловой, товарищеской, конструктивной. Недопустимо под видом критики заниматься очернительством, использовать критику во вред интересам коммунистического строительства, подрывать единство партии.

В единстве партии на основе революционной теории, закрепленном единством организационным, В. И. Ленин видел источник силы партии, ее способности решать любые задачи, выдвигаемые ходом общественного развития. «Сознательность передового отряда в том, между прочим, и проявляется, — писал В. И. Ленин, — что он умеет организовать. А ор-

ганизуясь, он получает *единую волю*, и эта единая воля передовой тысячи, сотни тысяч, миллиона *становится* волей класса» [3, т. 24, с. 34—35]. Единство партии имело важное значение в годы борьбы против царского самодержавия, за победу социалистической революции. Еще большее значение приобретает оно в условиях строительства нового общества, когда партия является правящей, когда многократно возрастает объем стоящих перед ней задач, когда единая воля коммунистов становится необходимым условием успешного осуществления партией своей руководящей роли, претворения в жизнь задач социалистического, коммунистического строительства.

Опыт КПСС подтвердил правоту ленинских указаний о необходимости обеспечения идейного и организационного единства партии, которые актуальны и поныне. Укрепление единства партии является одной из важнейших закономерностей ее развития. Именно благодаря тому, что на протяжении всей своей истории партия последовательно отстаивала идейное и организационное единство своих рядов, решительно пресекала любые попытки его подорвать, она с честью выполняла и выполняет свою роль коллективного политического вождя рабочего класса, всех трудящихся.

Отличительной чертой партии нового типа, источником ее неиссякаемой силы является связь с массами. Она обеспечивается прежде всего тем, что политика партии отвечает коренным интересам рабочего класса, интересам широких масс трудящихся. В. И. Ленин подчеркивал, что способность революционной партии рабочего класса выполнить свою историческую миссию определяется, в частности, «умением связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, *но также и с непролетарской трудящейся массой*» [3, т. 41, с. 7]. При этом умение связаться с массами В. И. Ленин видел отнюдь не в том, чтобы ориентироваться на достигнутый к данному моменту уровень сознательности рабочего класса, преклоняться перед стихийностью, перед сиюминутными требованиями. Связь партии с массами определялась, по В. И. Ленину, «правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы *собственным опытом* убедились в этой правильности» [3, т. 41, с. 7].

Осуществляя политическое руководство массами, партия сама учится у масс. Коллективный разум партии на протяжении всей ее истории аккумулирует живое революционное творчество масс. Ярким примером такого рода стала, например, ленинская идея о месте и роли Советов в организации социалистического государства, которая родилась на основе глубокого и всестороннего изучения революционного творчества масс в ходе событий 1905 и 1917 гг. Эта идея, получив обстоятельное теоретическое обоснование в документах партии, нашла повсеместное практическое воплощение; ее значение подтвердилось всем ходом социалистического, коммунистического строительства в СССР. Имеется и немало других примеров того, как лучшие образцы революционного творчества масс брались на вооружение партией, становились достоянием всего советского народа.

С каждым новым этапом развития советского общества возрастают масштабы и сложность решаемых им задач, растут вместе с тем сознательность и активность широких масс трудящихся, расширяется размах их революционного творчества, созидательной деятельности. Это, в свою очередь, ставит новые задачи перед партией, обуславливает необходимость возрастания ее руководящей роли в обществе, повышения уровня партийного руководства всеми сторонами общественного развития, еще более тесного укрепления связи партии с массами.

Ленинские идеи о роли партии в деле внесения социалистического сознания в массы и ныне, в условиях развитого социализма, остаются актуальными. Разумеется, конкретный смысл понятия «социалистическое сознание» на каждом этапе революционно-преобразующей деятельности партии претерпевал определенные изменения в соответствии с исторической обстановкой, развиваясь и обогащаясь в целом. Но суть вопроса оставалась и остается неизменной и состоит в том, что партия призвана, ис-

пользуя весь арсенал средств идеологической и организаторской работы, воспитывать массы в духе правильного понимания стоящих перед ними задач, обеспечить активное участие трудящихся в их реализации.

Ныне на повестке дня стоят задачи совершенствования развитого социализма, что предполагает; как отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 80-летию Второго съезда РСДРП» «дальнейший подъем производительных сил, развитие и укрепление коллективистских общественных отношений, советской государственности и демократии, социалистического сознания, науки и культуры» [1]. Решение поставленных задач требует активного и сознательного участия каждого трудящегося. В этих условиях еще больше возрастает роль партии как политического вождя, организатора и воспитателя масс.

Партия всемерно поддерживает и развивает творческую активность масс. Этому способствуют меры, направленные на дальнейшее развитие социалистической демократии, повышение роли Советов, профсоюзов, комсомола, других общественных организаций, а также трудовых коллективов в жизни общества. Тем самым обеспечивается непосредственное участие самых широких масс трудящихся в решении всех вопросов государственной и общественной жизни. Направляя и координируя деятельность всех государственных и общественных организаций, определяя их задачи и создавая условия для всемерного повышения эффективности их работы, партия выступает как ядро политической системы советского общества, всех ее организаций. Всякие попытки представить руководящую роль партии в политической системе социалистического общества как противоречащую принципам социалистической демократии являются в теоретическом и практическом отношении несостоятельными. Развитие социалистической демократии, повышение роли и активности государственных и общественных организаций, коллективов трудящихся и возрастание руководящей роли партии в жизни общества — это взаимосвязанные и взаимно обусловленные процессы.

Непрерывно совершенствуя формы и методы работы, добиваясь всемерного повышения боеспособности всех партийных организаций, повсеместного утверждения ленинского стиля в работе, осуществления авангардной роли коммунистов на всех участках работы, партия обеспечивает еще более тесную связь с массами, что является важным условием успешного развития советского общества. «...Роль ведущей силы общества, — отмечалось на XXVI съезде КПСС, — не дается сама по себе. Эта роль зарабатывается, завоевывается в ходе постоянной, непрестанной борьбы за интересы трудящихся. И эта роль закрепляется тем, что партия постоянно углубляет свои связи с народными массами, живет их нуждами и заботами» [5, с. 218—219].

Разрабатывая учение о партии нового типа, В. И. Ленин неоднократно отмечал роль и значение принципов пролетарского интернационализма в идеологии, организации и всей деятельности партии. Это связано с общностью коренных интересов и задач рабочего класса, с необходимостью противостоять капитализму как силе интернациональной, что требовало и требует тесного сплочения рабочего класса разных национальностей. Развивая основополагающие идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин решительно выступал против любых попыток внести в партию стремление к национальной ограниченности и обособленности. «...Русская социал-демократия, — писал он, — смотрит на себя как на один из отрядов всемирной армии пролетариата, как на часть международной социал-демократии» [3, т. 6, с. 205].

Это ленинское положение нашло отражение в Программе партии, принятой II съездом РСДРП. Принципы пролетарского интернационализма получили воплощение и в организационном строении партии. Отвергнув домогательства бундовцев, требовавших положить в основу строительства партии принцип федерализма, большевики добились того, что партия с момента своего создания строилась и строится как единая, монолитно сплоченная организация, выражающая коренные интересы рабочего класса, интересы всех трудящихся вне зависимости от национальности.

Основывая всю свою деятельность на принципах пролетарского интернационализма, партия решительно выступала против любых проявлений национализма, шовинизма, национальной ограниченности, вела борьбу за сплочение трудящихся разных национальностей. На это были направлены и программные установки партии по национальному вопросу, ставившие во главу угла дело интернационального сплочения трудящихся, чему способствовало признание за всеми народами права на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

Верная принципам пролетарского интернационализма, партия всегда рассматривала революционную борьбу российского рабочего класса в неразрывной связи с революционной борьбой международного пролетариата. В. И. Ленин писал: «Интернационализм на деле — один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы *в своей* стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) *такой же* борьбы, такой же линии, и *только ее одной*, во *всех* без исключения странах» [3, т. 31, с. 170].

Эти ленинские указания легли в основу всей деятельности КПСС как внутри страны, так и на международной арене. Строительство нового общества в нашей стране партия рассматривала и рассматривает как великую интернациональную миссию рабочего класса, всех трудящихся Советского Союза. Вместе с тем партия, весь советский народ считает своим интернациональным долгом оказание всемерной помощи народам, борющимся за национальное освобождение и социальный прогресс. История КПСС полна ярких примеров, свидетельствующих о ее последовательно интернационалистском курсе. «В современных условиях, — отмечается в постановлении ЦК КПСС „О 80-летию Второго съезда РСДРП“, — КПСС последовательно решает двуединую интернациональную задачу: осуществляет успешное строительство нового общества в своей стране, активно воздействуя тем самым на ход мирового освободительного движения, и оказывает помощь и поддержку революционным, прогрессивным движениям современности» [1].

В настоящее время с развитием мирового революционного процесса роль и значение принципов пролетарского интернационализма в деятельности коммунистических и рабочих партий приобретают всевозрастающее значение. Рабочий класс является главной движущей силой революционной борьбы, всего демократического и антиимпериалистического движения. Интернациональная солидарность рабочего класса, правильное сочетание национальных и интернациональных интересов являются важными условиями, обеспечивающими успешное осуществление им своей исторической миссии.

Ленинское учение о пролетарском интернационализме является объектом ожесточенных нападок со стороны буржуазных идеологов, а также различного рода ревизионистов. Имеют место, в частности, попытки подменить пролетарский интернационализм «новым» интернационализмом. При этом порой ссылаются на все более активное участие в антиимпериалистической борьбе наряду с рабочим классом других слоев населения.

Разумеется, пролетариат заинтересован в том, чтобы привлечь к участию в революционной борьбе возможно большее число союзников. Это, однако, отнюдь не умаляет всемирно-исторической миссии рабочего класса, его роли в свержении эксплуататорского строя, в становлении нового общества. Международный рабочий класс солидарен со всеми проявлениями революционной, антиимпериалистической борьбы; он считал и считает своим интернациональным долгом оказание всемерной помощи силам, борющимся против империализма, за национальное и социальное освобождение. Но это не дает основания для того, чтобы, заменив пролетарский интернационализм «новым» интернационализмом, растворять тем самым рабочий класс в общей массе трудящихся и эксплуатируемых, сбрасывать со счетов конечные цели его революционной борьбы и роль международного рабочего класса в мировом революционном процессе. На

XXV съезде КПСС было подчеркнуто, что «отказаться от пролетарского интернационализма означало бы лишить компартии и вообще рабочее движение мощного и испытанного оружия. Это была бы хорошая услуга классовому противнику, который... активно координирует в международном масштабе свои антикоммунистические действия. Мы, советские коммунисты, считаем защиту пролетарского интернационализма святой обязанностью каждого марксиста-ленинца» [6, с. 31].

КПСС считает своей интернациональной обязанностью делать все для укрепления дружбы и сотрудничества с братскими странами, сплоченности социалистического содружества. Она активно поддерживает борьбу освободившихся народов за свою политическую и экономическую независимость. КПСС солидарна с борьбой рабочего класса несоциалистических стран за свои насущные интересы. Она последовательно проводит линию на укрепление позиций международного коммунистического движения, его сплоченности на основе марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма.

Ленинское учение о партии носит универсальный характер. Учение о партии нового типа вобрало в себя все идейное богатство классиков марксизма-ленинизма; оно было разработано на основе глубокого анализа опыта международного рабочего движения. Общность целей и задач рабочего класса различных стран, объективные потребности организации его классовой борьбы обуславливают, как бы ни пытались отрицать это различное рода «ниспровергатели», интернациональный характер учения о партии. Опыт развития международного коммунистического движения за прошедшие десятилетия со всей убедительностью доказал, что именно в верности основополагающим принципам этого учения, разумеется, при строгом учете национальных особенностей, конкретно-исторической обстановки, в четком определении классового характера партии, в приверженности революционной теории — марксистско-ленинскому учению, в обеспечении прочного идейного и организационного единства своих рядов, в постоянном укреплении связей с массами, в последовательном проведении в жизнь принципов пролетарского интернационализма — источник силы революционной партии рабочего класса, гарантия успешного осуществления ею своих исторических задач.

Как и марксистско-ленинское учение в целом, учение о партии нового типа постоянно обогащается на основе творческого обобщения исторического опыта, революционной практики рабочего класса и его боевого авангарда — коммунистических и рабочих партий. Более чем 80-летний путь КПСС — это не только свидетельство ее верности основополагающим принципам ленинского учения о партии, это и неустанная, проводимая совместно с другими братскими партиями, работа над его развитием. Крупным вкладом в учение о партии нового типа стало, в частности, обоснование положения о возрастании руководящей роли партии в условиях зрелого социализма как об объективной закономерности общественного развития. Это нацеливает на дальнейшее повышение уровня работы партийных организаций, на обеспечение единства идейно-теоретической, политико-воспитательной, хозяйственной и организаторской деятельности партии, на всемерное укрепление ее связи с массами.

Ныне учение о партии нового типа приобретает всевозрастающее значение. Потребность в глубоком обобщении накопленного в международном масштабе опыта коренных революционных преобразований, опыта строительства нового общества, осуществленного под руководством рабочего класса, его боевого авангарда — коммунистических и рабочих партий, рост силы и влияния международного коммунистического движения, расширение масштабов и сферы его деятельности, необходимость правильного определения на каждом новом этапе общественного развития ближайших и перспективных задач классовой борьбы, революционно-созидательной деятельности рабочего класса — все это обуславливает важность дальнейшего развития учения о партии нового типа. Разумеется, что верность его основополагающим принципам, справедливость которых подтверждена историческим опытом, призвана рассматриваться как

непременное условие. Это предполагает отпор любым попыткам умалить руководящую роль коммунистических партий в борьбе за интересы рабочего класса, за власть трудящихся, в строительстве нового общества. «Защищать и утверждать марксистско-ленинское учение о партии — интернациональный долг всех коммунистов», — отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 80-летию Второго съезда РСДРП» [1].

Героический путь прошла ленинская партия — испытанный боевой авангард советского народа. Советские люди, сплоченные вокруг 18-миллионной партии коммунистов, видят в единстве партии и народа, в ее руководстве источник силы советского общества, гарантию его поступательного развития по пути коммунистического строительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правда, 1983, 5 апреля.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
4. Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. — Коммунист, 1983, № 3,
5. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
6. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.

КОЧЕГУРА П. А.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО

12 октября 1983 г. исполняется сороковая годовщина вооруженных сил Польской Народной Республики. Свой славный юбилей они отмечают в братской семье армий стран социалистического содружества.

Становление и развитие народного Войска Польского тесно связано с борьбой польского народа против гитлеровских оккупантов, за возрождение своего государства и победу социализма. Оно создавалось по инициативе и под руководством польских коммунистов как армия нового типа, коренным образом отличающаяся от старой армии довоенной буржуазно-помещичьей Польши.

Вооруженные силы народной Польши строились с использованием военного опыта и всесторонней помощи Советского Союза, приобретали боевую зрелость в тесном содружестве с Советской Армией.

Основу народного Войска Польского составили польские соединения и части, сформированные на территории Советского Союза и с его помощью по инициативе Союза польских патриотов (СПП)¹, идейное руководство в котором принадлежало польским коммунистам — истинным выразителям интересов польского народа. Во главе его стояли видные деятели польского рабочего движения А. Лямпе и В. Василевская. В СПП объединялись коммунисты, левые социалисты, лядовцы и прогрессивные беспартийные деятели.

Своей первоочередной задачей СПП считал создание на территории СССР польского воинского соединения для участия совместно с советскими войсками в борьбе против гитлеровской Германии.

Союз польских патриотов обратился к Советскому правительству с просьбой помочь сформировать такое соединение. Его создание СПП рассматривал как основу народных вооруженных сил, опирающихся на демократические идеи, свободолюбивые традиции польского народа, на дружбу и союз с СССР. Советское правительство пошло навстречу пожеланиям польских патриотов, взяв на себя все расходы, связанные с созданием дивизии. Ее формирование началось 14 мая 1943 г. в районе Сельцы под Рязанью [1, с. 77] по штатам гвардейской стрелковой дивизии Советской Армии в составе трех пехотных и артиллерийского полков, учебного и санитарного батальонов, зенитно-артиллерийского дивизиона и пяти отдельных рот (ПТР, разведки, связи, ПХЗ, автомобильной) [1, с. 77]. Сверх штата в составе дивизии предусматривался танковый полк, дивизион 120-мм минометов, истребительно-противотанковый дивизион 45-мм пушек и школа подхорунжих. Общая штатная численность дивизии определялась в 11 234 человека [1, с. 77].

¹ Союз польских патриотов — антифашистская общественно-политическая патриотическая организация поляков, проживающих на советской земле (март 1943—1946 г.).

Значительную помощь в формировании 1-й польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко оказали областные, городские и районные военкоматы РСФСР и других союзных республик. Они составляли списки поляков призывного возраста, проживавших в СССР, и всех добровольцев на пополнение польской дивизии. Уже к 5 июля 1943 г. в Сельцах находилось более 14 тыс. солдат и офицеров [2, с. 107].

К плановым занятиям дивизия приступила 1 июня 1943 г. 19 июля 1943 г. под Рязанью началось развертывание 1-й отдельной истребительной авиаэскадрильи и 1-го отдельного учебно-тренировочного авиаотряда. Все создаваемые польские соединения и части обеспечивались Советским Союзом — всеми видами довольствия, военного имущества, современным оружием и боевой техникой по нормам советских войск.

По просьбе Союза польских патриотов Народный комиссариат обороны СССР направил для временного прохождения службы в польских войсках значительную группу советских офицеров. На 15 июля 1943 г. их численность превысила 300 человек [2, с. 107; 1, с. 78].

Боевая подготовка дивизии строилась на основе советских военных уставов и наставлений с использованием боевого опыта Советской Армии, накопленного в боях против немецко-фашистских войск. Под руководством советских офицеров-инструкторов личный состав дивизии быстро овладел сложной боевой техникой и методами ведения боя. Офицерские кадры для дивизии готовились в Рязанском пехотном, Тамбовском артиллерийском техническом, 3-м Ленинградском артиллерийском, Рязанском автомобильном училищах, Муромском училище связи и др. Была организована также ускоренная подготовка офицерских кадров на специальных курсах, созданных в дивизии. Подофицерские кадры готовились в учебном батальоне и полковой школе 1-го пехотного полка дивизии. В Бронницах на курсах шоферов обучалось 200 человек из состава частей польской дивизии [2, с. 107; 1, с. 79].

Для ведения идейно-воспитательной работы по решению СПП в дивизии был создан аппарат просветительной работы. Его деятельностью руководил отдел, подчинявшийся непосредственно заместителю командира дивизии по просветчасти. Ключевые посты в этом аппарате занимали коммунисты, остальные должности — коммунисты и патриотически настроенные офицеры — члены ППС, Стронницитва людового или беспартийные.

Перед выходом дивизии на фронт в начале октября 1943 г. аппарат просветительной работы был переименован в политико-воспитательный аппарат.

В годовщину битвы под Грюнвальдом СПП вручил 1-й польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко боевое знамя, после чего личный состав частей и подразделений принял присягу: «Приношу торжественную клятву истекающей кровью польской земле, измученному под немецким игом польскому народу, что не посрамлю имени поляка, что буду верно служить Родине... Клянусь сохранить союзническую верность Советскому Союзу, давшему мне в руки оружие для борьбы с нашим общим врагом, клянусь сохранить братство оружия с союзнической Красной Армией...

До последней капли крови, до последнего дыхания буду бороться за освобождение родины, чтобы мог жить и умереть как настоящий и честный солдат Польши» [1, с. 79].

1 сентября 1943 г. 1-я польская дивизия им. Т. Костюшко убыла на Западный фронт и поступила в оперативное подчинение командующего 33-й армией.

По состоянию на 10 октября 1943 г. в составе дивизии насчитывалось 12 144 солдата и офицера. На ее вооружении имелось 7 447 винтовок, 2 666 автоматов, 507 ручных пулеметов, 166 станковых пулеметов, 335 противотанковых ружей, 96 орудий разных калибров, 167 минометов разных калибров, 39 танков и 3 бронемшины [2, с. 110].

Участвуя в боях против гитлеровцев на белорусской земле под местечком Ленино, 1-я польская дивизия им. Т. Костюшко 12—13 октября

1943 г. приняла боевое крещение. Советское командование позаботилось о необходимом артиллерийском обеспечении дивизии в бою. Частям дивизии были приданы артиллерийские полки 164-й и 144-й стрелковых дивизий, 538-й минометный полк. Ее поддерживала 67-я гаубичная артиллерийская бригада, обеспечивал 298-й армейский инженерный батальон [1, с. 90]. На участке прорыва 1-й польской пехотной дивизии было сосредоточено 226 орудий и минометов на 1 км фронта. Вместе с приданной артиллерией в дивизии находилось 452 орудия и миномета [1, с. 91].

Советское командование сделало все для того, чтобы как можно лучше подготовить польскую дивизию к предстоящим боям. Почти три недели ее личный состав занимался боевой подготовкой на местности, схожей во многом с той, на которой ему предстояло сражаться с врагом. Группа польских офицеров несколько дней находилась в советских частях, действовавших в первом эшелоне фронта, где изучала их боевой опыт, который был учтен затем в дальнейшей подготовке личного состава. Бой 1-й польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко под Ленино был исключительно тяжелым. Гитлеровцы оказывали ей упорное сопротивление, непрерывно контратаковали, бросали против наступающих частей авиацию. Несмотря на это, польские воины, действуя совместно с частями соседних советских дивизий, в первый день наступления овладели населенными пунктами Ползухи и Тригубово. Они успешно выдержали боевое крещение, проявив высокие моральные и боевые качества.

Участие 1-й польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко в боях под Ленино было серьезной проверкой боеспособности первого соединения народных вооруженных сил Польши. За мужество и отвагу, проявленные в этих боях, Советское правительство наградило орденами и медалями 239 польских воинов. Капитану В. Высоцкому и автоматчице А. Кшивань было посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза. 247 воинов-костюшковцев были отмечены высокими польскими наградами [3, с. 130].

В военном отношении бой под Ленино имел лишь тактическое значение. Здесь было уничтожено 3 тыс. гитлеровцев, подбито 9 танков и штурмовых орудий, взято в плен 459 человек, из них 329 — польскими войсками [1, с. 98]. В политическом же отношении он означал, что на главном фронте второй мировой войны начали боевые действия войска польской регулярной армии, что наступил коренной поворот в освободительной войне польского народа, в советско-польских отношениях. День 12 октября стал Днем народного Войска Польского и ежегодно отмечается как большой всенародный праздник.

Появление на советско-германском фронте польских регулярных воинских частей вдохновило всех патриотов Польши на бескомпромиссную борьбу с немецко-фашистскими агрессорами в оккупированной стране. Участие костюшковцев в бою под Ленино способствовало дальнейшему укреплению и углублению советско-польского сотрудничества в войне против гитлеровской Германии. Костюшковцы под руководством коммунистов открыли новую страницу в истории борьбы своего народа за новую Польшу, перспективы создания которой были начертаны в программе Польской рабочей партии и Союза польских патриотов.

Первый бой костюшковцев имел большое значение и для дальнейшего развития польских народных вооруженных сил в СССР. Полученный ими опыт широко использовался при подготовке новых польских воинских соединений и частей на территории Советского Союза. 10 августа 1943 г. в соответствии с решением Государственного Комитета Обороны, принятого по просьбе Союза польских патриотов, на территории СССР началось формирование 1-го польского армейского корпуса. Этим же постановлением предусматривалось создание офицерской школы на 750 курсантов [2, с. 112; 1, с. 79—80].

В состав корпуса вошли три пехотные дивизии, танковая бригада им. Героев Вестерплатте, артиллерийская бригада им. Ю. Бема, авиационный истребительный полк «Варшава», запасной пехотный полк,

батальон связи, парашютно-разведывательный, саперный, химической защиты, автотранспортный и женский пехотный батальоны, а также части обслуживания [2, с. 112; 1, с. 80]. Для укомплектования командными кадрами по просьбе СПП в корпус была направлена большая группа советских офицеров всех специальностей; дополнительно созданы польские отделения по 50 человек переменного состава с четырехмесячным сроком обучения при 3-м Саратовском бронетанковом и Орджоникидзеком автомобильном училищах, при курсах младших воентехников № 40 Управления кадров артиллерии Красной Армии. В польском отделении Рязанского пехотного училища численность курсантов увеличилась на 40 человек [2, с. 112; 1, с. 81]. 1 октября 1943 г. соединения и части 1-го польского армейского корпуса приступили к плановой боевой подготовке, рассчитанной на 3 месяца.

В январе 1944 г. 2-я и 3-я пехотные дивизии, танковая и артиллерийская бригады и части обслуживания 1-го польского корпуса отбыли на фронт в район Смоленска, где находилась 1-я польская пехотная дивизия им. Т. Костюшко. Затем корпус был переброшен в район Житомира, Бердичева [3, с. 130].

Большое значение для дальнейшего развития польских национальных формирований на советской земле имело создание в январе 1944 г. Центрального бюро польских коммунистов (ЦБПК) в Москве. Его возглавил известный деятель Коммунистической партии Польши, бывший руководитель военного отдела ее Центрального Комитета А. Завадский, который одновременно являлся заместителем командира корпуса по политико-воспитательной части [2, с. 113; 1, с. 81—82].

ЦБПК сосредоточило в своих руках партийный контроль над всеми сторонами строительства польских войск на советской земле и деятельности СПП. В связи с тем, что партийных организаций в частях корпуса не существовало, активное вмешательство ЦБПК в жизнь польских войск в СССР позволило заметно улучшить воспитательную работу среди личного состава.

К середине марта формирование 1-го польского корпуса было в основном закончено. К этому времени его численность превысила 40 тыс. солдат и офицеров. На его вооружении имелось 118 танков и самоходно-артиллерийских установок, 1 021 орудие и миномет, 1 918 пулеметов, 1 010 противотанковых ружей, 9 453 автомата и 25 924 винтовки [1, с. 82].

По просьбе СПП Советское Верховное Главнокомандование 16 марта приняло решение о создании на базе 1-го польского корпуса 1-й Польской армии. В ее составе предполагалось иметь пять пехотных и зенитно-артиллерийскую дивизии, кавалерийскую, танковую и пять артиллерийских бригад, части инженерных войск и войск связи, материально-технического обеспечения [1, с. 82]. Было решено также организовать объединенную школу по подготовке офицерских кадров для 1-й Польской армии в СССР с численностью переменного состава в 2 тыс. человек на базе 1-го Московского пулеметного училища [2, с. 113].

Командующим армии был назначен генерал З. Берлинг, его заместителем по строевой части — генерал К. Сверчевский, заместителем по политической части — полковник А. Завадский. Начальником штаба армии с мая 1944 г. стал генерал В. Корчиц.

В соответствии с распоряжением начальника Генерального штаба Советской Армии соединения корпуса к середине апреля 1944 г. передислоцировались из района Смоленска в район Житомира и Бердичева. В течение апреля-мая 1944 г. были сформированы штаб армии, штабы родов войск и отделы служб, а также несколько армейских частей [4, с. 21].

18 апреля 1944 г. был создан Военный совет армии, который в политическом отношении подчинялся СПП, в оперативном — Верховному Главнокомандующему Советской Армии [4, с. 21].

29 апреля 1944 г. 1-я Польская армия в составе трех пехотных дивизий и армейских специальных и тыловых частей вошла в оперативное подчинение командующего войсками 1-го Белорусского фронта. Командую-

щий фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский приказал к 15 мая 1944 г. передислоцировать армию в район Киверцы, где ее соединения и части до 15 июля усиленно занимались боевой подготовкой [4, с. 22].

Весной 1944 г. в районе города Сумы была создана база формирования Польской армии в СССР. Здесь были сформированы 4-я пехотная дивизия им. Яна Килиньского, 1-я кавалерийская, 2, 3 и 4-я артиллерийские бригады, 1-я зенитная артиллерийская дивизия, 1-я инженерно-саперная бригада, ряд специальных и тыловых частей [4, с. 22], в течение июня-июля вошедшие в состав армии.

С ростом численности польских войск возросла их потребность в офицерских кадрах и других специалистах. С этой целью советское командование заметно увеличило контингент польских слушателей и курсантов в советских военно-учебных заведениях и различных учебных центрах. Командные кадры для польских танковых войск готовились в Ленинградской высшей бронетанковой школе, 1-м Саратовском, 2-м Горьковском, Пушкинском танковых училищах и в нескольких учебных танковых полках. Во всех этих учебных заведениях и частях обучалось 1 200 танкистов для 1-й Польской армии. Летчики и другие авиационные специалисты готовились в Тамбовском, Борисоглебском, 2-м Чкаловском и 2-м Вольском авиационных училищах и в ряде других учебных заведений ВВС. Часть польских офицеров была направлена для повышения квалификации в Военную академию им. М. В. Фрунзе и на курсы «Выстрел». Всего в 22 советских военно-учебных заведениях с апреля по июнь 1944 г. проходило подготовку 3 234 польских военнослужащих [2, с. 115].

Значительно расширилась сеть военных школ 1-й Польской армии. В частности, в Рязани была организована Высшая польская офицерская школа со штатом переменного состава 750 человек. Всего в армейских школах и на курсах обучалось более 2 550 человек [2, с. 115].

В июле 1944 г. база формирования Польской армии в СССР была перенесена в район Житомира, а Управление формирования было развернуто в Главный штаб формирования, начальником которого был назначен генерал К. Сверчевский. Здесь началось создание частей 1-го танкового корпуса, 5-й и 6-й пехотных дивизий, штабов 1-го и 2-го армейских корпусов и корпусных частей [4, с. 22].

Ответственность за организацию воспитательной работы с личным составом была возложена на политико-воспитательное управление армии, состоящее из отделов: организационного, пропаганды, кадров и пропаганды среди войск противника, а также редакции армейской газеты «Звyezджимы». Советское командование оказывало помощь в подготовке офицеров-политработников. Только с апреля по июль 1944 г. различные курсы Советской Армии окончили 670 польских офицеров [2, с. 116].

Благодаря всесторонней помощи советского народа на территории СССР к концу июня 1944 г. были сформированы: управление общевойсковой армии, танковый корпус, шесть пехотных и зенитно-артиллерийская дивизии, кавалерийская, пять артиллерийских и инженерно-саперная бригады, многие отдельные полки и батальоны. Общая численность польских войск к июлю 1944 г. превысила 100 тыс. человек [1, с. 86—87].

К лету 1944 г. 1-я Польская армия в СССР представляла собой хорошо оснащенное, вооруженное и обученное оперативное объединение — самостоятельное регулярное войско, ставшее зародышем будущих национальных вооруженных сил новой Польши.

В состав действующих соединений и частей армии входили четыре пехотные дивизии (1, 2, 3 и 4-я), кавалерийская бригада, пять артиллерийских бригад, отдельный минометный полк, зенитно-артиллерийская дивизия, отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, танковая бригада, отдельный дивизион самоходно-артиллерийских установок, инженерно-саперная бригада, два отдельных саперных батальона, полк связи, отдельный батальон связи, два отдельных батальона химзащиты, два авиационных полка и многие другие подразделения и службы [2, с. 117]. В связи с острой нехваткой в армии подготовленных офицерских кадров число советских офицеров, направленных по просьбе поль-

ской стороны в польские соединения и части, увеличилось с мая 1943 по июль 1944 г. до 7 206 [2, с. 117].

Создание польских частей и соединений на советской территории сыграло важную роль в строительстве народного Войска Польского.

В оккупированной гитлеровцами Польше росло движение сопротивления врагу среди польского народа. Борьба польских трудящихся против фашистских захватчиков активизировалась в связи с образованием в январе 1942 г. Польской рабочей партии (ППР) и ее вооруженной организации — Гвардии Людовой (ГЛ). Осенью 1943 г. в стране уже действовало 39 партизанских отрядов ГЛ. Особо широкий размах приняли боевые операции Гвардии Людовой в 1943 г. Возникла необходимость создания вооруженной организации более массового характера.

В конце 1943 — начале 1944 г. под руководством ППР ряд патриотических общественно-политических и военных подпольных организаций в Польше достигли сплочения на общей платформе борьбы за независимую, суверенную и народную Польшу. В ночь на 1 января 1944 г. в Варшаве был образован подпольный орган борющейся Польши — Крайова Рада Народова (КРН).

В программной декларации КРН указывались пути достижения социального и национального освобождения польского народа, формулировалась внешнеполитическая линия освобожденной Польши, в основе которой лежали прочная дружба и сотрудничество с СССР.

Для борьбы с оккупантами КРН создала вооруженную организацию народа — Армию Людову (АЛ), назначила ее Главное командование и взяла на себя верховную власть над ней. Поскольку организации буржуазного лагеря Польши по вине их реакционных руководителей в состав АЛ не вошли, костяком Армии Людовой стала Гвардия Людова. Кроме того, в Армию Людову вошла милиция Рабочей партии польских социалистов (РППС), отряды Союза борьбы молодых, некоторые отряды Батальонов хлопских (крестьянских) и военной организации буржуазного эмигрантского польского правительства в Лондоне — Армии Крайовой (АК). К середине 1944 г. общая численность Армии Людовой колебалась в пределах 50—60 тыс. человек. Около 20 тыс. партизан Армии Людовой действовали в полевых отрядах и соединениях [4, с. 132].

Коренные изменения в военно-политической обстановке и строительстве Войска Польского произошли в связи с освобождением в июле-августе 1944 г. частями Советской Армии восточных районов страны. В освобожденном войсками 1-го Белорусского фронта городе Хелме было образовано первое в истории Польши рабоче-крестьянское правительство — Польский комитет национального освобождения (ПКНО). Утверждение в Польше народной власти во главе с ППР предопределило характер польских вооруженных сил, создание которых стало одной из главных задач КРН и ПКНО, всех демократических сил страны.

21 июля 1944 г. Крайова Рада Народова взяла на себя всю верховную власть над 1-й Польской армией и, объединив ее с многотысячной Армией Людовой, образовала единое Войско Польское. Это была армия нового суверенного народно-демократического государства. Большое значение для строительства народного по своей сущности Войска Польского имело то, что его ядром стала 1-я Польская армия, сформированная на территории Советского Союза и при его всесторонней помощи. Польские части в СССР создавались с использованием принципов организации и обучения вооруженных сил, советских уставов и наставлений, опыта подготовки войск и командных кадров, накопленного Советской Армией.

Вскоре было образовано Главное командование Войска Польского в составе: главнокомандующего (генерал-брони М. Роля-Жимерский), двух его заместителей (генерал З. Берлинг и генерал А. Завадский) и двух членов. Декретом КРН предусматривалось сохранение до конца войны оперативного подчинения Верховному Главнокомандованию Советской Армии польских соединений, действовавших на советско-германском фронте [2, с. 121].

Главной задачей молодой народной власти в Польше в области военной

политики была мобилизация народа, всех сил и средств страны на расширение борьбы в сотрудничестве с Советской Армией против гитлеровской Германии.

В течение короткого времени Главное командование разработало план развертывания Войска Польского до конца 1944 г. С 20 августа 1944 г. на территории освобожденной Польши началось формирование 2-й армии Войска Польского. Командующим армии был назначен генерал дивизии К. С. Сверчевский. До конца 1944 г. были созданы также танковый и авиационный корпуса, ряд других соединений и частей [2, с. 124; 5, с. 46].

Началось формирование Главного штаба Войска Польского, штабов родов войск и управления служб. В сентябре 1944 г. было организовано Главное политико-воспитательное управление, в ноябре — Командование военно-воздушных сил Войска Польского [4, с. 26—27], в течение августа-сентября 1944 г. — Верховный военный суд, Главная военная прокуратура, Управление кадров, Военный научно-издательский институт [4, с. 27].

В соответствии с декретом ПКНО от 15 августа 1944 г. на освобожденных польских землях предусматривалась частичная мобилизация призывников 1921—1924 гг. рождения и регистрация населения, подлежащего призыву на военную службу [4, с. 27—28]. В этих целях на основе приказа Главнокомандующего Войска Польского от 18 августа 1944 г. были созданы районные комендатуры пополнений [4, с. 28]. В трудных условиях борьбы с внутренней контрреволюцией, стремившейся сорвать проведение мобилизации, к концу 1944 г. в армию было призвано свыше 100 тыс. человек [4, с. 28]. Многие призывники, особенно из числа рабочих, вступали в ряды народного Войска Польского добровольно. В результате проведенных мобилизаций к концу 1944 г. были пополнены личным составом уже сформированные 5-я и 6-я пехотные дивизии, 1-й танковый корпус, а также созданы новые соединения и части, в их числе 7, 8, 9 и 10-я пехотные дивизии, две дивизии ПВО, семь артиллерийских бригад. Были открыты военные училища. К концу 1944 г. во всех училищах Войска Польского обучалось 13 тыс. курсантов [2, с. 125; 3, с. 134].

Советское правительство обязалось обеспечить новые формирования Войска Польского оружием, снаряжением, обмундированием, горюче-смазочными материалами, транспортными средствами и боеприпасами. Учитывая трудности с офицерскими кадрами, по просьбе командования Войска Польского в ряды вооруженных сил Народной Польши к концу октября 1944 г. для временного прохождения службы было откомандировано 11 513 советских офицеров. Увеличивался контингент польских курсантов в советских военно-учебных заведениях [2, с. 125].

К концу 1944 г. полностью была завершена боевая подготовка соединений и частей 2-й армии и почти всех соединений и частей, непосредственно подчиненных Главному командованию Войска Польского. К этому времени в составе Войска Польского имелось: Главное командование, два командования армий, 18 дивизий, в том числе 10 пехотных, танковый и авиационный корпуса; 21 бригада, в том числе 12 артиллерийских, 2 отдельные танковые, минометная, кавалерийская и 5 инженерно-саперных; 30 отдельных полков, свыше 60 отдельных батальонов и сотни мелких подразделений и служб; 18 запасных частей, 24 учебных заведения (училища и курсы) и аппарат призыва и пополнения. В боевых частях и соединениях Войска Польского имелось более 200 тыс. солдат и офицеров [2, с. 125—126].

Сформированные на советской земле, а затем и на территории Польши, соединения и части Войска Польского полностью обеспечивались техникой и оружием за счет Советского Союза. В течение только 1944 г. на вооружение Войска Польского было поставлено 195 579 винтовок и карабинов, 71 833 автомата, более 16 тыс. ручных, станковых и зенитных пулеметов, 4 634 противотанковых ружья, 4 630 орудий и минометов, 249 танков и самоходно-артиллерийских установок, необходимое количество средств связи и транспорта [1, с. 87].

Военное строительство в народной Польше осуществлялось под ру-

ководством ЦК ППР, который проявлял постоянную заботу об упрочении народного характера Войска Польского, повышения его боеспособности. 31 октября 1944 г. Политбюро ЦК ППР приняло специальное постановление о партийной работе в армии, в котором ставилась задача усилить политическое противодействие проискам реакции и недопустить проникновение в Войско Польское реакционных элементов. Были назначены уполномоченные партии в Войске Польском. Их деятельностью руководил Военный отдел ЦК ППР [2, с. 126—128].

Идейно-политическое воспитание личного состава Войска Польского возлагалось на Главное политико-воспитательное управление (ГПВУ), подчиненное заместителю Главнокомандующего Войска Польского по политико-воспитательной работе, члену Политбюро ЦК ППР генералу бригады А. Завадскому [2, с. 129]. Все ведущие должности в ГПВУ, в управлениях армий и отделах соединений занимали коммунисты. Это обеспечило твердое проведение в армии политической линии ЦК ППР, воспитание личного состава в духе любви к народу, защиты его революционных завоеваний, верности братству с Советской Армией; решительность борьбы против фашизма и внутренней буржуазно-помещичьей реакции; активное участие солдат и офицеров в общественно-политической и хозяйственной жизни Польши, в проведении социально-экономических преобразований в стране. Уполномоченные партии в армии начали свою деятельность с конца 1944 г. и явились связующим звеном между армейскими коммунистами и армейским политаппаратом и руководящими органами ППР; они проводили в жизнь директивы ЦК ППР в армии. Постепенно в соединениях стали возникать организации ППР, охватывающие первоначально только кадровый командный состав.

К концу 1944 г. в политической жизни Польши произошли существенные сдвиги — в освобожденных восточных районах была успешно проведена аграрная реформа, одновременно с восстановлением промышленности и транспорта шла подготовка к их национализации, была создана и функционировала государственная администрация. В конце декабря по воле подавляющего большинства населения освобожденных районов КРН приняла решение о преобразовании ПКНО во Временное правительство Польской Республики, которое уже 4 января 1945 г. было признано Советским Союзом [6, с. 61—62].

В целях более оперативного руководства всеми вопросами военного строительства 18 апреля 1945 г. Крайова Рада Народова образовала Министерство национальной обороны [4, с. 34]. Благодаря заботе ППР и усилиям польского народа, помощи Советского Союза вооруженные силы ППР превратились к концу войны в сильную армию. В составе 1-й и 2-й армий и Резерва Главного командования к этому времени насчитывалось около 400 тыс. человек, имелось 45 соединений, в том числе: 14 пехотных, 4 артиллерийские и зенитно-артиллерийские дивизии, 10 артиллерийских, кавалерийская, минометная, мотострелковая, 4 танковые, 5 инженерно-саперных бригад, 4 авиационные дивизии, а также десятки отдельных частей и подразделений разных родов войск и служб [2, с. 133; 4, с. 35]. На вооружении соединений и частей Войска Польского было около 4 тыс. орудий разного калибра, 400 танков и САУ, 600 самолетов, 8 тыс. пулеметов, сотни тысяч единиц стрелкового и другого вооружения [2, с. 134].

Всего Советский Союз за годы войны передал польским вооруженным силам около 700 тыс. винтовок и автоматов, свыше 15 тыс. станковых пулеметов и минометов, 3,5 тыс. орудий, тысячу танков, 1200 самолетов, свыше 18 тыс. автомобилей, огромное количество боеприпасов, горючего, продовольствия и обмундирования [4, с. 35]. К концу войны в Войске Польском находилось около 20 тыс. советских генералов и офицеров и более 13 тыс. младших командиров и рядовых — специалистов технических войск. Свыше 900 советских генералов и офицеров пали смертью героев, сражаясь против гитлеровцев в рядах Войска Польского [2, с. 134].

Важное значение для упрочения дружбы и сотрудничества между

советским и польским народами и их армиями имело подписание 21 апреля 1945 г. в Москве Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской Республикой. Обе стороны обязались до конца войны «оказывать друг другу военную и другую помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами» [2, с. 135].

Народная Польша вступила в 1945 г. как равноправный член антигитлеровской коалиции и ближайший союзник Советской страны, она активно участвовала в исторических событиях зимы и весны 1945 г., внесла достойный вклад в разгром гитлеровской Германии.

До конца войны соединения и части Войска Польского участвовали в пяти крупнейших стратегических операциях Советской Армии на территории Польши, Германии и Чехословакии.

В пределы родной страны соединения 1-й Польской армии вступили 20 июля 1944 г., а через неделю основные силы польских войск на рубеже Вислы вошли в первый эшелон 1-го Белорусского фронта, который вел упорные бои по удержанию и расширению плацдармов на западном берегу Вислы в районе Пулавы и Магнушева.

6 августа соединения польской армии получили приказ оборонять северный участок магнушевского плацдарма. С 9 по 17 августа особенно упорные бои с гитлеровцами вела здесь 1-я польская танковая бригада, находясь в оперативном подчинении командующего 8-й гвардейской армией [2, с. 138]. Отразив несколько десятков контратак пехоты и танков гитлеровской дивизии «Герман Геринг», бригада оказала серьезную поддержку обороняющимся соединениям 4-го гвардейского стрелкового корпуса. Наибольшего накала бои достигли 14 августа в районе села Студзянки, где слаженными действиями советских и польских войск был разгромлен прорвавшийся к селу противник.

Мужественно сражались польские воины, освобождая родную землю. «Солдаты польской бригады,— отмечал Военный совет 8-й гвардейской армии,— дрались исключительно хорошо, показали примеры образцовой организации, дисциплины, выдержки и отваги, непрерывно отражали атаки превосходящих сил пехоты и танков противника, тесно взаимодействуя с частями 4-го гвардейского корпуса» [7, с. 101].

Совместно с соединениями 47-й армии храбро сражались за восточный район Варшавы — Прагу — воины 1-й польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко. С 10 по 14 сентября 1944 г. дивизия вела бои в составе 125-го стрелкового корпуса на направлении главного удара армии и, как отметил командующий фронтом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, «показала образцы стойкости и мужества в наступлении» [2, с. 139].

Начало 1945 г. ознаменовалось грандиозными наступлениями советских войск на территории Польши западнее Вислы. В составе войск 1-го Белорусского фронта в начавшейся 12 января Висло-Одерской стратегической наступательной операции участвовали соединения 1-й армии Войска Польского. Армия прошла с боями победный путь от Варшавы до Одры. В ее составе имелось пять пехотных, зенитно-артиллерийская и смешанная авиационная дивизии, танковая, кавалерийская, пять артиллерийских, две инженерно-саперные бригады, отдельный минометный, танковый и самоходно-артиллерийский полки, ряд специальных частей и подразделений численностью около 70 тыс. человек [2, с. 140]. На вооружении армии имелось 1 258 орудий и минометов, 172 танка и САУ, 65 самолетов [2, с. 140].

Совместным комбинированным ударом соединений 47-й и 61-й советских армий и 1-й армии Войска Польского к середине 17 января 1945 г. была полностью освобождена столица Польши — Варшава.

Во второй половине января 1945 г. польские войска, совершив 300-километровый марш-маневр, прибыли в район г. Быдгощи, где 26 января польская танковая бригада и 8-й пехотный полк вместе с советскими войсками участвовали в штурме и освобождении этого города [4, с. 202—203].

Верность братству по оружию и большое воинское мастерство проявили воины 1-й армии Войска Польского в боях за преодоление хорошо укрепленного противником Померанского вала. Здесь польская армия

сражалась во взаимодействии с соединениями 47-й, 61-й, 3-й ударной армий и 2-го гвардейского кавалерийского корпуса. Совместными усилиями советских и польских войск Померанский вал 11 февраля 1945 г. был прорван [2, с. 141].

Серьезным испытанием для воинов 1-й армии Войска Польского явилось их участие в Восточно-Померанской операции Советской Армии, и в особенности в боях с 7 по 18 марта за мощный укрепленный пункт противника на Балтийском море — город Колобжег [1, с. 265—266].

Действуя в конце марта 1945 г. в составе войск 2-го Белорусского фронта, 1-я танковая бригада им. Героев Вестерплате участвовала в штурме и освобождении городов Гданьска и Гдыни [2, с. 142].

В Берлинской операции Советской Армии принимали участие две армии Войска Польского. 1-я армия, усиленная 1-м польским авиакорпусом и 1-й отдельной минометной бригадой, действовала в составе 1-го Белорусского фронта. 2-я армия, усиленная 1-м танковым корпусом и 1-й артиллерийской дивизией — в составе 1-го Украинского фронта, в оперативное подчинение которого она поступила 19 марта 1945 г. [1, с. 283].

К этому времени правительство народной Польши выставило на фронт 10 пехотных дивизий и более 20 артиллерийских, авиационных, танковых дивизий и бригад, многие отдельные части и подразделения, общая численность которых составила около 200 тыс. солдат и офицеров. На их вооружении имелось 3 100 орудий и минометов, 500 танков и САУ, 320 самолетов [2, с. 143].

Непосредственные бои за Берлин в составе 2-й гвардейской танковой армии вели — 1-я пехотная дивизия им. Т. Костюшко, 2-я гаубичная артиллерийская бригада и 6-й понтонно-мостовой батальон Войска Польского. В составе 47-й армии сражалась 1-я отдельная минометная бригада Войска Польского [2, с. 143].

2-я армия Войска Польского участвовала и в Пражской наступательной операции. Действуя в составе 1-го Украинского фронта, армия дошла с боями до чешского города Мельник, где и закончила свой боевой путь.

Участие народного Войска Польского в Брестско-Люблинской, Висло-Одерской, Восточно-Померанской, Берлинской и Пражской операциях Советской Армии в период с июля 1944 г. по май 1945 г. навечно вошло в историю польского народа. В боях за освобождение родины отдали жизнь около 18 тыс. солдат и офицеров Войска Польского [2, с. 145]. Ратные подвиги польских войск 14 раз отмечались в приказах Верховного Главнокомандующего Советской Армии. 29 польских частей и соединений, отличившихся в совместных с советскими войсками боях, более 5 тыс. польских воинов были награждены советскими орденами [1, с. 18]. В борьбе против общего врага — фашизма — родился боевой союз, окрепла дружба между советским и польским народами. В послевоенные годы братские отношения между СССР и ПНР развивались и крепились на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, подписанного в апреле 1945 г., и нового Договора, заключенного в 1965 г. Советско-польское боевое сотрудничество основывается на ленинских принципах социалистического интернационализма, равноправия и взаимного уважения.

Сотрудничество между Советской Армией и Войском Польским осуществлялось как на двусторонней основе, так и в рамках Организации Варшавского Договора. С окончанием второй мировой войны в военном строительстве ПНР наступили качественные изменения.

После I съезда Польской рабочей партии в декабре 1945 г. произошел заметный рост ее организаций в вооруженных силах, повысилась активность армейских коммунистов в жизни и деятельности Войска Польского.

С созданием в декабре 1948 г. Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) влияние рабочего класса в армии значительно возросло. На объединительном съезде ПОРП в декабре 1948 г. была принята программа строительства основ социализма в ПНР.

С началом строительства основ социализма в Польше вместе со всем

обществом в новый этап своего развития вступило и народное Войско Польское. В ходе социалистического строительства Войско Польское стало подлинно социалистической армией, орудием народной власти в борьбе за построение социализма и упрочение безопасности государства.

Оборонное строительство в ПНР, являясь частью общегосударственного строительства, осуществлялось под руководством партии рабочего класса в сложных условиях классовой борьбы, которая в те годы принимала самые острые формы, вплоть до вооруженных выступлений реакционных контрреволюционных банд.

Войско Польское внесло значительный вклад в дело упрочения позиций народной власти в Польше и разгром вооруженного контрреволюционного подполья, состоявшего из отрядов реакционных политических организаций, стремившихся восстановить досентябрьский буржуазно-помещичий режим.

Реакционному подполью активно помогала легальная оппозиция во главе с С. Миколайчиком и верхушка католической церкви. Директивы реакции получала от буржуазной эмиграции из Лондона. В 1945—1946 гг. отряды контрреволюционного подполья насчитывали до 35 тыс. человек [2, с. 159].

В 1945—1948 гг. вооруженные контрреволюционные банды совершили 30 тыс. нападений, убили 17,5 тыс. человек. До весны 1946 г. армейские части вместе с внутренними войсками и милицией уничтожили более 1 600 бандитов и более 3,2 тыс. взяли в плен [2, с. 160—161]. Полностью, однако, банды не были ликвидированы.

29 марта 1946 г. по предложению Главного командования Войска Польского был учрежден Государственный комитет безопасности во главе с министром национальной обороны, в распоряжение которого из состава Войска Польского были выделены значительные силы для борьбы с вооруженным контрреволюционным подпольем [2, с. 160—161]. К середине 1948 г. в стране были восстановлены спокойствие и порядок.

Созданное 28 июня 1945 г. правительство Национального единства, продолжая линию ПКНО и Временного правительства, последовательно осуществляло социально-экономические преобразования, восстанавливало разрушенную войной экономику, добивалось введения в стране порядка путем решительного пресечения деятельности реакционного подполья. Важнейшей его задачей было дальнейшее строительство вооруженных сил ПНР и обеспечение ее безопасности.

В послевоенные годы в Войске Польском произошли качественные изменения: была усовершенствована его организационная структура, улучшилось оснащение оружием и боевой техникой, повысилась боевая готовность соединений и частей, возрос уровень профессиональной подготовки и идейно-политической зрелости личного состава, укрепились связи армии с народом.

К концу 1947 г. окончательно сложился как вид вооруженных сил народной Польши Военно-морской флот [2, с. 156], в 1962 г. — Войска противовоздушной обороны ПНР [8, с. 194]. К 1948 г. сформировалась структура Военно-воздушных сил страны [2, с. 156].

За годы народной власти Войско Польское стало вполне современной кадровой социалистической армией, имеющей передовую организацию, первоклассную боевую технику и оружие, верно служащей интересам трудящихся, делу социализма. В настоящее время в его составе имеются Сухопутные войска, Военно-воздушные силы, Войска ПВО, Военно-морской флот.

Сухопутные войска являются основной частью вооруженных сил ПНР. Они полностью механизированы, обладают высокой маневренностью и большой ударной силой, включают в себя ракетные войска и артиллерию, танковые и механизированные, воздушно-десантные войска, войска противовоздушной обороны, войска связи, инженерные, химические, радиотехнические, дорожно-мостовые и железнодорожные войска и части территориальной обороны [8, с. 194]. Они вооружены новейшей боевой техникой и оружием: тактическими и оперативно-тактическими ракетами,

современными артиллерийскими системами, зенитными ракетными комплексами, высокоэффективными противотанковыми средствами, выпускаемыми оборонной промышленностью ПНР танками, боевыми машинами пехоты (БМП), бронетранспортерами, автомобилями отечественного производства и электронными средствами управления [8, с. 194]. Сухопутные войска способны вести боевые действия на большую глубину в высоких темпах, решать во взаимодействии с другими видами вооруженных сил, родами войск любые задачи современного боя.

Высокого уровня в своем развитии за годы народной власти достигли Военно-воздушные силы ПНР. Они оснащены современными боевыми самолетами, вертолетами, ракетами класса «воздух-земля» и «воздух-воздух» и другими боевыми средствами, позволяющими вести успешную борьбу с наземным, воздушным и морским противником. Летный состав польских ВВС добился больших успехов в использовании боевой техники и оружия, в отработке взаимодействия с другими видами вооруженных сил, родами войск и специальных войск.

Значительно возросла огневая мощь Войск противовоздушной обороны ПНР. Они располагают новейшими комплексами зенитных управляемых ракет, сверхзвуковыми самолетами-перехватчиками и совершенными радиотехническими средствами. Совместно с ВВС войска ПВО составляют около 30% всех вооруженных сил ПНР, в армии предвоенной Польши они составляли 3,8% [8, с. 194—195].

Военно-морской флот ПНР также вооружен современными средствами борьбы, в том числе подводными и надводными боевыми кораблями, ракетными средствами, располагает морской авиацией, береговой артиллерией и вспомогательной техникой. Постоянно углубляется и совершенствуется сотрудничество польского Военно-морского флота с дважды Краснознаменным Балтийским флотом Советского Союза и Народным военно-морским флотом ГДР. Тесно взаимодействуя друг с другом, они успешно решают задачи по защите морских рубежей стран социалистического содружества.

За годы народной власти в Войске Польском создана стройная система военно-учебных заведений, обеспечивающая вооруженные силы ПНР высококвалифицированными военными кадрами, преданными делу социализма, воспитанными в духе патриотизма и пролетарского интернационализма.

Подготовка офицерского состава Войска Польского осуществляется в 4-х академиях, 12-ти высших офицерских школах и 7-ми центрах обучения и совершенствования военных кадров [8, с. 196]. В 6-ти офицерских школах наряду с командно-инженерными кадрами обучаются офицеры-политработники.

Образованный в 1963 г. корпус хоронжих формируется из лиц, прошедших обучение в создаваемых по родам войск и службам школах хоронжих.

Кадры подофицеров выпускают в основном подофицерские школы, создаваемые по видам вооруженных сил и родам войск. Часть польских офицеров и генералов обучается в военно-учебных заведениях Советского Союза. Постоянно растет уровень подготовки командных кадров Войска Польского: в 1958 г. высшее образование имели 11% офицеров, в 1968 г.—22, в 1979 г.—67%. 90% офицеров вооруженных сил ПНР — выходцы из рабочих и крестьян, более 85% — члены Польской объединенной рабочей партии [8, с. 195—196].

Важное значение для повышения боеспособности Войска Польского имеет постоянное совершенствование боевой техники и оружия, развитие военной науки. Система научно-исследовательских учреждений включает 19 институтов и центров, в том числе Военно-исторический институт, Военный институт танковой и автомобильной техники, Военно-технический институт вооружения, Технический институт Военно-воздушных сил, Военный институт связи, Военный институт инженерной техники, Военный институт гигиены и эпидемиологии, Военный институт авиационной медицины, Институт системы материально-технического обеспечения войск и другие учреждения [8, с. 196].

В Войске Польском широко используется опыт армий братских социалистических стран, современные достижения военной науки. В основу боевой подготовки положены новые уставы, введенные в 1977 г. Основными ее формами являются тактические занятия, учения, боевые стрельбы и другие.

Важное значение имеют учения войск и штабов, проводимые в рамках Варшавского Договора. На совместных учениях «Одра-Ниса», «Братство по оружию», «Щит-72», «Дружба-82» и других соединения и части Войска Польского демонстрировали высокую боевую выучку, умение взаимодействовать с войсками и силами флотов братских армий. Войско Польское является активным участником и других мероприятий, проводимых по планам Объединенного командования. Руководящий состав Войска Польского принимает участие в совместных совещаниях, сборах, конференциях, внося весомый вклад в развитие военного дела. Все шире становится военно-техническое сотрудничество вооруженных сил ПНР с братскими армиями Варшавского Договора.

Функцию высшего руководящего органа вооруженных сил страны выполняет Министерство национальной обороны, основными рабочими органами которого являются Генеральный штаб Войска Польского, Главное политическое управление Войска Польского, Главное управление боевой подготовки, инспекторат территориальной обороны, инспекторат гражданской обороны, Главное управление тыла Войска Польского, департамент кадров, департамент финансов, управления родов войск и служб. Территория Польши разделена на три военных округа: Варшавский, Шленский и Поморский [8, с. 194—195].

Центральный Комитет ПОРП большое внимание уделяет деятельности партийных организаций в вооруженных силах, идейно-политической закалке личного состава, боевой и политической подготовке, улучшению быта воинов.

Всю свою работу в армии партия осуществляет через Главное политическое управление Войска Польского, действующего на правах военного отдела ЦК ПОРП.

Главному политуправлению Войска Польского подчинены политические управления военных округов и видов вооруженных сил. В соединениях руководство политической работой осуществляют политотделы, в частях — политические секции во главе с заместителями командиров по политической части.

В военных округах, соединениях, военно-учебных заведениях имеются выборные партийные комитеты, которые руководят деятельностью организаций ПОРП в армии и на флоте. Вместе с партийными комитетами политические отделы и политические управления образуют единые политорганы. В частях, штабах, учреждениях и военно-учебных заведениях создаются первичные партийные организации, при наличии не менее пяти членов ПОРП.

Молодежная организация Войска Польского — Социалистический союз военной молодежи объединяет в своих рядах призванных в армию членов Союза социалистической молодежи, Союза социалистической сельской молодежи и инструкторов харцерской (пионерской) организации.

Деятельностью Социалистического союза военной молодежи руководит Молодежный совет Войска Польского. Молодежные советы создаются также в округах, видах вооруженных сил, соединениях и военно-учебных заведениях. В полках, батальонах и им равных частях избираются правления союза для руководства работой молодежных организаций подразделений.

Главные усилия в идеологической работе с личным составом Войска Польского направляются на воспитание его в духе идей марксизма-ленинизма, социалистического патриотизма и интернационализма.

Большую роль в идейно-политическом воспитании личного состава армии и флота играют армейская периодическая печать — центральный орган Министерства национальной обороны газета «Жолнеж вольности»,

около газет и газет видов вооруженных сил. В Войске Польском выпускаются журналы — «Войско людове», «Мысль войскова», «Войсковы шпеглэнд гисторычны», издаются также журналы видов вооруженных сил и родов войск [8, с. 199].

Центрами культурно-просветительной работы в Войске Польском являются гарнизонные клубы, полковые и батальонные солдатские клубы, комнаты культурно-просветительной работы в подразделениях (светлицы).

Значительное место в этой работе занимает деятельность Центрального художественного ансамбля Войска Польского, эстрадных ансамблей «Черные береты» (Поморский военный округ), «Шленская военная эстрада» (Шленский военный округ), «Десант» (Варшавский военный округ) и коллективов солдатской художественной самодеятельности.

Одним из важнейших источников патриотического и интернационального воспитания в армии является популяризация героического прошлого польских трудящихся, их революционной борьбы за национальное и социальное освобождение, боевых традиций Войска Польского.

Бережно хранятся традиции бойцов-интернационалистов, боровшихся против сил реакции и фашизма. Их имена носят академии, офицерские училища, соединения и части.

Личный состав Войска Польского активно участвует в общественно-политической, экономической и культурной жизни страны: в строительстве и расширении металлургических предприятий и других промышленных объектов, автомобильных и железнодорожных магистралей, в уборке урожая, в ликвидации последствий стихийных бедствий, в проведении массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения.

Существенный вклад в развитие науки и техники вносят военные научные институты, результаты работы которых широко используются в народном хозяйстве.

* *

*

В Войске Польском проводится большая работа по укреплению дружбы польских воинов с воинами Советского Союза и армий других стран социалистического содружества. В интересах изучения опыта боевой подготовки и идейно-политического воспитания воинов используются взаимные визиты военных делегаций, научные конференции, обмен учебными кинофильмами и пособиями, военной литературой, организуются спортивные и культурные мероприятия. Чаще всего такие мероприятия проводятся совместно с воинами Северной группы войск, временно находящейся на территории ПНР, а также с воинами Чехословацкой Народной Армии и Национальной Народной Армии ГДР.

Под руководством действующих в армии партийных организаций воины вооруженных сил ПНР воспитываются в духе преданности идеям социализма, готовности с оружием в руках выступить на защиту революционных завоеваний своего народа.

В условиях кризисной ситуации в стране, вызванной в начале 80-х годов подрывной деятельностью внутренней контрреволюции, Войско Польское, как отмечалось на заседании Сейма ПНР в декабре 1983 г., проявило свою преданность народной власти, социалистическому государству, последовательно отстаивало революционные завоевания [9].

Всестороннюю помощь и широкую поддержку в преодолении кризисной ситуации в стране и в борьбе против вмешательства реакционных империалистических кругов Запада во внутренние дела Польши трудящиеся ПНР получают от братских стран социалистического содружества.

«Социалистическая Польша, — говорится в Политической декларации государств — участников Варшавского Договора, принятой на совещании Политического консультативного комитета в январе 1983 г., — может всегда рассчитывать на моральную, политическую и экономическую поддержку братских социалистических стран» [10].

Войско Польское является надежным звеном в братском союзе армий стран — участниц Варшавского Договора. В тесном боевом содружестве с Советской Армией и другими армиями стран социалистического содружества польские воины бдительно стоят на страже мира и социализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братство по оружию. М., 1975.
2. Зарождение народных армий стран — участниц Варшавского Договора. М., 1975.
3. Боевой союз братских армий. М., 1974.
4. Боевые действия народного Войска Польского 1943—1945. М., 1961.
5. Советское военное обозрение, 1978, № 9.
6. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. М., 1947.
7. Военно-исторический журнал, 1963, № 9.
8. Варшавский Договор — союз во имя мира и социализма. М., 1980.
9. *Zołnierz Wolności*, 20 XII 1983.
10. Правда, 7 I 1983.

СЕНТЯБРЬСКОЕ НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ 1923 ГОДА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ СОЛИДАРНОСТИ С АНТИФАШИСТСКОЙ БОРЬБОЙ БОЛГАРСКОГО НАРОДА

Героическое Сентябрьское восстание болгарских рабочих и крестьян в 1923 г. вошло в историю как первая битва трудящихся масс с наступающим фашизмом. Уроки восстания имели исключительно важное значение для дальнейшего развития революционного движения в Болгарии и для победы над фашизмом и капитализмом. Не случайно Георгий Димитров назвал его «болгарским 1905 годом», без которого невозможен был бы победоносный сентябрь 1944 г.

Сентябрьское восстание 1923 г. стало высшей точкой развития революционного кризиса в Болгарии, вызванного тяжелыми последствиями первой мировой войны и углубившегося под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции.

Послевоенные годы характеризовались и переходом буржуазии в наступление на трудящиеся массы. В результате государственного переворота 9 июня 1923 г. в Болгарии было свергнуто правительство Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) и установлена военно-фашистская диктатура во главе с А. Цанковым.

Трудящиеся массы ответили на фашистский переворот вооруженной борьбой, стихийно вспыхнувшей во многих районах страны уже на следующий день. В ожесточенных боях, продолжавшихся почти неделю, плечом к плечу сражались против общего врага десятки тысяч рабочих и крестьян [1, с. 123; 2]. Руководство БКП, считая, что идет борьба между двумя фракциями буржуазии — городской и сельской, объявило о нейтралитете партии [3, с. 257]. В 1923 г. БКП находилась лишь в начале процесса большевизации, перевооружения идеями ленинизма. Одной из слабых ее сторон было неправильное отношение к крестьянству как к неревOLUTIONному классу и недооценка роли союза рабочих и крестьян. Эта ошибка дорого обошлась болгарскому рабочему движению. «...Была упущена чрезвычайно благоприятная обстановка для полного разгрома монархо-фашистских сил еще в самом начале их наступления, для завоевания серьезных позиций в борьбе против капитализма, за социализм», — отмечал позднее Г. Димитров [4, т. II, с. 587]. Правительству удалось быстро подавить июньское восстание.

Тем не менее настроение масс оставалось боевым. Партия стояла перед трудным испытанием. В эти дни большую помощь БКП оказал Исполком Коммунистического Интернационала. Он дал верную оценку фашистского переворота 9 июня, подверг критике пагубную тактику нейтралитета и предупредил БКП о нависшей опасности.

Партия правильно восприняла критику и нашла в себе силы в короткий срок преодолеть ошибочную позицию и приступить к сплочению

всех антифашистских сил в единый блок трудящихся города и деревни. На заседании ЦК БКП 5—7 августа 1923 г. было принято историческое решение о подготовке вооруженного восстания для свержения фашистской диктатуры и установления власти рабоче-крестьянского правительства [3, с. 265]. В соответствии с этим решением партия начала энергичную подготовку восстания. Она обратилась с предложением о совместных действиях к руководителям БЗНС, социал-демократической партии, Союза ремесленников и некоторых других организаций. С готовностью откликнулось на призыв коммунистов к общей борьбе только руководство БЗНС. В то же время БКП вела активную работу по созданию единого фронта снизу.

В политической подготовке восстания исключительно большую роль сыграли статьи Г. Димитрова о едином фронте, опубликованные в августе — начале сентября в органе БКП «Работнически вестник». В условиях, когда в международном коммунистическом движении еще не была полностью ясна сущность фашизма, Г. Димитров раскрыл его антидемократический и антинародный характер. Он развил и конкретизировал применительно к Болгарии ленинские положения Коминтерна о едином фронте. Расширив понятие единого пролетарского фронта, Г. Димитров призвал создать единый фронт труда против наступления фашизма и реакции [4, т. I, с. 95—106].

Наряду с политической работой партия проводила военно-техническую подготовку восстания. Территория страны была разделена на пять военно-революционных областей, разрабатывался план военных действий, создавались склады оружия. Предусматривалось одновременное выступление трудящихся по всей стране.

Напуганное революционным подъемом масс, правительство поспешило нанести удар по БКП до того, как партия завершит подготовку восстания. 12 сентября начались массовые аресты, в ходе которых было брошено в тюрьмы более 2 тысяч коммунистов, профсоюзных и комсомольских активистов [3, с. 270]. Однако благодаря принятым партией мерам предосторожности большинству руководителей деятелей БКП удалось избежать ареста. Подготовка восстания продолжалась, хотя удар, нанесенный фашистским правительством, не мог не сказаться. Кое-где начались стихийные выступления трудящихся, возмущенных действиями властей.

20 сентября ЦК БКП принял решение начать восстание по всей стране в ночь с 22 на 23 сентября. Общее руководство было поручено Главному военно-революционному комитету, в который вошли В. Коларов, Г. Димитров и Г. Генев. Центром восстания временно, до взятия Софии, должен был стать Врачанский округ. Туда 21 сентября направились члены Главного военно-революционного комитета, чтобы взять на себя непосредственное руководство восстанием. В это время в столице события приняли крайне неблагоприятный оборот: в результате предательства был арестован софийский военно-революционный комитет и раскрыт весь план восстания в городе. Это роковым образом сказалось на общем ходе восстания [5, с. 12].

Первыми на борьбу поднялись рабочие и крестьяне Старозагорского округа, где было объявлено о начале восстания в ночь с 19 на 20 сентября. Будучи массовым и сравнительно хорошо организованным, восстание успешно развивалось во всех четырех околиях округа — Старозагорской, Новозагорской, Чирпанской и Казанлыкской. Повстанческие отряды, руководимые смелыми коммунистами П. Еневым, Д. Пехливановым и другими, сражались с большим героизмом и захватили г. Нова Загору и многие села. Однако поскольку восстание началось там на несколько дней раньше, чем в других районах страны, оно осталось изолированным. Перебрасывая против повстанцев сильные войсковые части из соседних округов, правительство сумело быстро его подавить.

Наибольшего размаха восстание достигло в Северо-Западной Болгарии, где влияние БКП было особенно сильным. Во Врачанском округе действовали решительные и преданные делу партии коммунисты —

Х. Михайлов, Г. Дамянов, З. Попов, Ф. Козовский. Под их руководством был создан единый фронт рабочих и крестьян, восставшие обеспечивались оружием.

В ночь на 23 сентября боевые группы из г. Фердинанда (ныне — Михайловград) и близлежащих сел стремительно атаковали город и заняли его. Однако утром туда были направлены войска, которые заставили повстанцев отступить. В это время на помощь им прибыл многочисленный Лопушанский отряд под командованием Г. Дамянова. Вновь освобожденный город был объявлен центром восстания. 23—24 сентября знамена повстанцев были подняты в городах Оряхово, Кнежа, Бяла Слатина, Берковица и во многих селах. В результате напряженных боев в руках восставших оказался почти весь Врачанский округ (за исключением окружного центра г. Врацы).

С занятием повстанцами Врачанского округа фашистское правительство оказалось отрезанным от соседнего Видинского округа, что создало благоприятные условия для быстрого распространения восстания. Особенно массовым было выступление трудящихся Ломской околии Видинского округа. В г. Лом разыгрался один из самых кровопролитных боев Сентябрьского восстания. В течение четырех суток повстанцы непрерывно атаковали укрывшиеся в казармах правительственные войска и отступили лишь после получения фашистами сильного подкрепления из соседней околии. Активное участие в сражении за Лом принимали женщины, среди которых особенно отличилась Георгица Карастоянова.

В других районах страны восстание не носило столь массового характера. Не присоединились к восставшим рабочие Софии, Пловдива, Русе и других крупных городов. Но в отдельных околиях Софийского, Пловдивского, Петричского, Бургасского округов были сформированы многочисленные повстанческие отряды, храбро сражавшиеся с врагом.

В занятых восставшими населенных пунктах впервые в истории Болгарии была установлена рабоче-крестьянская власть. Ее органами являлись революционные комитеты, в состав которых, как правило, входили коммунисты и «земледельцы», но руководящая роль в них принадлежала БКП. Ревкомы выполняли различные функции, но главная их задача заключалась в мобилизации народных масс на борьбу, создание и вооружение повстанческой армии. В то же время они заботились о сохранении революционного порядка, снабжении семей мобилизованных бойцов продовольствием. Несмотря на кратковременность своей деятельности, ревкомы смогли провести некоторые социальные преобразования. Например, во Врачанском округе они установили контроль над банками, начали конфискацию зерна у местной буржуазии [6, с. 34—35]. За короткое время своего существования рабоче-крестьянская власть смогла завоевать полное доверие и поддержку трудящихся.

Воспользовавшись тем, что в Софии и некоторых округах трудящиеся не смогли подняться на вооруженную борьбу, правительство сконцентрировало основную часть войск на северо-западе страны. 26 сентября началось наступление на центр восстания — г. Фердинанд. Превосходство противника в численности и вооружении было слишком очевидным. Чтобы сохранить силы повстанцев, Главный военно-революционный комитет приказал начать организованное отступление к болгаро-югославской границе. В последних числах сентября основная часть восставших, ведя кровопролитные оборонительные бои, отступила в горы и перешла границу. Среди тех, кто вынужден был надолго покинуть родину, были и руководители Сентябрьского восстания.

Репрессии фашистов во время и после подавления восстания подтвердили слова Ф. Энгельса о том, что террор чаще всего представляет собой «жестокости, совершаемые ради собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх» [7, с. 45]. По приблизительным подсчетам было арестовано около 15 тыс. антифашистов, без суда и следствия убито свыше 5 тыс. [1, с. 331]. Кровавый террор осенью 1923 г. создал непреодолимую пропасть между трудящимися массами и фашистским правительством.

Несмотря на тяжелое поражение в сентябре 1923 г., болгарские революционеры не прекратили борьбы. БКП сумела в короткий срок восстановить свои организации на нелегальной основе, в октябре возобновил свою деятельность ЦК БКП. Одновременно в Вене был образован Заграничный комитет БКП во главе с Г. Димитровым и В. Коларовым, там же стала выходить газета «Работнически вестник». Написанное Г. Димитровым и В. Коларовым в октябре 1923 г. «Открытое письмо рабочим и крестьянам Болгарии» было пронизано огромным революционным оптимизмом: «Из своего поражения мы извлечем урок, и завтра мы будем сильнее, чем были вчера ... Никакого уныния, никакого отчаяния, никакого малодушия! Выше головы, славные борцы!» [4, т. I, с. 128—129].

Параллельно с работой по восстановлению партийных организаций коммунисты продолжали борьбу за сохранение и расширение единого фронта с БЗНС. Активная работа в этом направлении проводилась в ходе парламентских выборов в ноябре 1923 г. Несмотря на то, что предвыборная кампания проходила в обстановке жесточайшего террора, БКП и БЗНС добились определенного успеха, получив около 317 тыс. голосов [3, с. 292]. Результаты выборов показали, что обе партии болгарских трудящихся сохранили свое влияние в массах.

Июньские и сентябрьские события в Болгарии и новый курс БКП обсуждались Исполкомом Коминтерна. В решениях ИККИ по «болгарскому вопросу», принятых в январе 1924 г., были определены основные направления дальнейшей деятельности партии и одобрен курс на подготовку нового антифашистского восстания [3, с. 295].

Об активизации деятельности БКП свидетельствовали первомайские митинги и забастовки, состоявшиеся во многих городах страны в 1924 г. В грандиозную антифашистскую демонстрацию превратились похороны 11 мая 1924 г. основателя БКП Д. Благоева. Большим успехом болгарских коммунистов, свидетельствовавшим об их умении сочетать легальные и нелегальные формы работы, было создание в 1924 г. легальной политической организации рабочего класса — Партии труда, главная задача которой заключалась в мобилизации народных масс на борьбу против фашистского режима. Антифашистские выступления болгарских трудящихся в первой половине 1924 г. способствовали утверждению в БКП убеждения в том, что революционная ситуация в стране сохраняется и что в связи с этим необходимо продолжить курс на вооруженное восстание.

В мае 1924 г. состоялась первая нелегальная конференция БКП, вошедшая в историю партии под названием Витошской. Она сплотила здоровые силы БКП вокруг революционного ядра и подтвердила правильность сентябрьской тактики. Конференция пришла к выводу, что, поскольку революционная ситуация в стране сохраняется, курс на подготовку нового вооруженного восстания должен быть продолжен¹. Вместе с тем ее участники не обратили должного внимания на левачьи настроения, начавшие проявляться в рядах БКП. Односторонняя, безоговорочная ориентация партии на восстание лишала ее возможности маневрировать и корректировать тактику в соответствии с изменением обстановки в стране. После Витошской конференции центр тяжести партийной работы был перенесен на политическую и военную подготовку восстания, создание в стране разветвленной военной организации, усиление партизанского движения.

Между тем с осени 1924 г. революционные настроения трудящихся начали постепенно спадать. Массы отходили от активных форм борьбы, и все попытки партии подготовить новое восстание осенью 1924 г. оказались безуспешными.

В конце 1924 — начале 1925 г. в Болгарии уже четко проявились признаки временной и частичной стабилизации капитализма. Буржуазии удалось укрепить свои позиции. В январе 1924 г. был принят реакцион-

¹ Следует отметить, что в современной болгарской историографии вопрос о сохранении в Болгарии революционной ситуации после подавления Сентябрьского восстания является дискуссионным [8].

ный «закон о защите государства», на основании которого объявлялись запрещенными БКП, БЗНС, комсомол и другие организации трудящихся. Обычным явлением на улицах Софии и других болгарских городов стали политические убийства среди бела дня.

В новых условиях болгарские коммунисты должны были изменить политический курс, снять лозунг вооруженного восстания, усилить легальную работу в массах. На этом настаивали находившиеся в эмиграции Г. Димитров и В. Коларов. Однако партийное руководство в стране не приняло во внимание этих своевременных рекомендаций, что объясняется недостаточной зрелостью партии, распространенностью в ней левацких иллюзий. Успехи БКП в восстановлении ее рядов, создание после Витовской конференции сильной военной организации, с одной стороны, и свирепый фашистский террор, трудности массовой легальной работы партии, с другой, способствовали тому, что «родилась опасная ультралевого уклона в партии и прежде всего в ее военной организации, которая в ответ на правительственный террор приступила к организации чет и к отдельным террористическим актам» [4, т. II, с. 592].

16 апреля 1925 г. во время панихиды по фашистскому генералу в софийском соборе «Святая неделя», где собрались члены правительства во главе с А. Цанковым, был произведен взрыв. По словам Г. Димитрова, это покушение было «актом отчаяния и самозащиты зверски преследуемых и гонимых нелегальных» [9, т. 8, с. 117].

Фашистское правительство использовало взрыв как предлог для перехода к массовому истреблению коммунистов и других антифашистов. Во время кровавой расправы в апрельские дни погибли многие видные деятели БКП и БЗНС-левицы. Большое число антифашистов, спасаясь от смерти, эмигрировало за границу.

После апрельских событий соотношение сил в стране резко изменилось. Антифашистскому движению Болгарии был нанесен сильнейший удар. Однако своей цели — полной и окончательной ликвидации БКП — фашисты не добились. Московское совещание БКП (июль — сентябрь 1925 г.), проанализировав обстановку, создавшуюся в связи с началом временной и частичной стабилизации капитализма в Болгарии, сняло курс на вооруженное восстание и наметило новую политическую линию партии с учетом условий, существовавших в стране. Был сделан вывод о временном спаде революционного движения и в качестве важнейшей задачи партии выдвинута борьба за удовлетворение насущных нужд трудящихся [3, с. 316]. После совещания болгарские коммунисты развернули активную деятельность по восстановлению партийных организаций, по укреплению связей БКП с широкими массами, возглавили борьбу против ненавистного режима военно-фашистской диктатуры.

Для развития БКП как революционной партии болгарского пролетариата огромное значение имело выяснение причин поражения Сентябрьского восстания. Основная причина, определившая все недостатки и ошибки, допущенные в ходе подготовки и проведения восстания, заключалась в том, что БКП к тому времени еще не стала партией нового, ленинского типа. На это неоднократно указывал Г. Димитров. В своей речи перед фашистским судом в Лейпциге, десять лет спустя после восстания, он заявил: «Я сожалею только, что я и моя партия еще не были тогда настоящими большевиками» [4, т. I, с. 317].

Именно поэтому партия не смогла оценить июньские события как наиболее благоприятный момент для свержения фашистского правительства, своевременно не осознала допущенную 9 июня ошибку и не отстранила с революционной решимостью сторонников оппортунизма, проявившегося в июне. На ответственных постах во многих партийных организациях были оставлены явные или тайные противники восстания, колеблющиеся или оппортунистически настроенные руководители. В результате этого в Софии и других крупных городах восстание вообще не было объявлено [5, с. 18].

Недостаточной большевизацией партии объясняется и то, что она не смогла обеспечить достаточно прочного союза рабочих и крестьян, слабо

вела работу по привлечению на свою сторону армии. «Бывают, однако, поражения, которые серьезно способствуют будущей победе освободительного дела рабочего класса», — подчеркивал Г. Димитров на V съезде БКП в 1948 г. [5, т. II, с. 589].

Урок, который партия получила в сентябре 1923 г., ускорил ее большевизацию. Это был длительный и сложный процесс, завершившийся лишь в конце 30-х годов. Но Сентябрьское восстание явилось, по словам Г. Димитрова, переломным моментом в развитии партии от теснчества к большевизму [4, т. II, с. 588]. Оно способствовало повышению революционной зрелости и боеспособности БКП, усилению борьбы с оппортунистическими элементами в ее рядах. Восстание сыграло огромную роль в развитии рабочего и антифашистского движения в Болгарии. В сентябре 1923 г. болгарский народ получил первый опыт вооруженной борьбы против фашизма и реакции. «И если широкие народные массы никогда не примирялись с фашизмом, несмотря на огромные жертвы, которые были принесены, и неисчислимые страдания, которые они пережили в течение двух десятилетий, это, бесспорно, объясняется прежде всего колоссальным влиянием Сентябрьского восстания и его положительными и отрицательными уроками для болгарского народа» [9, т. II, с. 251].

Самым ценным политическим завоеванием БКП и всех трудящихся был опыт совместной вооруженной борьбы рабочих и крестьян, коммунистов и «земледельцев». В дни восстания было положено начало образованию единого антифашистского фронта в Болгарии, хотя тогда он и не был создан до конца.

Сентябрьское восстание 1923 г. имеет и важное международное значение. БКП и трудящиеся Болгарии внесли ценный вклад в решение проблемы единого фронта. Тактика болгарских коммунистов в ходе подготовки и проведения восстания обсуждалась на конференции Балканской коммунистической федерации в конце 1923 г., в комиссиях и на пленуме Исполкома Коминтерна, а затем и на V конгрессе Коммунистического Интернационала летом 1924 г. Многие братские партии извлекли для себя важные уроки из событий в Болгарии.

Опыт Сентябрьского восстания был творчески использован Г. Димитровым в 30-е годы при разработке стратегии и тактики международного коммунистического движения в новых условиях борьбы против фашизма и войны.

Героическая борьба рабочих и крестьян Болгарии против наступления реакции и фашизма нашла горячий отклик и всестороннюю поддержку международного пролетариата и демократической общественности. Коммунистические партии и трудящиеся всех стран с большим энтузиазмом встретили весть об антифашистском восстании в Болгарии и напряженно следили за его развитием.

Вся советская пресса и органы компартий капиталистических стран подробно информировали читателей о ходе восстания, о героизме и успехах его участников, разоблачали ложь и клевету болгарской фашистской пропаганды, распространявшуюся буржуазной печатью.

Особенно сильный отзвук события в Болгарии получили в Советском Союзе. Начиная с 19—20 сентября, когда появились первые сообщения о назревающем восстании, центральные и местные газеты ежедневно публиковали материалы о положении в Болгарии. Обычно эти материалы, занимавшие в сентябре — октябре значительную часть всей международной информации, печатались под общей рубрикой «Гражданская война в Болгарии». В них рассказывалось об ожесточенных сражениях повстанцев с войсками фашистского правительства в различных округах страны, описывались бои за г. Фердинанд. Некоторые газеты поместили карту Болгарии с обозначением восставших районов [10, 1923, 28 IX]. Отмечая, что восстание в большей или меньшей степени охватило всю страну, пресса подчеркивала, что в нем участвуют не только рабочие, но и широкие массы крестьянства. Особое внимание уделялось показу руководящей роли БКП в вооруженной борьбе. В газетах были помещены портреты руко-

водителей БКП, краткие биографические сведения о них [10, 1923, 10 IX, 3, 4, 5 X; 11, 1923, 25 IX].

Глубокой болью отозвалась в сердцах советских людей весть о подавлении героического восстания и жестокой расправе над его участниками. Большая часть материалов о Болгарии, опубликованная в советской прессе в октябре 1923 г., сообщала о разгуле белого террора, массовых расстрелах и судебных процессах над болгарскими революционерами. В то же время многие газеты делали оптимистический вывод о конечных результатах антифашистской борьбы болгарского народа. Наиболее ярко это было выражено в статье харьковского «Коммуниста» от 5 октября: «Восстание болгарских рабочих и крестьян подавлено. Да здравствует восстание!» [12, с. 124].

С большим воодушевлением и надеждой узнали о революционных событиях в Болгарии трудящиеся соседних балканских стран. Орган югославских коммунистов «Радник» отмечал огромное значение восстания не только для освобождения болгарских рабочих и крестьян, но и для «свободы на Балканах вообще» [13, с. 252—253]. «Радник» высоко оценил массовый героизм, решительность и самоотверженность болгарского народа, показавшего пример трудящимся всех балканских стран.

Сильный отклик Сентябрьское восстание получило в Германии, где в это время также назревал мощный революционный взрыв. И хотя в самый разгар восстания орган КПГ «Роте Фане» был запрещен, коммунисты успели на его страницах разъяснить германскому пролетариату смысл событий в Болгарии и призвать его к солидарности с борьбой болгарских антифашистов. Коммунистические партии Франции, Чехословакии, Англии, Австрии и других стран также широко информировали в своей печати о развитии классовой борьбы в Болгарии и использовали ее для воспитания пролетариата в революционном и интернационалистском духе.

Освещение болгарских событий в советской и прогрессивной печати капиталистических стран имело огромное значение для развития широкого движения солидарности с болгарскими рабочими и крестьянами. После подавления Сентябрьского восстания фашистский террор в Болгарии принял такие чудовищные размеры, что перед международным пролетариатом встала неотложная задача оказания моральной и материальной помощи пострадавшим и их семьям.

В ряде стран коммунистические партии обратились к трудящимся с призывом проявить солидарность с революционной борьбой болгарского народа и оказать ему всестороннюю поддержку. Однако для того, чтобы движение солидарности стало действительно эффективным, необходимо было придать ему организованный и массовый характер в международном масштабе.

Энергичную работу в этом направлении развернули болгарские антифашисты, находившиеся в эмиграции. Особо важное значение имела деятельность Г. Димитрова и В. Коларова, пользовавшихся большим личным авторитетом в международном рабочем движении. В многочисленных воззваниях к рабочим и демократическим организациям, письмах видным общественным и политическим деятелям, статьях, опубликованных в коммунистической печати разных стран, они сообщали о правительственном терроре в Болгарии и просили выступить в защиту преследуемых болгарских антифашистов.

В Вене, куда руководители Сентябрьского восстания прибыли в середине октября 1923 г., они организовали специальный Заграничный комитет помощи. Стремясь привлечь не только коммунистов и им сочувствующих, но и массы, идущие за социал-демократией, комитет обратился к рабочим всего мира, независимо от их партийной принадлежности, к Международному Красному Кресту, Профинтерну и Амстердамскому Интернационалу профсоюзов, к известным писателям-гуманистам А. Барбюсу, А. Франсу, М. Горькому, Э. Синклеру и другим с призывом обеспечить безопасность болгарских политэмигрантов, протестовать против непрекращающихся убийств в Болгарии, оказать материальную помощь семьям погибших и политзаключенных [14].

Работа, проводившаяся болгарскими антифашистами, прежде всего коммунистами, в эмиграции, была энергично поддержана международными революционными организациями во главе с Коммунистическим Интернационалом. В 1923 г. Исполком Коминтерна трижды выступал с воззваниями, в которых выражал энергичный протест против действий болгарского фашистского правительства и призывал трудящихся всех стран всемерно поддержать борьбу рабочих и крестьян Болгарии [10, 1923, 22 VIII, 21 IX, 18 XII].

Первым помощником Коминтерна была созданная в 1922 г. Международная организация помощи борцам революции (МОПР), развернувшая активную деятельность по расширению и координации движения солидарности с революционной борьбой болгарского народа.

16 октября 1923 г. ЦК МОПР обратился к международному пролетариату с призывом немедленно организовать сборы и отчисления в пользу жертв фашистского террора в Болгарии. В ответ на это обращение во всех секциях МОПР была проведена подписка, по которой в короткий срок удалось собрать значительную сумму. Основная часть материальной помощи болгарским революционерам исходила от ЦК (с июля 1924 г. — Исполкома) МОПР. После подавления Сентябрьского восстания ЦК МОПР установил для Болгарии ежемесячную субсидию, размеры которой неоднократно увеличивались. В конце февраля 1924 г. она составила 8 000 долларов, из которых 80% предназначалось на оказание помощи жертвам террора в стране, а 20% — болгарской политэмиграции [15, мф. 109, к. 28]. В 1923 г. в Болгарию было направлено 23 500 долларов, а за первый квартал 1924 г. — 20 000 долларов [16, с. 64]. По размеру материальной помощи, получаемой от МОПР, Болгария находилась на втором месте после Германии. Распределяя полученные от ЦК МОПР средства и организовывал их отправку в страну Заграничный комитет помощи в Вене. Важно отметить, что материальную поддержку МОПР получали все болгарские антифашисты, независимо от их партийной принадлежности, что имело большое значение для укрепления в Болгарии единого фронта.

Наибольшую моральную и материальную помощь трудящимся Болгарии оказывало первое в мире пролетарское государство — Страна Советов. Верные своему интернациональному долгу, советские люди повсеместно и в разных формах выражали свою солидарность с болгарскими рабочими и крестьянами.

События в Болгарии обсуждались на многочисленных митингах и собраниях. В ноябре — декабре 1923 г. болгарский Заграничный комитет помощи получил множество писем, телеграмм и резолюций со всех уголков необъятной Советской страны [17, с. 78—87]. Состоявшийся в сентябре 1923 г. пленум ЦК МОПР СССР постановил выделить болгарским революционерам 2 000 долларов [10, 1923, 27 IX]. В конце 1923 г. советская секция МОПР направила 5 000 долларов болгарским политэмигрантам в Югославии. Размеры материальной помощи постоянно увеличивались. Рабочие отчисляли часть своей зарплаты для болгарских трудящихся, устраивали субботники и воскресники, крестьяне вносили пожертвования продуктами, засевали отдельные участки земли, урожай с которых предназначался жертвам террора в Болгарии.

Важной формой поддержки политзаключенных стало шефство над узниками болгарских тюрем. Одними из первых к ней обратились мопровцы Акмолинской губернии, направившие своим подшефным 1000 руб. золотом и Красное знамя. Заботу о политзаключенных Плевенской тюрьмы взяли на себя трудящиеся Полтавской губернии, об узниках тюрьмы в Софии — Одесской. В последующие годы шефство советских мопровских организаций распространилось на 23 тюрьмы в Болгарии [18, с. 106].

Выражением солидарности с болгарскими революционерами было избрание почетными членами Московского и Петроградского городских Советов руководителей БКП Д. Благоева, Г. Димитрова, В. Коларова и активных участников Сентябрьского восстания П. Енева и П. Дворянова [19, с. 199].

Особенно ярко поддержка советских трудящихся проявилась в братском приеме болгарских политэмигрантов. Тысячи москвичей торжественно встречали первые группы болгарских революционеров, прибывших в октябре — декабре 1923 г. Комитет политэмиграции при ЦК МОПР СССР, местные мопровские организации оказали болгарским эмигрантам материальную помощь, содействие в лечении и отдыхе, устройстве на работу и учебу. Сотни болгарских рабочих и крестьян нашли в Советской стране свою вторую родину. Болгарские революционеры самоотверженно трудились во всех областях политической, общественной и хозяйственной жизни Советской страны. Знания и опыт, приобретенные в годы пребывания на советской земле, дали им возможность стать впоследствии активными участниками социалистических преобразований в Народной Республике Болгарии.

Движение солидарности с болгарскими антифашистами широко развернулось и во многих капиталистических странах. Размах движения, его особенности в той или иной стране зависели от степени влияния коммунистов среди рабочих и передовой интеллигенции, от численности мопровских организаций, от количества находящихся там болгарских политэмигрантов и ряда других причин.

Первыми на призывы болгарских революционеров о помощи откликнулись трудящиеся соседних стран — Югославии, Румынии и Греции, куда после подавления Сентябрьского восстания эмигрировали тысячи повстанцев. Югославские коммунисты и активисты МОПР, сами действовавшие в глубоком подполье, прилагали все усилия, чтобы облегчить крайне тяжелое материальное положение эмигрантов, помогали им устраиваться на работу, собирали денежные средства. Понимая, что одна югославская секция МОПР не в состоянии обеспечить существование многочисленной болгарской эмиграции, Исполком МОПР ежемесячно переводил в Югославию 2 000 долларов, посылал одежду, обувь [16, с. 129].

Братскую поддержку оказали болгарам трудящиеся Румынии. Под давлением общественного мнения румынские власти не посмели выдать болгарских политэмигрантов цанковскому правительству, несмотря на его неоднократные требования. Газета румынских коммунистов «Социализмусл» публиковала многочисленные сообщения о денежных взносах в пользу болгарских революционеров. Значительные суммы собрали рабочие Бухареста, Крайовы, Плоешти и других городов. Часть собранных средств была направлена болгарскому комитету помощи в Вене, а другая часть использовалась для поддержки политэмигрантов в Румынии [20, с. 150—152].

Под руководством коммунистических партий и секций МОПР движение солидарности с болгарскими рабочими и крестьянами достигло большого размаха в Германии, Австрии, Чехословакии, Франции и других странах. Основными его формами были кампания протеста против преследования участников Сентябрьского восстания, которая велась в коммунистической печати, и сбор средств среди населения.

Резкое усиление фашистских репрессий в Болгарии в апреле 1925 г. вызвало ответную волну международного движения солидарности. Начался новый его этап, отличавшийся от предыдущего более широким составом участников, большим разнообразием форм проявления поддержки антифашистов. Основной причиной усиления этого движения в 1925 г. было увеличение числа секций МОПР и их укрепление. Следует учитывать и то, что под воздействием непрекращавшейся с 1923 г. пропагандистской работы Коминтерна, компартий и болгарских антифашистов-эмигрантов все более широкие круги международной демократической общественности узнавали о происходящих в Болгарии событиях и включались в движение протеста против фашистского режима Цанкова. По мере проявления фашизмом своей сущности в Болгарии и в других странах мировая общественность все больше понимала, что он представляет собой опасность не только для коммунистического движения, но и для всего народа, более того, опасность не только национальную, но и международную. Если после подавления Сентябрьского восстания на призывы

болгарских революционеров о помощи откликнулись фактически только компартии и секции МОПР, то в движении солидарности, развернувшимся в 1925 и в последующие годы, приняли участие гораздо более широкие демократические слои населения, вплоть до представителей либеральной буржуазии. Если в дни Сентябрьского восстания, выдвинувшего лозунг рабоче-крестьянского правительства, международная буржуазия и социал-демократия полностью солидаризировались с болгарской буржуазией, то чудовищные жестокости правительства Цанкова в апреле 1925 г., направленные не только против коммунистов, но и против всех демократических сил, заставили отвернуться от него даже многих буржуазных политических и общественных деятелей, не говоря уже о социал-демократах, и поддержать борьбу за демократизацию режима в Болгарии.

Основную работу по проведению и координации кампании солидарности с болгарскими революционерами в 1925 г. выполняла специально созданная в апреле этого года болгарская комиссия при Исполкоме МОПР и Балканское бюро Исполкома МОПР. По их предложению ежемесячная субсидия болгарской секции МОПР была увеличена до 12 000 долларов. Всего в 1925 г. Исполком МОПР выделил на оказание помощи болгарским революционерам 128 550 долларов [15, мф. 109, к. 36, 61]. Моральная поддержка, оказанная болгарским трудящимся в этот период, выразилась в проведении кампании против фашистского террора в демократической печати, в организации массовых выступлений (демонстраций, митингов и собраний протеста), в посылке резолюций, писем и телеграмм протеста болгарскому правительству, в посещении дипломатических представительств Болгарии за границей, издании книг и брошюр, разоблачающих террористическую деятельность болгарских фашистов.

Новой формой солидарности стали поездки в Болгарию делегаций и отдельных представителей международной демократической общественности с целью ознакомления с положением в стране, оказания юридической, моральной, а иногда и материальной помощи политзаключенным. В 1925 г. Болгарию посетило пять делегаций прогрессивной общественности капиталистических стран²: две делегации английской лейбористской партии, чехословацкая рабочая делегация, возглавленная видным деятелем КПЧ К. Крейбихом, группа американских общественных деятелей и международная анкетная комиссия во главе с А. Барбюсом. Наиболее успешной по своим результатам была поездка на Балканы делегации А. Барбюса, внесшего большой личный вклад в развитие международного движения в защиту жертв белого террора в Болгарии. С помощью болгарских коммунистов делегация собрала большой документальный материал, характеризующий положение в стране. Вернувшись в Париж, Барбюс выступает на многочисленных собраниях и митингах в защиту болгарских антифашистов, разворачивает кампанию в печати. Немалое значение для развития движения солидарности с болгарским народом имела вышедшая в июне 1926 г. памфлетно-публицистическая книга А. Барбюса «Палачи», в которой он изложил результаты проведенного им расследования фактов террора и обратился к мировой общественности с горячим призывом выступить против массовых репрессий на Балканах [21].

Одним из важнейших результатов поездок представителей прогрессивной общественности в Болгарию и информационной и пропагандистской работы, которую они проводили у себя на родине, было создание во Франции, Англии, Германии, Бельгии и Швейцарии комитетов защиты жертв фашистского террора в Болгарии и на Балканах. Если Коминтерн и МОПР руководили движением солидарности в международном масштабе и движением прежде всего пролетарским, то комитеты объединяли вокруг себя демократическую общественность отдельных стран. Они действовали в тесном контакте с компартиями, мопровскими организациями, поддерживали связь с Исполкомом МОПР и пользовались его всесторонней помощью, в том числе и материальной [15, ф. 146, оп. 2, д. 1574,

² Советские трудящиеся были лишены возможности послать своих представителей в Болгарию из-за отсутствия в этот период дипломатических отношений между СССР и Болгарией.

л. 5]. Наиболее активными были комитеты в Париже и Вене, что объяснялось прежде всего присутствием во Франции и Австрии значительного числа болгарских политэмигрантов, своевременно снабжавших их широкой и достоверной информацией. В создании комитетов защиты жертв фашистского террора выразилось стремление организационно оформить расширявшееся с каждым месяцем движение солидарности, что подняло его на новую, более высокую ступень.

Мощная кампания протеста международного пролетариата и прогрессивной общественности против террористического режима в Болгарии, развернувшаяся в 1925 г., оказала воздействие на политику правящих кругов империалистических держав по отношению к кабинету А. Цанкова. Упорная борьба трудящихся Болгарии против этого режима при поддержке ее широкой мировой общественностью, а также негативное отношение к болгарскому премьер-министру и его крайнему курсу со стороны правящих кругов Запада привели в конечном итоге к замене правительства А. Цанкова кабинетом А. Ляпчева, который был вынужден пойти на некоторые уступки трудящимся массам.

Благодаря моральной и материальной поддержке, оказанной международным пролетариатом и другими прогрессивными силами болгарским антифашистам и их семьям, были сохранены жизнь и здоровье сотен борцов, укреплялась их вера в победу.

Участие в движении солидарности коммунистов, социал-демократов, беспартийных рабочих, представителей либерально настроенной буржуазии способствовало популяризации лозунга единого фронта, сплочению всех демократических сил в борьбе против наступления фашизма, что имело важное значение для самих западноевропейских стран. Таким образом в движении солидарности сливались воедино национальные и интернациональные задачи рабочего класса и всех антифашистов.

Поддержка революционной борьбы болгарского народа явилась важной вехой в укреплении дружбы между трудящимися Болгарии и других стран, в деле воспитания их в духе международной солидарности. Движение в защиту болгарских антифашистов способствовало дальнейшему развитию и обогащению практики пролетарского интернационализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Косев Д.* Септемврийското въстание 1923. София, 1973.
2. *Митев Й.* Фашисткят преврат на девети юни 1923 година и юнското антифашистко въстание. София, 1956.
3. История Болгарской коммунистической партии. М., 1971.
4. *Димитров Г.* Избранные произведения в двух томах. М., 1957.
5. *Косев Д.* Септемврийское восстание 1923 г. в Болгарии. — Новая и новейшая история, 1973, № 5.
6. Септемврици за Септември. Т. I. София, 1963.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33.
8. *Косев Д.* Положението в България и проблемът за курса на БКП след Септемврийското въстание в 1923 г. (до април 1925 г.) — Известия на Българското историческо дружество. Т. 27, 1970.
9. *Димитров Г.* Съчинения. София.
10. Правда.
11. Известия.
12. *Чернявски Г., Мичев Д.* Съветската общественост и революционното движение в България. 1923—1944. София, 1979.
13. 25-годишнината на Септемврийското въстание. София, 1948.
14. Централен държавен исторически архив, ф. 361, оп. 1, д. 20, л. 100—101.
15. Централен партиен архив при ЦК на БКП.
16. *Аврус А. И.* МОПР в борьбе против террора и фашизма. 1922—1939. Саратов, 1976.
17. Работнически вестник. Избрани статии и материали (1923—1939). Т. 3. София, 1954.
18. *Мельцер Д. Б.* Советско-болгарские отношения 1917—1935 гг. Минск, 1975.
19. Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Т. I. М., 1976.
20. *Бабич И., Илиеску К.* Солидарността на румънското работническо и демократично движение с антифашистското въстание от Септември 1923 г. в България. — В кн.: Великият прелом. София, 1974.
21. *Барбюс А.* Палачи. Белый террор на Балканах. М., 1927.

ГУДИМОВА С. А.

КАРОЛЬ ШИМАНОВСКИЙ И ТРАДИЦИИ ПОЛЬСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

1982 г. был объявлен ЮНЕСКО Годом Кароля Шимановского. И хотя музыкальный сезон 1982/1983 гг. также проходит под знаком музыки Шимановского, уже можно подвести некоторые итоги. В мероприятиях, посвященных 100-летию со дня рождения великого польского композитора, участвовали почти все страны — члены ЮНЕСКО. Для координации мероприятий, связанных с юбилейной датой, был создан Международный комитет под председательством известного пианиста и друга композитора Артура Рубинштейна. Советский Союз представлен в Комитете И. Ф. Бэлзой и С. Т. Рихтером. В минувшем сезоне музыка Шимановского звучала не только в Европе и США, но и Азии, Африке, Латинской Америке, Австралии; его произведения исполнялись на всех самых представительных музыкальных фестивалях. Год Шимановского открылся блестящей постановкой оперы «Король Рогер» в театре «Колон» в Буэнос-Айресе (дирижер Станислав Вислоцкий), завершится он большим концертом в Париже, организованным ЮНЕСКО.

В Польше изданы многие тома собрания сочинений композитора, состоялся Катовицкий фестиваль музыки Шимановского, прошли Дни музыки Шимановского в Закопане.

В нашей стране на различных концертных эстрадах исполнялись его симфонические, камерно-инструментальные и вокальные произведения, издан ряд его сочинений и книга «Кароль Шимановский», в которую вошли очерк о жизни и творчестве композитора, написанный С. Голяховским, и фрагменты из воспоминаний Я. Ивашкевича. Сборник вышел под редакцией и со вступительной статьей И. Ф. Бэлзы [1], в которой анализируется роль Шимановского в развитии польской музыкальной культуры и русско-польских музыкальных связей.

Существует ли единство в стиле Шимановского? Можно ли говорить о постоянстве художественных принципов композитора, который сам писал о себе, что он долго блуждал «по путям и переулочкам» европейской музыки XX в., пока не пришел к подлинно польскому национальному стилю.

Прежде чем ответить на этот вопрос, следует сказать несколько слов об атмосфере, в которой формировалось музыкальное мышление композитора.

На переломе XIX—XX вв. система ценностей, организовывавшая художественную жизнь, утратила свою очевидность и императивность. Эсхатологическое беспокойство о будущем, вообще свойственное европейской культуре, достигло в этот период необычайной остроты. Одно за другим рождаются произведения, проникнутые апокалиптическими предчувствиями: «Гибель богов», «Закат Европы», «Смерть и просветление», «Ожидание», «Крик»... Не было единого «большого» стиля искусства. «Новое переживание жизни» (В. М. Жирмунский), которое принесла с собой новая

эпоха, привело к рождению многочисленных и противоречивых течений, манифестов, теорий. Экспрессионизм, импрессионизм, футуризм, абстракционизм, дадаизм, сюрреализм... Художники пытаются утвердить свою систему ценностей, свое отношение к действительности. Ницше призывает отказаться от мнимых ценностей и иллюзий, лишающих человека воли и воображения. Абсолютное принятие существующего под знаком героического пессимизма должно, по Ницше, привести к замене критических ценностей творческими. В художественной практике получают свое преломление концепции А. Шопенгауэра, Э. Гуссерля, З. Фрейда, А. Бергсона... Искусство охватило лихорадочное стремление запечатлеть мир в его динамике, в его бесконечно изменчивых ликах.

Музыкальная Европа загнипнотизирована багряной медью вагнеровского оркестра. «Трудно сейчас себе представить, — писал А. Ивановский, — размеры вагнеровского культа, который охватил на переломе столетий музыкальные сферы Европы. Мы слушали „Тетралогию“, „Тристана“, „Мейстерзингеров“ почти на коленях, знали наизусть каждый их мотив, мы были готовы мерить вагнеровскими элементами все другие современные композиции» [2].

В это же время звучат драматические, философские симфонии Густава Малера, в которых ставятся самые важные и вечные вопросы бытия. Композиторы-экспрессионисты постепенно переосмысливают идейно-художественное содержание позднего романтизма. В сочинениях Арнольда Шенберга «печаль становится обреченностью, депрессией, отчаяние превращается в истерию, лирика кажется разбитой стеклянной игрушкой, юмор становится гротеском... Основное настроение — „крайняя боль“» [3]. Новая венская школа утверждает разложение ладо-тонального единства, функционально-гармонических связей, «эмансипацию диссонанса», утверждает атонализм, додекафонию и сериальность.

Рихард Штраус, не порывая с классическими и романтическими традициями, создает новые инструментальные и театральные формы, новые средства выражения, новую музыкальную лексику, усиливая красочность и экспрессивность тембров, используя полиритмию, политональность, асимметричные построения... Макс Регер обращается к достижениям великих мастеров полифонии. Придерживаясь строгих рамок классической формы, он стремится продолжить баховскую традицию на основе современного музыкального языка.

Трагедийно-героическому пафосу вагнеровской музыки французские импрессионисты противопоставляют «отблески упоительных бесплотных видений» (В. Г. Каратыгин). В их тончайшей звуковой палитре мерцает «Лунный свет», переливается всеми цветами радуги «Игра воды», возникают «Галлюцинации в восточном стиле» и тают «Следы на снегу». Но вскоре здесь же, в Париже, «Шестерка» выступает против «чрезмерной изысканности» импрессионизма. Молодые композиторы противопоставляют ему нарочито примитивные интонации «уличной музыки» современного большого города. Идейный вдохновитель «Шестерки» Ж. Кокто в манифесте «Петух и Арлекин» (1918) ниспровергает музыкальную эстетику импрессионизма и зовет к созданию искусства, свободного от «приятностей дебюссизма» и всяких иллюзий. Место призрачных «Гуманов» и полуреальных «Облаков» занимают «Сельскохозяйственные машины» (Мийо)¹.

На формирование «интонационного словаря» эпохи большее влияние оказывает и эмоциональная экзатичность скрябинской поэтики, и «языческий» неофольклоризм и неоклассицизм И. Ф. Стравинского, и открытия Б. Бартока... Трудно перечислить все направления, в которых вели поиски художники начала столетия. Кажется, XX в. создавал новый культ — культ новаций.

Для Шимановского изучение музыкального наследия, достижений современной музыки было принципиальной установкой. «Каждый художник, — пишет он в письме к З. Яхимецкому (4 XII 1910), — является

¹ В советской музыке урбанистическое направление проявилось наиболее ярко, пожалуй, в творчестве А. В. Мосолова (симфонический эпизод «Завод», музыка на тексты газетных объявлений и т. п.).

аристократом, который должен иметь за собой... 12 поколений Бахов и Бетховенов, если он музыкант, Софоклов и Шекспиров, если он поэт, драматург»². «Мы должны стремиться к подлинному творчеству, к созданию новых форм в искусстве, отвечающих новым формам жизни» [4], — подчеркивает Шимановский в речи по поводу вступления на пост директора Варшавской консерватории.

В интервью одной из варшавских газет композитор формулирует свое отношение к проблеме «традиции и новаторство»: «Традиционализм в творчестве я признаю как исходную позицию, как, если так можно выразиться, хорошее музыкальное образование, однако наша цель — не „вчера“, но „сегодня“ и „завтра“, словом, творчество, а не замыкание в рамках уже достигнутого» [5, с. 83].

В музыкальной литературе утвердился взгляд на творчество композитора как на ряд стилистических этапов³ (порой изолированных). Однако несмотря на творческие метаморфозы, Шимановский всегда сохраняет некоторые особенности своей индивидуальности; в произведениях разной поры можно обнаружить черты присущей только ему музыкальной манеры. Они заметны и в выборе форм и их трактовке, и в типе эмоции, и в роли определенных элементов (в первую очередь мелодики и динамики), и в трактовке неаккордовых звуков и ритмических структур. Различные гармонические краски пропущены как бы через единый художественный фильтр.

Характеризуя творчество Шимановского, многие авторы сосредотачивают внимание на анализе технических приемов и средств, выработанных предшественниками композитора, и рассматривают их как «влияния»⁴. Однако заимствование приема и даже стилистическая близость произведений еще не есть свидетельство влияния. Композитор использует выразительные возможности лада, гармонии, тембра, фактуры и т. п., присущие данной эпохе, данному стилю. Бах и Вивальди, Гайдн, Моцарт и Чимароза говорили одним и тем же языком и воплощали великие, неповторимые замыслы. Сильная творческая личность всегда подчиняет себе художественную «модель». Шимановский, используя достижения мастеров прошлого и находки композиторов XIX в., переплавляет их в своих произведениях в новые художественные ценности. Его искусство отмечено печатью музыкальной самобытности, которая, если пользоваться определением д'Энди, есть «результативное следствие еще не испытанного слухового впечатления» [11, с. 258]. Произведения Шимановского — отражение непосредственного, свободного музыкального жизнеощущения⁵. Не было «влияний» Шопена, Скрябина, Лядова, Стравинского, Вагнера, Штрауса, Вольфа, Дебюсси, Малера, Регера и др. — было усвоение и переработка различных музыкальных стилей, послужившие основой единого, синтетического стиля Шимановского.

Во всех сочинениях — от «Вариаций на польскую тему h-moll» (op. 10) до песенного цикла «Слопевне» (op. 46), фортепианных мазурок (op. 50) и «Stabat Mater» (op. 53) Шимановский выступает как национальный композитор. Интересно, что именно в 30-е годы французская музыкальная пресса обратила внимание на близость таких произведений, как «Маски»,

² Это высказывание перекликается с мыслью глубоко чтимого Шимановским Гете: стиль покоится на глубочайших твердых познаниях.

³ Деление творчества Шимановского на «периоды» характерно как для публикаций довоенных [6], так и для послевоенной и современной литературы [7—8]. Следует упомянуть работы, опубликованные в номере журнала «Музыка», посвященном Шимановскому [9], и коллективном сборнике «Жизнь и творчество Кароля Шимановского» [10].

⁴ На эту черту исследований о К. Шимановском указывает И. Ф. Бэлаз: «Мы говорим о „близости“, о „восприятии опыта“, но избегаем слова „влияние“, потому что слово это нередко применяется в крайне примитивном смысле; если, скажем, у какого-либо композитора встречается мелодический оборот, гармоническая последовательность или иной прием, примененный кем-нибудь из его предшественников, то находятся критики, тотчас определяющие это совпадение как „влияние“» [1, с. 14].

⁵ После исполнения Второй симфонии и Второй сонаты Шимановского венский критик Р. Шнехт писал: «В обоих произведениях проявился удивительный, оригинальный, захватывающий своей мощью талант, чрезвычайно богатый замыслами, оплодотворенный всеми достижениями музыкальной культуры, но несмотря на это идущий собственным путем» [5, с. 47].

«Метопы», «Мифы» к польским народным традициям) [12, с. 67]. Музыкант считал, что истинное искусство не может не быть национальным. Национальные особенности, — подчеркивает он в ряде работ, — являются естественной и необходимой атмосферой, в которой может развиваться творчество художника, если это подлинное творчество и если оно не хватается беспомощно за общепризнанные эстетические формулы.

Для Шимановского национальное — не в изображении «кунтуша». Банальные и бездумные обработки оберегов и мазурок он считает лжеискусством, «про:слятьем» польской культуры. «Пусть, — пишет композитор, — музыка будет народной в своей основе, но пусть она бесстрашно обращается к общечеловеческим ценностям» [12, с. 50]. Шимановский резко критикует примитивные сочинения *a la polacca*, в которых нет ни единой искры великих шопеновских традиций. Как и его современник И. Ф. Стравинский, К. Шимановский считает, что заимствование приема не имеет ничего общего с соблюдением традиции. «Можно восстановить прием: но с традицией восстанавливают связи, чтобы творить новое» [13, с. 37].

Широко бытует мнение, что шопеновские традиции, получившие глубокое, творческое претворение в русском искусстве, не были восприняты польскими музыкантами. «Гениальное творчество этого композитора, — пишет С. Голяховский, — прошло как бы над нашей музыкой, хотя и вызвало почти всеобщее восхищение польских музыкантов, которые тем не менее не сумели увидеть в нем новых путей развития, указанных Шопеном» [5, с. 7]. Гениальное творчество Шопена, — подчеркивается в статье, посвященной 100-летию со дня рождения К. Шимановского, — не нашло продолжателей среди польских композиторов XIX в. [14]. Подобные примеры можно множить. Однако с такой точкой зрения трудно согласиться.

Во второй половине XIX в. многие польские музыканты обращались к шопеновским традициям и продолжали их в меру своего художественного дарования. Первым их преемником стал С. Монюшко, национальное своеобразие произведений которого сразу же было оценено передовыми деятелями русской культуры. Вспомним, какую характеристику творчеству Монюшко дает А. Н. Серов: «Уже явились композиторы, которые, подобно Шопену, развивают славянский элемент, но в других областях музыки, Шопеном не затронутых, в музыке вокальной, для комнаты, для концерта и театра. Я говорю о М. И. Глинке, С. Монюшко, А. С. Даргомыжском и некоторых других. Их музыка в любом произведении носит на себе ясную печать „славянизма“, оттого проникнута оригинальностью, в сравнении с музыкальными сочинениями остальной Европы... С. Монюшко... непосредственно ближе к шопеновским формам» [15].

Г. Венявский — знаменитейший виртуоз, которого пресса всего мира называла «вторым Паганини», композитор яркого романтического стиля, в своем творчестве также идет по пути, намеченному Шопеном. Хотя в его произведениях (особенно ранних) иногда чувствуются интонации Роде и Вьетана, звучат цитаты из Паганини и Эрнста, музыка Венявского отличается ясно выраженным национальным характером. Композитор, как правило, не заимствует подлинных народных мелодий, а влетает в музыкальную ткань типические интонации и ритмические элементы, свойственные польскому фольклору, с такой чуткостью, что нельзя определить черты, отделяющие его собственный тематический материал от фольклорного.

В «характеристических» мазурках Венявский обычно воссоздает гармоническую схему и звучание польского народного инструментального ансамбля (скрипка, волынка, бас) со свойственными ему выдержанными квинтами в басу, чередованием доминантсептаккорда и тонического трезвучия, характерными повторами, отступлениями, возвратами и небольшими импровизированными каденциями скрипки соло. Партия аккомпанемента в мазурках предельно проста — небольшое гармоническое сопровождение или имитация скрипки.

Яркая, безудержная фантазия произведений, написанных в форме вариаций, скрипичные концерты, знаменитая «Легенда» создали Веняв-

скому заслуженную славу художника, «продвигающего искусство вперед» (А. Г. Рубинштейн). Его сочинения сразу же вошли в репертуар виртуозов, и сегодня они «сопровожают скрипача на всем протяжении его артистического пути» (Д. Ф. Ойстрах) [16].

Блестящий пианист, один из любимейших учеников Ф. Листа, Ю. Зарембский (1854—1885) в своем композиторском творчестве также продолжает шопеновские традиции. Ему свойственно великолепное чувство гармонии, огромная фантазия и удивительная поэтическая одухотворенность. Обращаясь к народным мотивам, он как бы «добывает» из них поэтическое очарование. Такой взыскательный художник, как А. П. Бородин, прослушав в Йене «Польскую фантазию» (ор. 9) в исполнении автора, пишет о ней, как об «очень интересной и эффектной» [17]. «Фантазия для фортепиано с оркестром» приводит Бородина в восторг: «Как пианист Зарембский черт знает как талантлив, равно как и композитор» [18]. Высокого мнения о сочинениях своего ученика и Ф. Лист: «...произведения Зарембского, — пишет он берлинскому издателю К. Симону, — принадлежат к самым выдающимся и ценнейшим среди современной музыкальной литературы» [19].

Приметы влияния Шопена можно найти в фортепианной музыке А. Зажицкого (1834—1895), хотя его сочинения не отличаются глубиной образов и оригинальностью обработки. Определенная связь с особенностями техники Шопена заметна в некоторых фортепианных опусах В. Желеньского (1837—1921). Родоначальник жанра симфонической поэмы в польской музыке, ученик С. Монюшко З. Носковский (1846—1909) отдал дань великому маэстро в симфонических вариациях «Из жизни народа», написанных на тему «Прелюдии A-dur» Ф. Шопена.

К плеяде «младших» шопенистов можно отнести великолепного пианиста, одного из лучших интерпретаторов Шопена И. Я. Падеревского (1860—1941) и З. Стойковского (1870—1946), танцевальные миниатюры которых являются как бы парафразами идей Шопена. Менее удалась им «реконструкция» других форм, таких, как фантазии, баллады, ноктюрны.

Композиторы второй половины XIX в. оказали определенное влияние на развитие польского искусства и «музыку Шимановского, — как подчеркивает И. Ф. Бэлза, — надо считать закономерным этапом развития польской музыкальной и не только музыкальной культуры, отмеченным его огромным дарованием» [1, с. 9].

Для Шимановского шопеновские традиции — единственные, которым нужно следовать в польской музыке (см., например, [12, с. 67]). Молодой композитор в статье «Фредерик Шопен», опубликованной в 1923 г. в журнале «Скамандр», призывает вновь «открыть Шопена», великое наследие которого может быть «вечным источником живой творческой силы». Для Шимановского новое открытие Шопена — это «осознание, реальное и практическое, путей, ведущих к независимости польской музыки» [20, с. 18].

Уже в ранних произведениях он проявляет себя как самостоятельный художник, а не копиист великого мастера. Одним из первых оригинальность и в то же время «традиционность» творчества Шимановского отмечает музыковед А. Хибинский. В статье, посвященной 100-летию со дня рождения Шопена, он называет Шимановского в числе немногих «осознанных последователей стиля Шопена» [21]. Шимановский, — отмечается в статье, — гораздо глубже, чем другие композиторы, воспринял «чисто шопеновские формы». Подобно русским музыкантам, он перенес «шопенизм» на свои оркестровые сочинения, «проникнутые польским духом, хотя и без танцевальных ритмов и народной стилизации» [21]. Шимановский был сознательным последователем Шопена всю свою творческую жизнь. Уже зрелым, признанным мастером автор «Курпевских песен» напишет во французском журнале «La Revue Musicale»: «...для нас, современных польских музыкантов он (Шопен) живая реальность, действительная сила, оказывающая непосредственное и спонтанное влияние на все развитие нашей современной музыки... Шопен для нас не только символ настоящей прекрасной польской музыки, но еще важнее — он для нас единственный учитель, который своим чудесным ремеслом смог на практике развя-

зять основные проблемы каждого большого искусства — как выразить в произведении... всю глубину и многогранность человечества, не утрачивая ни своих природных особенностей, ни национальной оригинальности» [20, с. 58, 59].

Обращение к музыкальному фольклору Подгалья было шагом чрезвычайно смелым. Шимановский начал разрабатывать пласт народной музыки, по существу «непроницаемый» для польской культуры. Музыка горцев разительно отличалась от музыки «долин», на которой исторически формировался польский «слуховой опыт». Неподготовленному слушателю она казалась просто варварской. Звуковой мир Подгалья был настолько непривычен, что мог вызвать чувство, аналогичное испытанному арабским путешественником в средневековой Европе: благозвучнейшая для европейского уха месса произвела на него впечатление воя собак, только еще ужаснее и страшнее.

«Музыка горцев, — пишет К. Шимановский в предисловии к сборнику „Музыка Подгалья“, — может быть понята благодаря особому врожденному чутью, способности проникнуть в глубины народного начала: лишь тогда она нравится, лишь тогда ее полюбишь за жизнь, которая в ней трепещет... Иначе... она будет воспринята как нечто нарушающее представления о музыкально-прекрасном» [22]. О независимости музыкального мышления горцев, пожалуй, нагляднее, чем музыковедческий анализ, говорят данные обследования, проведенного в 50-х годах: «До сегодняшнего дня гуралы неохотно слушают радио, поскольку редко играют там „по-гуральски“. Другой музыки они не понимают и не любят» [22].

Для Шимановского обращение к фольклору Подгалья было обращением к пракультуре, к ее первоэлементам. В поевках, лапидарных ритмах, движении он видит выражение вечных, исконных, неиндивидуализированных человеческих чувств. Процесс кристаллизации национального стиля, начавшийся с песенного цикла «Слопевне» (ор. 46), получает дальнейшее развитие в его последующих сочинениях — «крестьянском реквиеме» — кантате (ор. 53), фортепианных мазурках (ор. 50), балете «Харнасе» (ор. 55), «Втором скрипичном концерте» (ор. 61).

Постановка балета «Харнасе» в Париже стала триумфом польской музыки XX в. Я. Лехонь писал после премьеры: «Харнасе» по существу замыкает и гениально дополняет прекрасные творения, которые создали за последнее тридцатилетие все области польского искусства на основе гуральского искусства... Совершенный образ неизвестного до сих пор мира, законченный не только с точки зрения искусства, но и с точки зрения нравственной, и этот мир так вошел в сознание народа, что стал частью его культуры, его видения мира... Это шедевр сильного польского духа, идущего от народа, но не опускающегося до примитивности, а поднимающего народность до уровня настоящей культуры, именно так, как это делал Шопен. Когда мы в Париже смотрели и слушали это совершенное произведение — «Харнасе», — нас охватывало волнение, которое испытывают, вероятно, немцы, слушая «Нибелунгов» [24].

Деятельность Шимановского (не только композиторская) оказывает существенное влияние на формирование эстетических воззрений и тенденций межвоенного двадцатилетия. Его статьи по вопросам музыкальной эстетики, концертной жизни, музыкального воспитания получают большой резонанс в польской художественной среде. Энциклопедически образованный человек, он со страстностью истинного просветителя борется за приобщение самых широких масс к подлинной культуре. По мнению Шимановского, художник, адресуясь к народу, не должен приспособляться и «приседать до букваря» (А. В. Луначарский), а должен «уничтожить дурной посев, истребить без остатка отвратительный сорняк так называемой „популярной“ музыки... и противопоставить... этому разлагающему началу творческую организующую силу — подлинное искусство» [25].

✠ Автор «Песни о ночи» откровенно и резко выступает против элитарной концепции искусства. «...Стремление одарить массы каким-то никому не нужным суррогатом... под тем предлогом, что подобное полуискусство

понятно и доступно, — это явное филантропическое мошенничество..., вытекающее из убежденности, что подлинные ценности — это священное табу, вечная собственность определенных общественных классов, имеющих на них единственное, неоспоримое право...» [25].

Огромная эрудиция (не только музыкальная, но и в области литературы, поэзии, философии), безошибочный художественный вкус, несомненные писательские способности, удивительное чувство нового; независимость художественного мышления⁶ создавали композитору серьезный авторитет среди передовой польской интеллигенции. Каждое исполнение его произведений, каждое выступление в печати широко обсуждалось, вызвали определенный резонанс в прессе. Для передовых кругов польской общественности деятельность Шимановского была как бы воплощением позиции художника XX в. Если в литературе, касающейся творчества Шопена, ключевыми стали слова «душа», «душа народа», то такими ключевыми словами относительно Шимановского стали — «современный художник».

Его эстетические воззрения и установки оказывают влияние не только на мир музыки, но находят отражение и в художественной литературе. Образ Шимановского пронизывает чуть ли не все творчество С. Виткевича⁷, поэты посвящают ему стихи (Я. Ивашкевич — «К Каролю Шимановскому», С. Р. Добровольский «Прощание с героем» и др.), его музыка рождает поэтические образы (Я. Ивашкевич — «Сицилийские сонеты», «Слушая музыку Шимановского», К. И. Галчинский — «Кароль Шимановский», Я. Лехонь — «Небо» и др.)⁸. Теплые отношения связывали Шимановского не только с лучшими исполнителями и интерпретаторами его сочинений — А. Рубинштейном и П. Коханьским, — но и с Я. Ивашкевичем, С. Жеромским, С. Высяньским, А. Замойским, Т. Мициньским, Я. Каспровичем, М. Домбровской, К. Х. Ростворовским, В. Орканом, В. Реймонтом, Л. Стаффом, М. Хороманьским, Я. Лехонем, З. Налковской, Ю. Тувимом, К. Макушиньским и многими другими.

Трудно переоценить роль Шимановского в формировании композиторской школы межвоенного двадцатилетия и последующих поколений композиторов Польши. О том, насколько прочно звуковой мир Шимановского вошел в сознание его современников, свидетельствует «Трагическая поэма» (Эпитафия на смерть К. Шимановского), написанная страстным приверженцем его творчества Т. Шелиговским в 1937 г. Эпитафия, длящаяся около 12 минут, построена как трехчастная композиция (скорбное адажио, полифонический эпизод в форме фугато, траурный марш). Не прибегая к цитированию, Шелиговский как бы «воссоздает» в «Трагической поэме» стиль Шимановского.

Многие композиторы обращаются к народной музыке Подгалья и курпевскому фольклору, открытым Шимановским: Кондрацкий — в «Маленькой гуральской симфонии», «Курпевской сюите», Роговский — в «Подгальской сюите», Малявский — в «Гуральском триптихе», Маклакевич — во Втором скрипичном концерте и др. Курпевскими попевками и ритмами

⁶ Вспомним хотя бы два характерных момента его творческой биографии: Шимановский, пожалуй, одним из первых польских композиторов стремится освободиться от тирании вагнеровской системы. В 1917 г. он пишет Я. Ивашкевичу: «...он (Вагнер), которого объективно я считаю гениальнейшим из гениальных, субъективно стал для меня невыносим! Так жажду „свежего воздуха“» [26].

Когда «Молодая Польша» в музыке заявила о себе, одночастная поэма была последним достижением симфонизма, чуть ли не его «официальной» формой. Но Шимановский в отличие от своих коллег с самого начала идет иным, своим путем. Нельзя сказать, что композитор не призывал программности; поэзия вдохновляла его и при написании Второй симфонии, Второй сонаты и других сочинений. Однако Шимановский стремится координировать классические формы с современными направлениями в области музыкальной выразительности, что приводит его к сближению с совершеннейшей сонатной формой, откристаллизовавшейся в последних сонатах и квартетах Бетховена.

⁷ См., например, «622 upadki Bunda czyli Demoniczna kobieta»; «Nienasycenie»; «Pożegnanie jesieni»; «Jedynie wyjście» и др.

⁸ В 1979 г. в Кракове вышла антология стихотворений, посвященных Шимановскому, переизданная в юбилейном году [28].

пронизана «Третья симфония» Б. Шабельского; атмосферой гуральского фольклора проникнут балет-пантомима А. Малявского «Вершины».

Некоторые композиторы вслед за автором «Харнасе» начинают исследовать «белые пятна» на фольклорной карте Польши. Получила продолжение в польской музыке и другая линия творчества Шимановского — линия «Stabat Mater» и «Литании». Пожалуй, к наивысшим достижениям польской музыки в этом жанре можно отнести сочинения К. Пендерецкого «Трен» (памяти жертв Хиросимы, 1960 г.) и «Dies irae» (памяти жертв Освенцима, 1967 г.).

Таким образом, традиция Шимановского продолжает жить в польской музыкальной культуре, способствуя ее обогащению.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балза И. Ф.* Великий польский музыкант. — В кн.: Кароль Шимановский. М., 1982.
2. *Jwański A.* Wspomnienia: 1881—1939. Warszawa, 1968, s. 293.
3. Избранные статьи музыковедов ГДР. М., 1960, с. 189—190.
4. *Zwrotnica*, 1927, № 12, s. 264.
5. *Golachowski S.* Karol Szymanowski. Kraków, 1977.
6. *Jachimecki Z.* Karol Szymanowski. Rys. dotychczasowej twórczości. Kraków, 1927.
7. *Łobaczewska S.* Karol Szymanowski. Kraków, 1950.
8. *Golachowski S.* Karol Szymanowski. Kraków, 1956.
9. *Muzyka*, 1957, № 4 (7).
10. *Z życia i twórczości Karola Szymanowskiego.* Kraków, 1960.
11. Статьи и рецензии композиторов Франции. Л., 1972.
12. *Szymanowski K.* Z pism. Kraków, 1958.
13. *Стравинский И. Ф.* Статьи и материалы. М., 1973.
14. *Трибуна Луду*, 1982, 2—3 X, s. 4.
15. *Серов А. Н.* Избранные статьи. Т. I. М., 1950, с. 278.
16. *Ямпольский И.* Генрик Венявский. М., 1955, с. 3.
17. *Бородин А. П.* Критические статьи. М., 1982, с. 55.
18. *Бородин А. П.* Письма. Вып. II. М., 1936, с. 159.
19. *Балза И.* О славянской музыке. М., 1963, с. 260.
20. *Szymanowski K.* O Chopine. Kraków, 1949.
21. *Antologia polskiej krytyki muzycznej XIX i XX w.* Kraków, 1955, s. 332.
22. *Muzyka Podhala.* Lwów, 1930.
23. *Muzyka*, 1953, № 5—6, s. 24.
24. *Gazeta Polska*, 1936, № 165, s. 5.
25. *Szymanowski K.* Wychowawcza rola kultury muzycznej w społeczeństwie. Kraków, 1949, s. 17—18.
26. *Szymanowski K.* Z listów. Kraków, 1958, s. 161.
27. *Wiersze o Szymanowskim.* Kraków, 1979.
28. *Wiersze o Szymanowskim.* Kraków, 1982.

ПАЩЕНКО Е.

«ПОЛИТИКА» Ю. КРИЖАНИЧА КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ БАРОККО

Имя и идеи Юрия Крижанича вот уже второе столетие, начиная с публикации его рукописей в середине XIX в., привлекают внимание исследователей различных ориентаций. Богатое творческое наследие, необычная судьба этой личности давали немало поводов для самых разнообразных, порой противоречивых интерпретаций, вследствие чего возникла обширная литература о нем. Между тем и сегодня, когда отмечается трехсотая годовщина со дня смерти хорватского писателя, не теряют актуальности слова В. Ягича, сказанные по случаю 300-летия со дня рождения его земляка. Известный славист констатировал, что многое в литературном наследии Ю. Крижанича осталось нераскрытым и нуждается в дальнейшем изучении, «тем самым как раз и привлекает, и долго еще будет привлекать к себе эта богато одаренная, но немилосердно сотрясаемая судьбой личность, зовущая ко все более углубленному исследованию ее жизни и идей» [1, с. 184].

Советскими славистами в этой области многое сделано, но в обширной литературе о Крижаниче заметно преобладают работы, касающиеся концептуальной стороны его сочинений. Он рассматривался скорее как «политический писатель», чем как художник слова. Изучались его «государственные идеи», «философские и социологические взгляды», «экономические учения», «исторические концепции», «политические взгляды» и т. п. Особая заслуга принадлежит литературоведам в осуществлении текстологического анализа, выявлении источников произведений, публикации сочинений и др.

Дальнейшее исследование творчества Крижанича как художника слова — отметим здесь лишь некоторые аспекты — не только расширило бы представление о его мастерстве, но и позволило бы выявить определенные закономерности, присущие славянским литературам XVII в. При этом следует учитывать специфику среды, в которой он формировался как человек и писатель, на что и ориентирует вынесенная на IX Международный съезд славистов специальная тема: «Юрий Крижанич в контексте его времени».

Это было время барокко в его славянском проявлении. Крижанич принадлежит барочной культуре как по формальным, типологическим признакам (хронология, темы, мотивы, жанровое и стилистическое своеобразие творчества), так и по своему мировоззрению, идейной направленности произведений и даже необычности судьбы. Являясь во многих отношениях человеком оригинальным, яркой индивидуальностью — в эпоху барокко личность не подавлялась, а, напротив, обретала возможности для самовыражения, — Крижанич одновременно воплотил в себе некоторые характерные черты своего времени. Современник Симеона Полоцкого и Епифания Славинецкого, он принадлежал к типу «странствующего пророка» и в известной мере близок Яну Амосу Коменскому, иным «политическим визионерам».

Идейная доминанта взглядов Крижанича — славянская общность — является типичным проявлением социально-политической и культурной мысли XVII — первой половины XVIII в., получившим в работах некоторых исследователей название «барочный славизм». Игнорирование специфики этого понятия при анализе взглядов писателя и отождествление их с идеями славянской взаимности последующих столетий приводило к ошибочным, порой противоречивым оценкам его — от «предтечи славнофильства» до носителя «панславянской угрозы» западу, или же, напротив, «агента» папских происков на востоке.

«Славянская тема» как выражение этнической родственности всех славянских народов имеет давние традиции в хорватской литературе. Она прослеживается в фольклоре, в творчестве писателей средневековья, чрезвычайно богато представлена в произведениях далматинских поэтов эпохи Ренессанса, живет в хорватской литературе вплоть до XX в. [2]. Одним из ее вершинных проявлений в барочной литературе является творчество Юрия Крижанича.

Писать Крижанич начал еще в юношеские годы, создав несколько десятков различных по объему и содержанию сочинений. В жанровом отношении это типичные для литературной культуры барокко тексты богословского, историографического, лингвистического, политико-экономического и т. п. содержания. Научно-философская проза, между тем, не исчерпывает репертуар его творчества, он проявил себя и в других популярных в его время жанрах — писал панегирики, эпитафии, намеревался создать драматургические произведения на темы из русской истории. Не оставляя замысла, возникшего еще в юношестве, об «очищении» отечественного (а затем вскоре и «общеславянского») языка, он изучает народные диалекты, записывает пословицы. Крижанич признан одним из первых собирателей устного народного творчества в истории хорватской фольклористики барочной эпохи [3].

Мастерство Ю. Крижанича как писателя с особой силой проявилось в тобольский период творчества (1661—1676), когда он создал ряд сочинений, среди которых наибольшую известность снискала «Политика». На первый взгляд «Политика» — это конгломерат слабо связанных между собой текстов, ассимилирующих самую различную информацию. Именно так она и рассматривалась критикой. Между тем, произведение Юрия Крижанича представляет собой одно из распространенных явлений литературной культуры того времени — ученый трактат, созданный по барочной системе. Автор хочет сказать и говорит о многом — он радуется «о благочестии», «о рудах», «о человеческом обличи», «о королевской славе», «о торговле» и т. д., что создает впечатление стихийного и неупорядоченного нагромождения фактов, разнообразных по характеру и содержанию. Но в этом лишь кажущаяся аморфность — сочинение построено с продуманной последовательностью и закономерностью, подчинено конкретным требованиям жанра. Нет сомнения в том, что Крижанич, превосходно знавший литературу своего времени, был знаком с многочисленными «Риториками», «Поэтиками», «Курсами красноречия», повсеместно преподаваемыми в школах, коллегиях и академиях на обширной территории «барочной Европы» от Мадрида до Киева и Москвы. Его «Политика» написана в соответствии с принципами теории «трех штилей», популярной в литературной практике эпохи. Жанровая специфика, стилевые особенности «Политики» в полной мере соответствуют требованиям, предъявляемым к литературе так называемого «среднего штиля». Одним из показательных признаков принадлежности сочинения к этой категории литературы является, например, барочное полигисторство, пронизывающее страницы «Политики».

Обладея исключительной памятью, страстью к познаниям, которые он неустанно расширял, — в Загребе, Риме, Болонье, Вене, Варшаве, Смоленске, Константинополе, Москве, Киеве или Нежине — этот один из самых блистательных эрудитов имел достаточно времени в Тобольске для того, чтобы переосмыслить свои познания и изложить в литературной форме.

Обилие имен — Гомер, Вергилий, Варрон, Цезарь, Аристотель, Цицерон, библейские образы и сюжеты, сочинения отцов церкви, литература Киевской Руси, труды современников, широко цитируемые на страницах трактата [4], вызывали у некоторых исследователей кроме восхищения, еще и сомнение в оригинальности, упреки в копилаторстве [5]. Но подобные критики не принимали во внимание факт, что богатая эрудиция, которой блещет Крижанич, — одно из отражений барочного энциклопедизма, своего рода литературный норматив эпохи, в которой знания и ученость были в особом почете. Следуя этой тенденции, Крижанич не смущался внешней «пестротой» своего сочинения, которая осуждалась в последующие столетия, когда барочная стилистика отошла в прошлое.

Жанровое разнообразие, диффузия литературных и нелитературных форм как характерный признак микроструктуры произведений «среднего штиля» наблюдаются и внутри отдельных разделов «Политики». Здесь нетрудно выявить такие формы, как политический памфлет, панегирик, аллегорическая притча, научные рекомендации, диалоги, поучения, анекдоты и т. д. Перегруженные разнородной информацией, отдельные разделы как бы теряют «конструктивную напряженность». Но это не противоречит принципам барочной культуры, несущей элемент полиморфности, многоплановой по своей природе [6].

Наряду с отмеченным следует обратить внимание и на явно выраженное стремление автора сохранить гармонию, уравновешенность сочинения, что также восходит к барочным нормативам. Излагая методы и способы достижения прогресса в русском государстве, Крижанич выводит три «божественные добродетели», на которых зиждется державная мощь, — богатство, сила и мудрость. Соответственно и текст получает тройное членение [7]. Этот положенный в основу композиции принцип троекратности не случаен и восходит, в частности, к магическому значению числа 3, символика которого, популярная еще в культуре средневековья, прочно вошла в аллегорический арсенал барокко. (Характерно, что пророк Иеремия, у которого заимствованы представления об этих добродетелях, выводит четыре понятия.) В соответствии с барочным дуализмом, антиномичностью восприятия, эти добродетели трактуются как мирские, но данные свыше и должныствующие находить достойное преломление в земной жизни.

Сочетание земного и небесного, рационального и мистического пронизывает всю «Политику», образуя причудливую смесь различных, казалось бы противоречивых и несовместимых понятий, идей и сюжетов, но устремленных к одной цели. На «движение» мыслей внутри текста обратил внимание еще В. Ягич, хотя он и не рассматривал «Политику» в контексте эстетики барокко. Его замечание о том, что идеи писателя «текут широким потоком, вздымаясь, словно волны, стремительно бегут к одной цели..., и кто хочет уловить их последовательность, связать воедино, должен искать их в различных местах, составлять в одно целое» [1, с. 5, 62], по сути, отражают типичные для барочной стилистики динамизм, многоплановость, эпичность. В целом систему построения «Политики» можно было бы сравнить с принципами росписей барочных храмов, когда отдельные, на первый взгляд малосвязанные между собой, композиции представляют иллюстрации одной или нескольких идей, долженствующие своей разносторонностью, детализацией, обилием поразить и вдохновить зрителя.

Говоря о полигисторстве Крижанича как явления, вызванном духом времени, когда «память и эрудиция считались главнейшими достоинствами не только ученых, но и писателей» [8], вследствие чего высокопочитаемая ученая энциклопедичность врывалась даже в беллетристику, следует подчеркнуть, что для Крижанича это не было самодовлеющим принципом. Далеко от европейских культурных центров, в Сибири, хорватский писатель не просто демонстрировал свою ученость как дань литературной моде. Все богатство и универсальность своих познаний философа, теолога, политика, историка, лингвиста, естественника, литературного критика и т. д. он подчиняет одной цели — убедить в правильности своих идей, направленных на единение славянства и процветание русского государст-

Ва, не уступающего ведущим державам того времени. Удобной формой для выражения этих идей и служила писателю барочная поэтика, из которой он черпает все богатство методов риторического воздействия — аллегоризм, метафорику, гиперболику и т. п.. Эти и другие методы и приемы писатель использует разумно — он не ставит своей целью нагромождение тропов, фигур, его текст лишен туманности, головоломок, не перегружен вычурными украшениями. Напротив, Крижанич желает быть ясным, услышанным, доступным. Отсюда стремление к логичности, последовательности, рациональному использованию изобразительных средств, что, однако, не означало отказа от риторики как важного средства воздействия на читателя. Но пафос и декларативность, если и имеют место, то сдержанны, текст лишен экзальтации, чрезмерного панегиризма, витиеватого «плетения словес». Подобная тональность «Политики» объясняется как требованиями поэтики «среднего штиля», в рамках которого создавались произведения так называемого «умеренного барокко» (например, трактаты Я. А. Коменского, которому стилистически родственны сочинения Ю. Крижанича [9]), так и спецификой темы, серьезностью содержания и аудиторией, которой предназначались его рассуждения.

Последнее — установка на определенное читателя — существенный фактор, отразившийся на структуре «Политики», внутри которой варьируются различные стилевые уровни. Надеюсь, что его голос из Сибири будет услышан в Москве, автор основным адресатом видит социальную верхушку, включая царя и его приближенных, ведь он говорит «о правлении». «Политика» как бы посвящалась русскому монарху: идеальный образ «короля», каким представляет его себе Крижанич, довольно часто фигурирует на страницах сочинения. Но автор как истый барочный проповедник, мастер ораторской прозы не ограничивает круг своих предпочитаемых «слушателей» лишь социальной элитой, он, как того требуют законы жанра, ориентируется на все слои общества. В заключительные годы сибирской ссылки все чаще фигурирует в его текстах народ. Показательно, что в «Завещании», написанном незадолго до освобождения, Крижанич уже апеллирует не к царю, а к русскому народу [10]. Рассуждения хорватского писателя о социальных низах исполнены гуманизма, чувства солидарности с угнетенным народом. Автор осуждает дворянство за его иждивенческое отношение к крестьянам, причем его рассуждения в этом плане порой граничат с политической сатирой.

Социальная дифференциация аудитории, различные интересы и вкусы общества как предполагаемого читателя отразились на форме и содержании сочинения. В духе барочной проповеди писатель комбинирует различные стилевые уровни, сочетает высокие понятия с низовыми, возвышенные идеи с обыденными явлениями, пышное и велеречивое с простым, теологические рассуждения с фактами из будничной жизни, что прослеживается, например, в принципах подбора и расстановки цитируемых источников как обязательного средства подкрепления концепций автора.

«Политика» изобилует россыпями афоризмов, притч, пословиц, анекдотов, ссылок на различные авторитеты и т. д. Подобное привлечение материала из античных, библейских, средневековых, ренессансных и прочих источников было в духе риторической модели барочной поэтики [11]. Крижанич связывает цитируемый материал с конкретными фактами из русской действительности, летописцем которой и своеобразным визионером будущего он оказался. Источники, на которые ссылается автор, используются не стихийно, а с определенной последовательностью. Тема рассуждений и установка на определенного реципиента — важный критерий привлечения изобразительных средств различных по своему уровню, и это прослеживается в структуре трех частей «Политики».

Первая и вторая части приблизительно равны по объему и стилю изложения. В них говорится о вещах практических — экономике и военном деле. Соответственно и стиль разделов первой части сдержан, лаконичен, пронизан рационализмом. Иллюстративный материал привлекается лишь в плаве сравнения с опытом других народов. Наряду со ссылками на биб-

лейские источники используется и материал из повседневной жизни, различные «слухи», мнения простых людей, современников автора. Последним источникам Крижанич отводит сравнительно больше места, чем ссылкам на книжные источники, как того и требует предмет рассуждения, например, раздела «О рудах». Первая часть краткого по объему текста построена на девяти различных высказываниях о рудных богатствах Сибири, слышанных непосредственно автором, или где-то вычитанных. На характер этой информации указывают и соответствующие зачины: «Некий немец... говорит...», «А некий другой немец рассказывал мне...», «Рассказывал мне один человек, что в некоей сибирской горе близ Красного Яра была найдена серебряная руда», «Рассказал мне вышеупомянутый человек...», «Тот же пленный говорил...» и т. д. [12, с. 417—420]. Писатель приводит различные суждения не с желанием поразить чем-то сенсационным, как было принято в литературе его времени («я этим басням не верю», — заявляет он по поводу многих из них), а более с информативной целью, как бы подготавливая фон для развития основной идеи — об исключительных природных богатствах Сибири и необходимости их разработок для упрочения мощи русской державы. Следующие затем практические рекомендации о способах добычи рудных богатств сдержанны в отношении иллюстративного материала — даны лишь краткие ссылки на опыт других народов.

С аналогичным рационализмом изложена вторая часть — «О силе», но здесь география сравнений с практикой других народов шире. Поскольку речь идет о военных делах, читатели теперь — «воеводы» и сам государь, то автор соответственно подбирает более высокий социальный статус авторитетов, на которые ссылается. Крижанич приводит примеры из истории и современности — вспоминает, в частности, «короля Дария», допустившего просчет в укреплении своих позиций во время одной из военных операций, затем хвалит методы защиты границ «в Хорватской земле», после чего ссылается на примеры из ветхозаветных источников, упомянет «спартанского законодателя» Ликурга и сетует на практику поляков, у которых «нет или почти нет укрепленных городов и крепостей» и т. п. Все это подчинено идее важности укрепления границ «в этом государстве», т. е. в России.

В целом можно выделить две риторические модели, которыми оперирует писатель в изложении своих мыслей. Первая — проста, скромна в использовании изобразительных средств: обычно лаконичное изложение основных идей подкрепляется различными фактами из прошлого или современности («О твердых», «Об оружии», «О войнах», «О жаловании и почестях воинских» и др.). Вторая модель несколько усложнена: основная идея как бы обрамляется пышным орнаментом имен, суждений, экскурсами в прошлое, ориентированными на достижение максимальной убедительности. Крижанич здесь иногда как бы «отталкивается» от какого-либо аллегорического образа, притчи, сравнения, вынесенных в начало повествования, после чего приводятся примеры, параллели из различных источников — все это ведет к основной мысли, содержащейся, как правило, в середине или конце текста и связанной с конкретными фактами из повседневной жизни русского государства. Для того, например, чтобы уверить в важности развития военного дела, Крижанич начинает раздел «О строях войска» с привлечения эмблематики: «победоносное войско» аллегорически представлено «королевскими животными» — львом и орлом, символизирующими быстроту и силу. Затем стремительно, один за другим, в лаконичных абзацах перечисляются примеры организации войска у римлян, поляков, калмыков, монголов, шотландцев, «казаков», немцев и т. д., что по мнению писателя должно убедить в необходимости «перенять у всяких народов те их строи (войска), которые наиболее известны и хороши» [12, с. 428]. Новая «волна» рассуждений, фактов, примеров, сравнений достигает высокой убедительности, подкрепленной авторитетами, и завершается выводом, относящимся уже к практике организации войска «здесь на Руси», что переходит в следующую цепь размышлений и ассоциаций, возрастающих по мере нагнетания ссылок на антич-

ных авторов, отцов церкви, Ветхий завет — и все это вдруг словно обрывается, происходит снижение к реальности. Автор настаивает, к примеру, на целесообразности внедрения в военное дело «водяных тыков, очень удобных для плавания. Не знаю, могут ли такие тыквы расти у Астрахани, а из-за персидского рубежа их можно добывать» [12, с. 434], — считает нужным заключить он, — поскольку подобное оборудование может потребоваться для преодоления водных препятствий, а войско должно быть стремительным и непобедимым, как у Александра Македонского.

В подобной «волнистости», подмеченной еще Ягичем, динамизме, столкновении контрастных понятий и стиливых уровней трудно заметить принципы барочной поэтики, применяемые Крижаничем в его «Политике». Обращаясь к этому, несколько усложненному, типу повествования, автор словно бы подготавливает переход к третьей части, где он говорит о мудрости, которой придает особое значение, и потому эта часть у него самая основная и обширная. Здесь всесторонне выражены чаяния и помыслы Крижанича, с которыми он стремился в Москву, а попал в Сибирь.

Писатель дает свое видение процветающего русского государства во главе с гуманным и мудрым монархом, осуществляющим реформы «на благо народа». Эти страницы «Политики» особенно богаты примерами, свидетельствующими об ораторском мастерстве, изобретательности автора. Апелляция к «высокому» читателю требовала, согласно законам барочной элоквиенции, и соответствующего стиливого уровня. Писатель чаще привлекает аллегории, «готовые формы», черпает факты из высокоавторитетных источников. В тексте, особенно монологах, как и во вступительной части «Политики», представляющей обращение автора к царю, встречаются риторические обороты, восклицания («О, славный государь, ни за что ни верь волку...», «Честные отцы возлюбленные наши!...», «О несчастный народ славянский!» и др.). Но в целом подобных примеров немного, автор и здесь сдержан, он не допускает «темноты», его концептизм умерен, как того и требует литература «среднего пштыля». Все приемы, изобразительные средства подчинены риторическому рационализму, ясность и убедительность — основные художественные принципы писателя. С этой целью он комбинирует различные риторические модели, но предпочтение отдает несколько усложненному типу повествования.

Рассуждая, например, о том, «как хороша, полезна, выгодна и нужна мудрость», писатель предварительно отмечает превосходство человека над «бессловесными животными». Далее развивает мысль «о пользе мудрости», периодически подкрепляя ее ссылками на авторитеты, чередующиеся в следующей последовательности: «воевода Нестор... под Троей», «муж, достойный вечной славы — Борис Иванович Морозов», Марк Варрон, Давид, Соломон, Александр Греческий, императоры Юлий и Август, Магомет и др., что завершается осуждением ереси на Руси, как следствия невежества и безграмотности. Следующий раздел строится по более упрощенному типу — это краткие «советы народу... что такое мудрость, и знания, и философия», без сопутствующей «инкрустации» примерами, сравнениями, цитатами и т. п.

Иногда Крижанич «сталкивает» в рамках одного текста «высокие» и «низкие» темы, как, например, в разделе «О чужевладстве», насыщенном библейскими и другими изречениями, за которыми внезапно следует беседа двух горожан, современников автора, речь которых не лишена профанных фраз и выражений. Подобные «вторжения» оживляют содержание, лишают его сухости. Понимая, что некоторые темы его сочинения могут из-за своей специфики оставить читателя безучастным, Крижанич привлекает все средства риторического воздействия, дабы избежать монотонности. Это ему удается прежде всего благодаря полигисторству, позволяющему не только стремительно чередовать ритм повествования, но и изменять границы пространства и времени. Та или иная, на первый взгляд, узкоспециальная тема вдруг расширяется в своих временных и территориальных границах путем внезапных экскурсов в прошлое, привлечения

примеров и аналогий с обширной географией — от европейских до азиатских держав, — что создает иллюзию глубины, пространственности, так почитаемой в искусстве барокко.

«Присутствие рампы», характерное для литературы того времени, свойственно и сочинению Крижанича. Поэтическая эмоция автора не тождественна реальной. Писатель создает свой вымышленный мир и «живет» в нем. Невзирая на изолированность от предполагаемой аудитории, он в своем воображении не теряет с ней связь, чувствует «зрителя» и словно бы разыгрывает перед ним в духе популярной в те времена школьной драмы дидактико-воспитательное представление. На его «сцене» проходят целые процессии королей, царей, императоров, героев; аллегорические добродетели Благочестие, Сила и Разум также в числе его персонажей. Среди действующих лиц появляется русский царь и обращается к «зрителям» с монологом («Речь царя к жителям всего королевства»), или «царский думник», декларирующий «слушателям» авторскую программу реформ во имя «блага народа».

Одним из подтверждений стремления автора к сценическому воплощению своих идей является частое обращение к диалогам. Повествовательная ткань «Политики», особенно третьей части, время от времени переходит в «беседы» персонажей. Особенно часто автор передает в ролях различные притчи, обширно цитируемые в тексте. Раздел «Корень всех зол — жадность» словно бы ориентируется на небольшое поучительное представление, тенденцию к этому содержит и структура текста, некоторые из притч которого (например о «первом короле турецком Баязете») переданы в ролях.

Диалог «как литературная форма решения полемических споров» [13] восходит еще к античной традиции. Он был подхвачен писателями средневековья, затем Ренессанса и стал одним из популярных приемов прозы барокко. Крижанич обращается к диалогической форме довольно часто, и не только в «Политике», но и в других сочинениях. Его «собеседники» не лишены известной типизации. Один из них — Борис (или Богдан) выступает в роли обобщенного представителя славянства, с которым часто разговаривает посланник югославян Хервое. Эти имена и диалоги имеют реальную основу — в Борисе нетрудно усмотреть Бориса Морозова, о котором хорватский писатель отзывается с особым пиететом, а в его партнере — самого автора, имевшего немало встреч с известным государственным деятелем во времена своего пребывания в Москве. В диалогах Крижанич затрагивает наиболее актуальные темы, касающиеся положения «нашего народа» и возможностей продвижения русского государства по пути к прогрессу. Диалогами нестроят разделы «О нравах и неумелости нашей и (о том), как судят о нас другие народы» с подзаголовком «Разговор Бориса с Хервоем», «Об общих свойствах и недостатках нашего народа», «Об обязанности короля», «Об исправлении тиранства и дурного правления», «О сохранении государственной власти», «О королевской славе» и др.

Активное привлечение диалогов играет, таким образом, важную идейную, композиционную и стилистическую роль в воплощении творческих замыслов писателя. Крижанич хочет показать, что формулируемые им идеи усовершенствования русского государства волнуют не только его, они находят отклик среди передовых людей русского общества, о которых он пишет тепло и дружелюбно. Диалоги оживляют повествование, делают «высокую» патриотическую тему, как и весь текст, более доступными, с их помощью автор именно «беседует» с читателем (ведь его труд так и называется — «Беседы о правлении»).

Но несмотря на искреннее желание хорватского писателя быть услышанным во всех краях и сферах русского государства, на пути к реализации этой цели стояло, кроме территориальных преград, еще одно, более существенное препятствие — язык его сочинений, сочетающий церковнославянский, русский, хорватский, польский, украинский и другие элементы. Этот искусственный язык Крижанича делал его тексты трудными, что впоследствии препятствовало восприятию и пониманию

его сочинений, длительное время определяемых в архивах как трактаты на «чешском» или «польском» языках.

Между тем, следует подчеркнуть, что язык Крижанича не был простой причудой хорватского полиглота. Вынашиваемый еще в юности и реализованный в Сибири оригинальный замысел «очищения» языка и создания «всеславянского» тесным образом связан с духом и настроениями эпохи. В условиях сопротивления денационализаторской политике сильных держав по отношению к «малым» народам проблема языка приобретала идеолого-политическое значение. Язык воспринимался как важное средство консолидации не только одного народа, но и всего славянства, как важный показатель принадлежности отдельного народа к общеславянскому кругу. Идея создания особого языка как формы противопоставления неславянскому миру была чрезвычайно насущна на славянском юге, где не ослабевала актуальность давнеславянской антитезы «мы — они». Эксперимент Крижанича имеет своеобразную аналогию, например, в культурной и идеологической практике сербской литературы эпохи барокко. Здесь вплоть до реформ Вука Караджича бытовал искусственный «славяно-сербский» или «русскославянский» язык, которым и сами сербы с трудом овладевали, но не отрекались от него, полагая, что изъясняются на родственном русском языке, тогда как русские, в свою очередь, считали, что имеют дело с сербской речью.

Этот сербский парадокс был одним из отголосков иллюзий «барочного славизма», проявившихся, в частности, в поисках универсального средства коммуникации. Крижанич с его идеями — один из зачинателей подобных исканий. В структуре его языка, словно эхо, отозвалась вся разнородность его времени, в котором лингвистика как явление не только культуры, но и идеологии, занимала особое место. Барочны как идея создания общеславянского «сакрального» языка, так и принципы его построения. В нагромождении различных элементов славянской лексики сказалась типичная для барокко тенденция к пестроте, конгломеративности, использованию разнородных источников.

Внося в свою «общеславянскую» речь хорватские, русские, польские, украинские элементы, Крижанич словно бы слил в едином хоре все многоголосие призывов к единению, раздававшихся в славянском мире эпохи барокко. Его идея, таким образом, является не «гласом вопиющего», а обобщением тенденции времени, носителем которой и своего рода посланником он стал.

Отмеченные особенности далеко не исчерпывают всех проявлений причастности творчества Крижанича к культуре барокко. В плане дальнейших изучений немалый интерес представляет вопрос о роли и месте Крижанича в развитии русской барочной культуры, ведь богатая эрудиция и талант этого одного из блистательных барочных полигистров длительное время развивались и находили применение в контексте русской общественно-литературной мысли середины XVII в. Еще недостаточно изучена связь хорватского писателя с Украиной и украинцами, оказавшими немалое влияние на формирование его взглядов еще в молодости; Крижанич был одним из первых европейских писателей, интересующихся белорусами; интересный материал для изучения важной проблемы взаимосвязей барокко с народной культурой дает тема фольклоризма Крижанича, на которую обратил внимание академик М. П. Алексеев [14]. Эти и другие неисследованные аспекты являются еще одним подтверждением того, что активизировавшееся в последние годы изучение славянского барокко следует продолжать и углублять [15; 16; 17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Jagić V. Život i rad Jurja Križanića. O tristoj godišnici njegova rođenja. Zagreb, 1917.
2. Пащенко Е. Славянские мотивы в творчестве В. Назора. — Советское славяноведение, 1983, № 1, с. 57—66.

3. *Bošković-Stulli M.* Usmena književnost. Zagreb, 1978, s. 183.
4. *Гольдберг А. С.* Сочинения Юрия Крижанича и их источники. — Вестник истории мировой культуры, 1960, № 6, с. 117—130.
5. *Шкеровић Н.* Гуро Крижанић, његов живот, рад и идеје. Београд, 1936, с. 85.
6. *Морозов А.* Проблемы европейского барокко. — Вопросы литературы, 1968, № 12, с. 120.
7. *Бадалич И.* Юрий Крижанич — предшественник Ивана Тихоновича Посошкова. — ТОДРЛ, 1953, т. XIX, с. 391.
8. *Морозов А.* Основные задачи изучения славянского барокко. — Советское славяноведение, 1971, № 4, с. 60.
9. *Škarka A.* Baroknost literarniho stýlu J. A. Komenskeho. — In: O barokni kultúre. Brno, 1968, s. 41—52.
10. *Golub I.* Život i rad Jurja Križanića. — Encyklopedia moderna, 1972, № 18, s. 50—64.
11. *Dyck J.* Deutsche Barockpoetik und rhetorische Tradition. Hamburg, 1968.
12. *Крижанич Ю.* Политика. М., 1965.
13. *Майер В. Е.* Современники Реформации о роли народных масс в общественном перевороте. — В кн.: Культура эпохи Возрождения и Реформации. М., 1981, с. 124.
14. *Алексеев М. П.* Юрий Крижанич и фольклор московской иноземной слободы. — ТОДРЛ, 1969, т. XXIV, с. 299—304.
15. Славянское барокко. М., 1979.
16. Барокко в славянских культурах. М., 1982.
17. *Софронова Л. А.* Поэтика славянского театра XVII—XVIII вв. М., 1981.

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА НА МЕЖДУНАРОДНЫХ СЪЕЗДАХ СЛАВИСТОВ (I—VIII)¹

Балто-славянские языковые отношения — традиционная и, как теперь можно говорить о связи с предположениями последнего времени о славянском лингвогенезе, капитальная проблема славистики. Поэтому вынесение ее на обсуждение Международных съездов славистов закономерно и необходимо. При этом одинаково важен и аспект исследований, касающийся балто-славянских отношений в целом, и конкретные работы по частным темам различных языковых уровней, ведущиеся в диахроническом и синхронном плане как со стороны славистики, так и особенно со стороны баллистики. Более того, целый ряд представленных на съездах докладов, не ориентированных специально на эту проблематику, содержит материалы и наблюдения, которые могут быть использованы при решении более общих вопросов балто-славянских языковых (и этнических) отношений, или же методологические и теоретические постулаты, позволяющие по-новому оценить уже введенный в научное обращение языковой материал. С несомненностью все возрастает значение топонимических данных при решении этнолингвистических аспектов балто-славянских отношений, особенно вопроса о локализации прародины славян, специально включенного в программу Софийского съезда. В кругу актуальных балто-славянских задач следует указать также работу по изучению языковой интерференции разного рода в зоне контактов современных балтийских и славянских языков, ведущуюся польскими, литовскими и белорусскими лингвистами, результаты которой также выносятся на обсуждение съездов славистов. В обзоре учтены традиционные по проблематике, но часто отражающие методологические новшества в способах представления материала, этимологические и лексикологические доклады и упомянуты некоторые работы, касающиеся балто-славянского взаимодействия в области фольклора и мифологии.

Довоенные съезды славистов (I состоялся в Праге в 1929 г. [8], II — в Варшаве в 1934 г. [9], III намечалось провести в Белграде с 18 по 25 сентября 1939 г. [10]; см. также библиографическую обработку его материалов [11]) не имели разработанной лингвистической программы, и балто-славянская проблематика возникала на них как отражение научных за-

¹ Обзор работ, посвященных балто-славянским языковым отношениям, представлен в трех публикациях В. Н. Топорова: первая часть касается литературы, вышедшей до начала XX в. [1]; во второй рассматриваются работы периода с 1908 г. (когда вышла в свет книга А. Мейе «Les dialectes indoeuropéens», вызвавшая дискуссию принципиального характера) до конца второй мировой войны [2]; третья часть охватывает работы, появившиеся во время войны и за период с 1945 г. по 1955 г. [3]. См. также статьи Б. В. Горнунга [4], Н. Д. Боголюбовой и Т. А. Якубайтиса [5], Я. Отрембского [6] и С. Каралюнаса [7], в той или иной степени касающиеся истории изучения балто-славянских отношений.

нятий отдельных докладчиков. Впрочем, «классический вопрос», касающийся славянской прародины в территориальном и хронологическом аспектах уже обсуждался — преимущественно на ономастическом материале²: доклады Т. Милевского «Современное состояние и ближайшие цели исследований языка вымерших славян между Одрой и Лабой» (в нем содержались наблюдения над лехитскими диалектными фактами, отраженными в латинских документах [13]) и М. Фасмера о географических названиях между Эльбой и Вислой, большинство из которых, по мнению автора, является иллирийскими [14], а также доклады С. Роспонда на II и III съездах, не содержащие, впрочем, как и указанные выше, балтийского материала. Я. Чекановский решал эту проблему, применяя статистическую обработку рефлексов праславянских *tort, tolt, tert, telt, dj, k'* и др. в исторически засвидетельствованных славянских языках и локализуя, в результате, прародину славян в бассейне Вислы [15]. Лингвистическими аргументами (топонимика и названия золота, серебра и железа) обосновывает гипотезу о висло-одерской прародине славян М. Рудницкий [16]. Однако большинство ученых, ответивших на вопрос Белградского съезда: каковы хронологические границы праславянского языка — не отделяло его решения от проблемы балто-славянского единства (А. Белич, П. Джорджич, В. Пизани, Н. ван Вейк и др. [17]). Два доклада на I съезде славистов содержали балтийский материал в качестве типологических параллелей славянским явлениям. Именно так Вл. Розов использовал диалектные примеры из «Латышской грамматики» Я. Эндзелина при анализе сочетаний типа *tort*, имеющих в украинском двойное отражение (*голівка*, но *гольбе*), объясняя его разным поведением этой группы под циркумфлексной и под акутовой интонацией [18]. Я. Отрембский мотивирует появление двух отражений праславянского **na-rīkoi—ti: naričō, na-ricēti* и *na-ricati* не фонетическими (палатализация), а морфологическими причинами и приводит типологически параллельные явления из литовского твереского говора [19]. По мнению А. Вайана, глагольный тип *lēje — lījati*, редкий в славянских языках, имеет соответствия в балтийских [20]. Как представляется, не содержащий балтийского материала доклад Ю. Куриловича [21], входящий в серию его работ 20—30-х годов о глагольном виде, может быть использован при решении соответствующих проблем балто-славянского глагола.

На II съезде славистов лишь доклад Э. Френкеля касался балто-славянской проблематики, а именно результатов разного рода взаимных контактов литовского языка Виленщины со славянскими, особенно в сфере семантики: *krutėti* 'работать' при 'двигаться, шевелиться' в других литовских диалектах; некоторые случаи сохранения старой семантики в условиях языкового контакта, общие литовско-латышские семантические схождения с русским (лит. *ieškoti*, лтш. *ieskāt*, рус. *искать* [в голове] и др.); образование креолизованных форм типа *sėdāvykis* 'садись', *guldāvykis* 'ляг пониже' и др. [22]. Его доклад на III съезде касался двух частных вопросов из области семантической типологии: связи концептов «лес» и «болото» в индоевропейских языках, особенно в балтийских и славянских, а также сопряженности понятий 'гордый' и 'безрассудный' в связи с этимологией лит. *puikūs* [23].

Реферат М. Бартоли резюмирует его предшествующие работы, в которых он, как один из создателей и активный популяризатор идей итальянской школы неолингвистики, проблемы хронологии рассматривает в пространственном отражении и, проводя строгое разграничение «*innovazioni preetniche*» и «*innovazioni postetniche*» (вид инновации устанавливался по сочетанию 6 «географических фигур», например, соотношение *s- : h-*, название червя в индоевропейском и под.), определял место того или иного языка среди других индоевропейских и его хронологические пределы [24]. Проблеме именной флексии посвящен реферат другого представителя итальянского направления неолингвистики В. Пизани [25], много

² Ономастическая проблематика на съездах славистов (I—VI) рассмотрена в специальном обзоре М. Караса [12].

занимавшегося балто-славянской проблематикой и пережившего известную эволюцию взглядов от признания балто-славянской языковой близости (но не праязыка), затем утверждения единства балто-славянской территории как ареала сосредоточения изоглосс, связывающих балтийский и славянский, до неолингвистического отрицания балто-славянского единства, как и реальности праязыка вообще [2, с. 24—26].

Можно ли считать, что довоенные съезды славистов адекватно отразили развитие европейского языкознания в 20—30-е годы, в частности в отношении изучения балто-славянского взаимодействия как древнейшей поры, так и нового времени? Приобретая в 30-е годы авторитет и сторонников итальянская неолингвистика во многом определила тематическое содержание III съезда. Даже ряд вопросов, предложенных к обсуждению, в частности вопрос о хронологических границах праславянского (см. выше), был сформулирован в духе этого направления. Нашло отражение на съездах и интенсивно ведущееся в 30-е годы лингвистическое обследование диалектов литовско-белорусско-польского пограничья. Но совершенно за пределами съездовской проблематики оказалась балто-славянская акцентология, успешно развивавшаяся в предвоенное десятилетие, и целый ряд иных тематических направлений.

Лингвистика 20—30-х годов, накопившая огромное количество фактического материала и сделавшая ряд открытий в области балто-славистики, не утративших своего значения и поныне, теоретически не осмыслила своих открытий в применении к древнейшим отношениям балтийских и славянских языков [2, с. 28]. Это состояние адекватно отразилось в тематике и проблематике довоенных съездов.

Послевоенный период можно охарактеризовать как время теоретических обобщений в области балто-славистики и связанного с этим обострения полемики [26], отхода от атомарного рассмотрения конкретных фактов схождения или различий, выработки методологически нового подхода, основывающегося на сравнении моделей, что при проигрыше в конкретности обеспечивает большую доказательность и строгость.

Данью предшествующему этапу изучения балто-славянских отношений можно считать поставленный перед IV (Московским) Международным съездом славистов вопрос в том виде, как он был сформулирован в вопроснике: «Существовало ли балто-славянское языковое и этническое единство и как следует его понимать?» [27] ³.

Ответ на поставленный вопрос требовал мобилизации всех лингвистических аргументов в их совокупности. При этом особенно очевидной стала невозможность осмысления языковых фактов без строгого метода их исследования и создалась уже бывавшая в истории изучения балто-славянских отношений ситуация, когда одни и те же факты истолковывались в пользу разных гипотез, что сделало очевидным необходимость ревизии их доказательной силы. С другой стороны, потребовалось уточнение самого объекта исследования и встал вопрос, как понимать балто-славянское

³ «...вопросы, относящиеся к решению интересующей нас в данном случае проблемы (балто-славянской. — Л. Н.), должны быть, по-видимому, сформулированы таким образом, чтобы они имели в виду не конкретные праславянские или общевосточные диалекты (задача все равно недостижимая), а лишь их модели, понимаемые как условное выражение функциональной зависимости этих построений от конкретно засвидетельствованных исторических данных балтийских и славянских языков; при этом абстрактный характер моделей еще более возрастает; поскольку речь идет, конечно, о схемах наддиалектного типа, предусматривающих дополнительную неопределенность конкретных реализаций некоторых фрагментов моделей. Вероятно, только в таком случае исследование древнейших балто-славянских языковых отношений оказывается «операционным», а сам аспект проблемы — существенно измененным (изучение отношений между моделями)... Такой метод исследования выводит балто-славянскую проблему из опасной изоляции от общей картины отношений между индоевропейскими диалектами. Наконец, тот путь, которым достигается построение древнейших балтийской и славянской моделей (последовательное снятие относительно поздних слоев и углубление в прошлое при помощи приемов внутренней реконструкции), обеспечивает максимально возможную непротиворечивость хронологической картины, поскольку, в частности, речь идет о временном соотношении моделей в целом, а не об относительной хронологии отдельных явлений (к тому же, как правило, исключительно фонетических)» [28, с. 212].

единство/resp. балто-славянский праязык/resp. балто-славянская общность. К концу 50-х годов XX в. определились (при известном огрублении) три точки зрения на древнейшие отношения между балтийским и славянским ⁴.

Первая из них восходит к А. Мейе, отрицавшему период балто-славянского единства и считавшему, что эти языки разошлись еще в индоевропейскую эпоху, и степень схожести между ними не больше, чем между каждым из них и другими индоевропейскими; схождения же вынесены непосредственно из индоевропейского. Меняясь в деталях на протяжении почти двух десятилетий, точка зрения Мейе на балто-славянское единство оставалась неизменно отрицательной. На Московском съезде сходную точку зрения высказал В. П. Мажюлис [30; 31, с. 454]. Не ставя перед собой специальной цели решения балто-славянской проблемы в целом, литовский лингвист касается лишь четырех явлений, имеющих значение для определения характера древнейших балто-славянских отношений: презентная основа лит. *duoti*, *dėti*, ст.-сл. *дамь*; литовские энклитики *mi*, *ti*, *si*, ст.-сл. *ми*, *ти*, *си*; балтийские числительные (при этом древнейшие/resp. общиндоевропейские формы числительных восходят непосредственно к праиндоевропейскому уровню, а более поздние сближаются с германскими, славянскими и другими индоевропейскими); восточно-балтийский и славянский генитив на *-ā* (типа рус. *волка*), восходящий к аблативу, ставшему в отдельных индоевропейских диалектах парадигматической формой. По мнению автора, все эти факты, относящиеся ко времени древнейших отношений балтийского и славянского, не нуждаются в допущении о существовании балто-славянского языка и относятся непосредственно к праиндоевропейскому.

Против теории балто-славянского праязыка выдвинул пять аргументов С. Б. Бернштейн [32], доклад которого на эту тему в программу съезда не вошел и в дискуссии поэтому не упоминался, как и работа В. К. Мэтьюса [33], который разделял отрицательный взгляд неолингвистов на проблему балто-славянского единства, приравнивая его к «промежуточному» языку в понимании А. Шлейхера.

Иная точка зрения на древние отношения балтов и славян представлена в объединенном докладе Т. Лер-Сплавинского, Я. Чекановского и В. Генселя [34], а также в ответе первого из них на вопрос анкеты [35, с. 152—157]. Коротко она сводится к тому, что индоевропейская основа балтийского и славянского не была единой. Происходя из близких, но разных индоевропейских диалектов, языковые предки балтов и славян в определенную эпоху пережили период общего языкового развития, о чем свидетельствует значительное количество общих грамматических изменений и инноваций (возникновение балто-славянской интонации, судьба индоевропейских слоговых сонантов, родительный падеж при отрицании), свойственных исторически сохранившимся языкам обеих групп и чуждых другим индоевропейским языкам, равно как и далеко зашедшая лексическая общность, при том что и в грамматической структуре, и в лексике между ними существуют различия, частично унаследованные еще от праиндоевропейского периода, а частично появившиеся уже в период раздельного существования обеих групп. Развитие в них сходных тенденций обусловлено уральским культурным субстратом (что соответствует экспансии племен шнуровой керамики, археологических аналогов северных индоевропейцев, и поглощению ими уральских племен гребенчатой керамики в течение второй половины II тыс. до н. э.), начавшаяся затем экспансия лужицкой культуры отсекала западное пространство от восточного и определила начало раздельного развития балтийского и праславянского.

Таким образом, эта комплексная, подтвержденная данными лингвистики, антропологии и археологии теория ложится в основание ис-

⁴ Обзор балто-славянской проблематики на Московском съезде славистов выполнил В. М. Иллич-Свитыч [29]. Графическое представление концепций древнейших балто-славянских отношений (Шлейхера, Мейе, Розадовского, Эндзеллина, Иванова и Топорова) дано в работе С. Каралюнаса [7, с. 51].

следований этногенетических проблем балтов и славян, и как к таковой к ней будут неоднократно обращаться исследователи славянского этногенеза, принимающие или критикующие ее в отдельных частях⁵. Но здесь следует сказать, что принципы сопоставления данных разных наук еще совершенно не разработаны. Об этом же говорил на съезде П. Н. Третьяков [37].

С. Б. Бернштейн хронологические границы балто-славянской общности определяет в пределах от 1500 до 500 гг. до н. э. [32, с. 63], а самую общность толкует как языковой союз⁶.

Характерным представляется колебание П. Троста, предложившего двойную интерпретацию балто-славянских отношений — как генетической общности и как языкового союза — в докладе «Современное состояние вопроса о балто-славянских языковых отношениях» [38; 35, с. 169—170]. Склоняясь, впрочем, более к первой точке зрения, он считал, что сходство морфологических черт свидетельствует скорее о генетической связи, чем о типологическом подобии.

Неизменно много приверженцев третьей точки зрения, по которой балтийский и славянский со времени индоевропейского членения входят в единую диалектную область. На съезде эта точка зрения была представлена докладами В. Георгиева и Я. Отрембского, разделялась многочисленными участниками дискуссии и преобладала в ответах на вопрос о существовании балто-славянского языка⁷.

В. Георгиев является крайним сторонником балто-славянской общности, «распавшейся, вероятно, позднее индо-иранской общности» [42, с. 10]. Особого внимания заслуживают неоднократно повторенные замечания В. Георгиева о том, что «консервативный в области фонетики и морфологии литовский язык может в известной степени заменить незасвидетельствованный праславянский язык». Без ссылок на какие-либо лингвистические факты приводится хронология развития балто-славянских языков, несколько отличающаяся от хронологии Т. Лер-Сплавинского: балто-славянская общность — III тыс. до н. э.; переходный период — конец III — начало II тыс. до н. э.; праславянский период — II и I тыс. до н. э.; переходный период — начало I тыс. н. э.; южнославянская диалектная группа — II—V в.

⁵ См. высказанное по поводу более ранних работ Т. Лер-Сплавинского (о которых см. [3, с. 144—146]) сомнение польского археолога И. Костшевского в возможности найти такую археологическую культуру, которая могла бы представлять еще не разделенных предков балтов и славян [36].

⁶ Впервые балто-славянские отношения древнейшей поры как «языковой союз» интерпретировал Хр. Станг в специальной работе 1939 г., а затем развил свои взгляды в исследовании о славянском и балтийском глаголе [3, с. 141—142].

⁷ Пожалуй, безусловно утвердительно ответили на этот вопрос В. Кипарский [35, с. 170—171], В. Эрните [35, с. 173—174], Э. Дикенман [35, с. 175]. Склоняется к утвердительному ответу К. Яначек [35, с. 162—166]. Сторонником концепции общей балто-славянской эпохи является и А. Белич, перечисливший доказательства в ее пользу: фонетика с акцентологией, склонение, словарь и общие черты глагольной системы: форма инфинитива, начало образования глагольного вида и под. Свообразие балтийской глагольной системы автор объясняет хронологическими причинами: эпоха совместной жизни не была достаточно современной, чтобы дать возможность образоваться и глагольной системе [39, с. 18]. Принимает ее и П. С. Кузнецов, объясняя из общеславянского многие факты славянского склонения [40, особенно с. 120]. О колебаниях П. Троста см. выше. Решительно отвергает теорию балто-славянского языка С. Б. Бернштейн [35, с. 167—169]. Самой постановкой вопроса, существующей терминологической неопределенностью неудовлетворен И. Лекон, считающий, что только усовершенствование метода исследования может привести к получению ответа на вопрос о балто-славянских отношениях [35, с. 172—173]. На Софийском съезде он пытался объединить гипотезы о балто-славянском праязыке и балто-славянском языковом союзе, считая, что развитие отношений имело смешанный характер [41]. Л. А. Булаховский критически пересматривает акцентологические аргументы (закон Форгунатова — де Соссюра) в пользу параллельного развития балтийского и славянского языков. Сближения в области глагольного словообразования, по его мнению, не отличаются по степени близости балтийский и славянский от других индоевропейских (особенно германского). Эти различия можно проецировать на глубокую древность. Но и схождения между балтийским и славянским много больше, чем между ними и другими индоевропейскими группами, и объясняются они отношениями, вынесенными еще из индоевропейского состояния [35, с. 157—162].

н. э.⁸ Вопрос о месте балто-славянского среди других индоевропейских решается в пользу большей близости между ним и германским (это подтверждается данными морфологии, словообразования и лексики), чем между ним и индо-иранским⁹. Балтославянско-иранские отношения были темой доклада В. Пизани на Пражском съезде [44]. Участвовавшие в дискуссии Г. Бирнбаум, В. Поляк и А. В. Десницкая говорили о «вторичном» характере балтославянско-иранских отношений, типичном для отношений «языкового союза» [45, с. 206—207].

Столь же крайней точки зрения, что и В. Георгиев, придерживается Я. Отрембский в докладе о развитии отношений между балтийской и славянской языковой группами [46]: «предки балтов и предки славян говорили когда-то на одном и том же языке». Автор выделяет несколько этапов этих отношений, приписывая каждому этапу характеризующие его языковые черты. Первый связан с финским субстратом, обусловившим разрыв первоначального языкового единства, при этом славяне еще долго сохраняли языковое единство (и как единое целое претерпели изменения, сходные с иранскими: $k', g' > s, z$; ср. также лексические заимствования из иранского), а балты распались на сильно различающиеся западную и восточную ветви. При этом некоторые особенности прусского, отличающие его от литовского и латышского, объединяют его со славянским (прусск. род и дат. множ. *poisson, poïta(n)s*, ст.-сл. *nasъ, namъ* при лит. *māsu, mīms*, лтш. *māsu, mīms*). По окончании финского влияния наступил период новых контактов восточнобалтийских и славянских языков и возник ряд ареальных схождения: изменение *tj, dj*; род. п. на *-a*: лит. *vilko*, ст.-сл. *vlъka*; им. п. указат. местоимения: лит. *tās, tā*, ст.-сл. *тъ, та, то* при прусск. *stas, sta, sto*. С разделением восточно-балтийского особенно тесные связи устанавливаются между латышским и восточнославянскими: исчезновение в латышском языке дифтонгических сочетаний с *n* и превращение восточнославянских *a, e > u, 'a*; изменение $k', g' > c, dz$ (в лтш.) и в *č, (d)ž* и *c, (d)z* (в слав.); *bj, pj > bl', pl'* (в обоих языках). Далее обсуждается проблема переходного между балтийскими и славянскими языка, сохраняющего балтийские черты (дифтонги), но в лексическом отношении сближающегося со славянскими: оз. *Dūlgas* — слав. **dъlgo-*, река *Kirsnā* — слав. **čъr(s)no-* «черный», оз. *Bilsas* — рус. *белесый*.

В. М. Иллич-Свитыч предложил новый подход к вопросу о существовании переходных диалектов [31, с. 436—437]. При понимании балто-славянского единства как континуума диалектов следы переходных говоров должны сохраняться в изолировавшихся под внешним воздействием языках. Исследователь находит по крайней мере одну такую область, которая соответствует переходным диалектам между славянскими и балтийскими языками, занятую предками современных южных славян и связанную рядом лексических изоглосс с балтийской: лит. *burna* и болг. *бърна*, лит. *džiauna* и болг. *жуна* «губа», болг. *лек, нито за лек* «ни сколько», рум. *o leaca* «немного» — лит. *atlaikas* «остаток»; ст.-сл. *азьно* — лит. *ožys, ožinis* «козел, козлий», болг. *юда* «дракон» — лит. *judėti* «двигаться». Эта плодотворная идея была поддержана О. Н. Трубачевым в докладе к V съезду славистов; перечень болгарско-балтийских изолекс дополнен: лит. *gruzdūs* «рыхлый, ломкий» — болг. *гръздав* «бугристый, шероховатый», лтш. *brauks* «деревянное приспособление для очистки льна» — болг. *брум* «железный гвоздь», лит. *dyrėti* «глядеть, подстергать» — болг. *дуря* «ищу», лит. *glèžti* «делаться мягким» — болг. *глéзя* «балу», лит. *stābaras* «сухой сук» — болг. *стббор* «решетка, забор»,

⁸ На V съезде вопросы хронологии снова обсуждались В. Георгиевым в связи с новыми предположениями о начале диалектного распада индоевропейского языка [43].

⁹ Выступая в прениях по докладу В. Георгиева, В. В. Мартынов предложил разграничивать древнее и новое в славяно-германских схождениях, что необходимо для лингвистического обоснования локализации прародины славян. Особую актуальность в связи с этим приобретают поиски славянских лексических проникновений; в общегерманский [31, с. 35—36]. Это выступление является как бы увертюрой к V (Софийскому) съезду славистов.

лит. *kāikas*, лтш. *kāikis* — болг. *кук*, *кукир*, *кукер* (мифологическая параллель) и др., и установлен ряд сербохорватско-балтийских изолектов с участием словенского элемента: с.-х. *кланац* 'ущелье', словен. *klanec* 'лощина, русло ручья и т. д.' — лит. *klānas*, лтш. *klans* 'лужа', с.-х. *брэдѡца* 'стремнина' — лит. *burzdūs*, 'подвижный', с.-х. *дѡмача* 'глубокая долина' — лтш. *duomis* 'пещера, пропасть', с.-х. *гладѡ* 'пастушеская хижина из дерева, крытая корой' — лтш. *gālds* 'доска, стол', с.-х. *kūk* 'горб' — лтш. *kūkis* 'горб', с.-х. *кукаль* 'плоскогорье' — лит. *kāukolė* 'череп' и др. [47, с. 189—193]. Установление переходных диалектов может помочь связать две кардинальные проблемы — проблему балто-славянского единства и проблему первоначального расселения отдельных славянских племен.

На основе общего лексемного фонда, насчитывающего 1600 слов, из которых 300 являются исключительно балто-славянскими, т. е. не встречаются в других индоевропейских языках, аргументирует теорию балто-славянского единства К.-О. Фальк [31, с. 433—434]. Среди них многие имеют большое палеогеографическое значение и позволяют в известном приближении восстановить балто-славянскую географическую среду, флору и фауну: *lipa* — *liepa*, *zobrъ* — *stumbras*, *sumbrs*, *turrъ* — *tauras*, *somъ* — *šamas*, *ogorъ* — *ungurys*, *jezero* — *ēžeras*, *ulъjъ* — *aviljys*, *pъrtъ* — *pirtis*. К этому же см. его доклад о славянском названии дуба, этимология которого (мотивационный признак — 'дуплистое дерево') строится преимущественно на генетически схожем балтийском материале [48].

Прогресс в исследовании проблемы древнейших отношений балтийских и славянских языков может быть связан лишь с методологически новым подходом к этому вопросу. На IV съезде такой подход был предложен В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым [49]. Понимая под древнейшим состоянием не традиционный праязык, а пространственно-временной континуум диалектов, авторы предлагают сопоставлять модели древнейшего состояния балтийского и славянского, исключая тем самым языковые явления, относящиеся к самостоятельной истории балтийских и славянских языков, но и не используя данных других индоевропейских языков, что позволяет отказаться от предвзятых мнений, идущих от традиционной индоевропеистики. Используя, таким образом, метод внутренней реконструкции систем вокализма и консонантизма, а затем наложив на их древнейшую восстановленную таким же образом акцентологическую систему, обладающую особой доказательной силой, авторы приходят к выводу, что восстановленные модели идентичны, но праславянская получилась в результате снятия многих новых пластов, а балтийская отражена в реальных говорах, часто в пределах одного языка. Из области морфологии рассматриваются история падежной системы, системы родов, формирование прилагательных. Особую проблему представляет восстановление глагольной системы. Указываются возможности совместимости отдельных частных моделей друг с другом (консонантизма и вокализма; обсуждаются трудности совмещения моделей имени и глагола) в связи с рассмотрением возможности комбинаций элементов этих частных моделей в тексте. Восстановленные методом внутренней реконструкции модели древнейших состояний балтийских и славянских языков оказываются полностью тождественными друг другу, но при этом существенно отличаются от индоевропейской, что позволяет выделить специфические балто-славянские инновации. Содержательная интерпретация отношения между абстрактными моделями сводится к тому, что славянскую модель следует считать результатом преобразования предшествующей ей во времени балтийской. Непосредственное сравнение балтийских фонологических и морфологических диалектных фактов приводит к тем же результатам, которые для праславянского достигаются лишь очень глубокой внутренней реконструкцией, и исходная точка развития балтийской системы оказывается более ранней, чем общеславянское состояние. Это подтверждается и закономерностью соотношения пространственных и временных фактов, по которой языки с наименьшей дробностью и наибольшей площадью распространения оказываются языками более позднего происхождения.

Большая перспективность такого подхода отмечалась уже участниками съезда, в частности Т. Лер-Сплавинским [31, с. 444—446], и быстро завоевала сторонников [50; 51], а для многих из них стала служить лингвистическим аргументом при решении проблемы прародины славян [52, с. 16; 53, с. 5]. Эта проблема, затрагивавшаяся уже на Московском съезде, стала предметом специальной дискуссии на V (Софийском) съезде в 1963 г.¹⁰ В настоящем обзоре она отражена лишь в той мере, в какой решение этого вопроса связывается с балто-славянской языковой проблематикой и хронологией.

Основным был здесь доклад В. В. Мартынова «Лингвистические методы обоснования гипотезы о висло-одрской прародине славян» [52], который следует за Т. Лер-Сплавинским [34; 54] в понимании судьбы северных индоевропейских племен, т. е. различие между балто-славянским и германским объясняет уральским субстратом для протобалтийского (балто-славянского) и венетским суперстратом для праславянского. В результате в конце II тыс. до н. э. в центральной части североиндоевропейского массива возникла лужицкая культура (носителей которой одни ученые считают славянами, другие полагают, что они лишь дали начало славянам в междуречье Вислы и Одера в результате смешения с местными племенами культуры шнуrowой керамики). Балтийский характер части висло-одерской гидронимии мог бы служить подтверждением гипотезы о возникновении праславянского языка в западной части протобалтийского языкового ареала в результате «венетской экспансии». В. В. Мартынов подтверждает гипотезу о локализации прародины славян в междуречье Вислы и Одера фактами лексических взаимных славяно-германских проникновений¹¹, возникших в результате территориальной смежности и пограничного двуязычия в середине I тыс. до н. э. Германизмами в славянском считаются *xodogъ*, др.-рус. *худогъ* 'знающий, опытный', *šelmъ* 'шлем', *xlěbъ* 'хлеб', *kusiti* 'пробовать', *kъnęd'zъ*, *lьstь*, *nuta* 'крупный рогатый скот', *tjudъjъ* 'чужой', *vedro* 'хорошая погода'; германский заимствовал из славянского: *baru* < *brъrъ*; *daila* < *dělъ*, *děliti*, *malta* < *molto*, *nešija* < *netijъ*, *sadula* < *sedъlo*, *sakan* < *sočiti*, *tila* < *tъlo*, *tūn* < *tyнъ*, *warga* < *vorgъ*¹².

Дискуссия о славянском этно- и лингвогенезе возобновилась на VIII съезде и велась, главным образом, в аспекте увязывания археологических и антропологических свидетельств о «венетском» присутствии, начиная с 1200 г. до н. э., на большей части современной Польши с лингвистическими данными о славяно-италийских языковых контактах того же времени (т. е. начального периода становления праславянского, еще отчетливо сохранявшего дочернюю связь с балтийским), независимо полученными Я. Сафаревичем и О. Н. Трубочевым в работах середины 60-х годов. Методика, предложенная В. В. Мартыновым в его докладе на VIII съезде [53] основывалась на том, что «если верно, что глоттогенез славян определялся италийской миграцией в западнобалтийский ареал, следо-

¹⁰ Софийский съезд утвердил созданную в 1962 г. Международным комитетом славистов Международную комиссию по изучению балто-славянских отношений в следующем составе: К. Корсака (председатель Комиссии), Я. Сафаревич (заместитель председателя), С. Б. Бернштейн, И. Дуриданов, В. Фалькенхан, К.-О. Фальк, В. Георгиев, В. Холтум, Ч. Кудзиновский, В. Кипарский, Б. А. Ларин, Хр. Станг, Р. Шмятлейн, В. Н. Топоров, П. Трост, А. Врачу.

¹¹ На основании этого же метода — наличие или отсутствие древнейших лексических проникновений из одного этнического объединения в другое — В. Кипарский определяет взаимное расположение балтов, славян, финнов и иранцев вокруг обширных Припятских болот [35, с. 170—171]. См. также его доклад на IV съезде [55] о хронологии славяно-финских лексических отношений, содержащий также балтийский материал (заимствования славянских лексем с носовым гласным). Из этих же принципов исходит М. Фасмер, определяя несколько балтийских заимствований в южнорусских диалектах, неизвестных западнобелорусским, и предполагая поэтому их голядский характер: *balānda* 'лебеда' (тамб.) < лит. *balānda*, *пеледа*, *пелёда* 'амбар' (калужск., моск.) < лит. *peludė*, *лавема* 'ведьма' < лит. *laumė* [31, с. 437—438].

¹² Выступавшие в дискуссии выражали сомнение в возможности идентификации языкового и археологического ареалов [56]. Ту же точку зрения выразил в своем докладе на V съезде П. Н. Третьяков [57], считая, что каждому этническому образованию «раннего железного века» соответствовала не одна, а несколько археологических культур.

вало бы ожидать появления в составе праславянской лексики балто-италийских синонимических пар». Докладчик находит более тридцати пар абсолютных синонимов (лишь в дальнейшем переживших семантическую перестройку: *bernъ* (ср. лит. *bėrnas* и под.) — *dětъ* (<лат. *fētus* 'дети, потомство, молодняк'), *bьrna* — *rydlo*, *čula* — *svinja*, *desnъ* — *pravъ*, *govędo* — *bykъ*, *gьnati* — *pasti*, *gьrdlica* — *golobbъ*, *gьrdlo* — *glьtъ*, *jara* — *lęto*, *jezero* — *loky*, *komonъ* — *kobyła*, *kьtъ* — *ogьlъ*, *krivъ* — *lęvъ*, *kyjъ* — *moltъ*, *luža* — *bolto*, *męšęcъ* — *luna*, *ovьnъ* — *baranъ*, *prstъ* — *palьcъ*, *starъ* — *matorъ*, *tesla* — *sekьra*, *zemja* — *tъlo* и некоторые др.), которые представляют балтийский и италийский ингредиенты в праславянском.

Некоторые ономастические и апеллятивные материалы, касающиеся имени венедов и некоторых других племенных имен, содержит доклад М. Рудницкого о прародине славян на VII Варшавском съезде [58]. С этой же тематикой связан доклад В. Маньчака [59]. Сравнивая тексты идентичного содержания (Готская библия, Мариинское евангелие и Литовская библия Хилинского), автор выписывает все готские слова, имеющие церковнославянские соответствия и не имеющие литовских, и наоборот. Готско-литовских пар оказалось 301, готско-старославянских — 749. На этом основании В. Маньчак строит утверждение о западной прародине славян, являясь адептом теории об отсутствии балто-славянского единства в какой бы то ни было форме. Возможное возражение о неправомерности сравнения столь разновременных памятников автор отводит, указывая на «bardzo wolne tempo rozwoju litewszczyzny».

Поиски новых теоретико-методологических подходов определяют современный этап в изучении славянского этногенеза. Проблеме метода целенаправленного исследования элементов материальной и духовной культуры посвящена сугубо теоретическая работа З. Соколевич «Теоретические основы этнографических исследований этногенеза славян» [60], содержащая предложения, аналогичные методу внутренней реконструкции в лингвистике.

После того, как стала очевидной несостоятельность аргумента о единой этнической принадлежности ареала однородной в археологическом отношении культуры, обладающими наибольшей доказательной силой следует считать языковые данные. Роли и диапазону языковых аргументов при исследовании этногенеза славян посвящена специальная статья [61], в которой выстраивается иерархия языковых явлений по степени важности для проблем этногенеза; наиболее информативными среди них признаются лексические — особенно диалектные — данные, их давнее географическое распределение (при этом рекомендуется с большой осторожностью пользоваться понятием периферийного архаизма), топонимика и племенные названия, требующие особенно тонкого анализа¹³. Реальным осуществлением начального этапа такого языкового подхода к проблеме этногенеза славян в статье признается подготовка «Праславянского словаря», обширные материалы которого, реконструированные на основе надежных балтийских и индоевропейских соответствий словообразовательного и семантического плана, делают его чрезвычайно важным источником для этногенетических заключений. См. также одну из теоретических публикаций В. Генселя по проблеме славянского этногенеза [63].

Изучение стратиграфии гидронимического и — шире — ономастического компонента предполагаемых балтийских территорий остается одной из актуальных задач балто-славистики [28, с. 214]. Доклад Н. В. Бирилло и А. Ванаса на VI съезде [64] явился существенным вкладом в исследование балтийского топонимического субстрата территории, лежащей за пределами современной балтийской. Авторы поставили перед собой задачу изучения характера литуанизмов в белорусской ономастике и их локализации в пределах Белоруссии. Соответственно этому хронологически границы их исследования совпадают со средними веками. Исследуются с указанием степени продуктивности словообразовательные модели ойконимов с суффиксом: *-iunki* (<*-iškē*, *-iškės*, *-iškis*), *-аны/-аны*

¹³ См. к этому также [62].

(<-*ėnai*, -*onyš*) и т. д. (всего 18 моделей), префиксальные дериваты и ойконимы *pluralia tantum*. Специально указываются гибридные образования от балтийского антропонима со славянским суффиксом (типа *Альгердава*, *Дойлідкі* и т. п.), локализующиеся в пределах белорусско-литовского пограничья.

Изучение языковых процессов в зоне стыка балтийского, славянского (а в ряде случаев и финского) миров неизменно находит отражение в проблематике съездов славистов. При этом анализируются как единичные проявления языкового взаимодействия, так и совокупности фактов, позволяющие говорить о возникающей здесь лингвистической ситуации как о языковом союзе.

Древнейшие балто-славянские языковые явления, обусловленные финно-угорским субстратом, систематизированы в исследовании [65]. Наряду с историческими, археологическими, некоторыми этнографическими данными, фактами ранних германских заимствований в прибалтийско-финских языках и гидронимии современных славянских территорий, здесь перечислены некоторые проявления финно-угорских субстратных воздействий в балто-славянских языках: начальное ударение в латышском и части литовских диалектов; тенденция к редукции категории среднего рода в балтийском и части белорусских диалектов; возникновение *genitivus possessivum* вместо притяжательного прилагательного в балтийском; предикативный творительный; совпадение 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., первоначально в связке, а затем и в полных значных балтийских глаголах, появление новых наклонений в балтийском (пермиссивное, дебитивное), конструкция *nom-inativus cum infinitivo* и т. д. Частично этих же явлений касался В. Фалькенхан в докладе на V съезде [66]. Специальное исследование Б. А. Ларина, подготовленное также к Софийскому съезду и вобравшее обширный материал из финского, эстонского, русского, латышского и литовского языков, посвящено конструкции из инфинитива с именительным падежом в качестве прямого дополнения (типа *надо печка топить*, лит. *reikia krosnis kurinti*, лтш. *jākurina krāsns*, финск. *pitää lämmitää uuni*) [67]. Древние связи языков этого региона в области синтаксиса рассматривает английский лингвист Дж. Пресс на примере абсолютных конструкций, особенно дательного самостоятельного [68]. В двух тематически близких работах рассматриваются процессы славизации литовской ономастики имен на территории Великого Княжества Литовского. Доклад К.-О. Фалька касается славизации антропонимов и производных от них топонимов [69], доклад Я. Отрембского построен на гидронимическом и топонимическом материале [70]. К.-О. Фальк намечает несколько регулярных словообразовательных и фонетических идентификаций при славизации литовских имен: лит. -*anis*, -*ėnis*, -*inis*, -*unis*, -*ōvis* > слав. -*an'ec*, -*en'ec*, -*in'ec*, -*ov'ec*, основанных на звуковом подобии. Динамика процесса отражена в непоследовательности передачи имен в одних и тех же документах XVI—XVII вв.: *Juchno Januszkonis* и *Juchna Januszkowicza*. Множественное число этих имен использовалось как название местности, села (топонимов на -*ana j*, -*an'ce* на территории Великого Княжества Литовского насчитывается более 700). После первой мировой войны происходит литуанизация таких названий: -*ance* > -*ančai*: *Andrukiančiai*, *Andrukiañcių km.*, ср. лит. фамилию *Andrukonis*. В статье Я. Отрембского систематизированы фонетические способы славизации (полонизации) литовских названий: передача *a* через *o* независимо от ударения: *Alavė*: *Otava*, *Sālos*: *Soly* (спорадически лит. *a* передается польским *a*: *Labanōras*: *Łabonary*, *Suwałkai*: *Suwałki*); передача *e*-краткого через *je*:- *Elnė*: *Jelna*, в отдельных случаях через *o*: *Eržvėtas*: *Orzwieta*; передача *e*-открытого через -*'a*: *Akmenà*: *Okmiana*, *Pėlesa*: *Pielasa*, *Dūsetos*: *Dusiaty*; передача краткого *i* перед *j*, *l*, *r*, *m*, *n* через *e*: *Drūskinikai*: *Druskieniki*; субституция согласных *ž*, *č*, *dž* в *z'*, *c'*, *dž* (*Švenčionys*: *Święciany*); появление протетического *h* (*Ančia*: *Hańcza*); утрата начального *v* (*Varėna*: *Orany*; здесь же этимология *Ukmergė* < *Vilk-mergė*) и др. Близок к данному кругу проблем доклад, представленный V съезду славистов, о

литовских и русских словарных заимствований в белостокских говорах [71]. На 12 картах представлено распространение заимствованных и исконных лексем, относящихся к различным семантическим полям. Ареал поздних заимствований (*dersa, girsa* 'бот. костер', *kulša, šwireń* совпадает с границей Польши и Великого Княжества Литовского после 1569 г.), более ранние заимствования (*klunia, krejga* 'ребро соломенной крыши', *žtukta* 'бочка для стирки белья', *ganta* 'сеть' и др.) относятся к тому времени, когда Подлясье входило в состав Литовского княжества. Проблема интердиалекта в Великом Княжестве Литовском рассмотрена в докладе В. Л. Веренича к VIII съезду славистов [72].

В аспекте балтийского субстрата в славянском анализируется Э. Смукловой [73] белорусская лексема *g'éga* 'кремень' (ср. лит. *dēgti* 'жечь'), распространенная преимущественно в юго-западных (гродненских) белорусских говорах¹⁴. Исторические свидетельства присутствия западнобалтийского этнического элемента в зоне современного балто-славянского пограничья приведены в докладе Е. Охманьского на Варшавском съезде славистов [76]. Здесь речь идет о прусских поселениях в районе Радуни, возникновение которых связано с походом Кейстута и Ольгерда на Скаловию в 1365 г. и которые до конца XVIII в. составляли самостоятельную административную единицу — Бортиянское староство (название указывает на связь с прусской территорией Бартой), прусское население которого, находясь на литовской службе, занималось строительством и ремонтом мостов, за что получало особые привилегии¹⁵.

Доклад В. Фалькенхана на V съезде [78] был посвящен отношениям между языками восточной Прибалтики (польский, белорусский, русский, литовский, латышский, эстонский, финский) и месте немецкого языка среди них. Причем на основании нескольких фактов (утвердительная частица *ja, tak, taip* и т. д., надежное согласование глагола с существительным) делается вывод об особенно тесной связи польского и литовского языков в этом регионе, и отношения между ними рассматриваются как языковой союз¹⁶. Подход к проблеме языкового контакта как к лингвистической ситуации, способствующей типологическому сближению на всех уровнях, предложен Т. М. Судник и Л. Г. Невской в докладе VIII съезду славистов [80], где рассмотрен языковой статус реликтовых литовских островов в белорусском окружении, который предлагается рассматривать как близкий к языковому союзу.

Далее следует указать несколько докладов из области ф о н о л о г и и. Г. Шевелев [81] обращается к истории протетических согласных в общеславянском (при этом балтийские/герм. литовские факты приводятся как хронологически ближайšie, не развившие протезы): к I периоду (I—V вв. н. э.) относится появление *v* перед *i* и *j* перед *i*; при этом происходит перестройка вокализма ($e > e_a$, *o* и *a* сливаются в o_a) и на II этапе (VI в.) появляется фонетический *j* перед o_a (рус. *ѣж* при лит. *ežys*) и, гипотетически, *v* перед o_a (реликтовое отражение: *vonja* при (*blago*) *oxanie*). Доклад В. Н. Чекмана VIII съезду славистов [82] содержит типологическое обоснование тенденции к образованию открытых слогов, наиболее общей закономерности фонетического развития праславянского, резко отличающей его от балтийского (в котором упрощаются только геминаты: $ss > s$ и, более того, действует противоположная тенденция к наращиванию консонантного инлаута: лит. *lazdà* — лтш. *lagzda*). Палатализация как одно из явлений, сопутствующих тенденции к открытому слогу, с одной стороны, а также как независимое от него фонетическое явление, с другой (как в лит. $tj > č'$, а также в германских, скандинавских и некоторых

¹⁴ Отмечая содержательность доклада Э. Смукловой, акад. К. Корсакас предостерегает от обобщений широкого характера, касающихся ятвяжского субстрата в белорусском и литовском языках, строящихся на изучении одного частного факта [74]. Предполагается также возможность объяснить $d' > g'$ в самом литовском языке [75].

¹⁵ О других западнобалтийских поселениях в Литве см. в другой работе того же автора [77].

¹⁶ В. Георгиев, Г. Бирibaум и К. П. Корсакас отрицательно оценили это заключение, так как языковой союз предполагает взаимное, а не одностороннее, как в данном случае (польский → литовский), влияние [79, с. 322—324].

других) — тема доклада В. Н. Чекмана на предшествующем съезде [83]. Монофтонгизации дифтонгов как одному из факторов, также сопутствующих тенденции к открытому слогу и процессам лабиовеляризации согласных перед гласными заднего ряда и палатализации перед гласными переднего ряда, толкуемым как проявление общей тенденции к групповому сингармонизму, посвящен доклад В. К. Журавлева на V съезде славистов [84]. В специальной работе [85] пересматривается традиционная точка зрения, высказанная Я. Отрембским [6] и А. Салисом, на возникновение носовых гласных в литовском под влиянием восточнославянских процессов (в славянском образовании носовых гласных — одно из проявлений закона открытого слога, чуждого литовскому языку). На отсутствие такой связи указывает также развитие балтийских сочетаний с тауто-силлабическим носовым в жемайтских диалектах, в значительной степени независимое и отличное от аукштайтского.

А к ц е н т о л о г и ч е с к а я проблематика на съездах славистов представлена докладами В. А. Дыбо и В. М. Иллич-Свитыча [86, 87], П. Гарда [88] и Ю. Принца [89].

Две работы из области м о р ф о л о г и и посвящены глаголу. В. В. Иванов, основываясь на реконструкции двух серий окончаний глагола в древних индоевропейских языках (главным образом, анатологийских): «первичные» окончания настоящего времени с приметой *-i* и «вторичные» окончания прошедшего времени без приметы *-i* — экстраполирует эту систему на балто-славянский и устанавливает в нем конкретные словоформы, отражающие это распределение по двум сериям [90]. Темой доклада Ю. С. Степанова VIII съезду славистов являются некоторые постоянные корреляции между видом глагола и диатезой в балто-славянских языках, указывающие на общность этих категорий [91]. В докладе В. К. Журавлева и В. П. Мажюлиса VIII съезду славистов [92] рассматривается общий для славянского и балтийского процесс последовательной утраты категории двойственного числа как следствия комбинации различных конвергентных и дивергентных явлений на парадигматическом и синтагматическом уровнях. Работы Р. Эккерта из области морфологии связаны с основообразованием балто-славянского имени: поисками следов гетероклитических основ (*r/-n-*), в балто-славянском в результате переразложения основ, относящихся уже к сфере словообразования (*vėdro, bedro, orybь, sьlnьce, vesna/лит. vasara, sьnь, šьršen-, luna, vumę/лит. ūdroti, kamy, pėsнь, basнь, rydlo* и др.; балт. *šakañis/šaknis, ėdrūs/ėduonīs, saulė, лит. qžuolas/прус. ansonis, лтш. asins* и др.). Указываются случаи расхождения между славянским и балтийским [93] и *i*-основ, особенно исключительно балто-славянских цельнолексемных совпадений (*ašis — *ošь, ausis — *uši, dešimtis — desęть, naktis — *noktis, novis — *navь* и др.). Некоторые случаи расхождения между восточнобалтийскими и древнерусским языками толкуются в соответствии с гипотезой о праславянском продолжении одного из западнобалтийских диалектов [94].

Из области с и н т а к с и с а можно указать лишь единственный доклад [95], касающийся сохранения в балто-славянском немногочисленных индоевропейских союзов, с одной стороны, и балто-славянских инноваций, проявляющихся в специализации функций унаследованных из индоевропейской эпохи союзов **ōd, *nei, *kaj* (прус. *nikai, лит. ne(gi), nei(gi), nekaip, лтш. ne(kā), праслав. ni, neželi, лит. joks, праслав. kakъ(ь)*), а также в общей балто-славянской тенденции превращения в союз формы действительного причастия настоящего времени: лтш. *nors, norint* параллельно рус. *хотя*.

Наиболее перспективным путем исследования балто-славянской проблематики в аспекте л е к с и к и следует признать путь установления балто-славянских изолекс; наиболее информативными в связи с историей балтийского и славянского этноса при этом оказываются изоглоссы, объединяющие отдельные диалекты балтийского с отдельными славянскими диалектами. В связи с проблемой состава праславянского словаря об этом говорил О. Н. Трубачев (см. упоминавшийся выше доклад V съезду славистов [47], указывающий среди прочих, балто-южнославян-

ские изоглоссы, и [96]). Балтийско-южнославянские лексические связи конкретизированы и в докладе Р. Эккерта VIII съезду славистов [97], содержащему ряд словенско-литовских изолекс (лит. *kriaunìs* — слов. *křn*, лит. *grindìs* — слов. *gręd*) или таких балто-славянских соответствий, в которых словенские языковые факты играют большую роль (лит: *priklę-tis*, лтш. *pięklets* — рус. *приклесть*, слов. *priklet* и др.). См. также специальный доклад о языковых связях балто-славянского с индоевропейскими языками Балкан [98]. О связи чешской диалектной лексики с литовской см. в докладе В. Махека V съезду славистов [99].

В области с л о в о о б р а з о в а н и я тематически связаны представленный V съезду доклад о болгарском словообразовании на праславянском фоне [100], учитывающий при образовании болгарских *nomina agentis* 5 балто-славянских моделей (-*jo*: лит. *gaidys* 'петух' < 'певец', польск. *stróż*; -*ęjo*: лит. *siuvęjas*, рус. *швея*; -*tąjo*: лит. *artųjas* : рус. *патай*; -*iko*-, -*ikjo*: лит. *siuvikas*, рус. *швец*; -*ljo* -: лит. *piršlys*, польск. *kowal*), и доклад И. Дуриданова о развитии суффиксальной системы имени от балто-славянского к праславянскому [101]. Рассматриваются случаи, относящиеся к хронологически различным состояниям: сохранение в обеих группах индоевропейских суффиксов (лит., лтш. -*ata*/слав. -*ota*, лит. -*okas*, лтш. -*aks*/слав. -*akъ*); общие, но не исключительно балто-славянские (лит. -*tųjis*, др.-пр. -*toys*, лтш. -*tąjs*/слав. -*tajъ*; лит. -*ęjas*, -*ęja*, лтш. -*ęjs*/слав. -*ęjъ*(*ajъ*), -*ęja*; лит. -*ovas*, -*ovę*, лтш. -*avs*, -*ava*/слав. -*avъ*, -*ava*); различные для славянского и балтийского суффиксы, имеющие внешние индоевропейские параллели (лит. -*estis*/арм. -*est*; слав. -*ostъ*/хетт. -*asti*; слав. -(*ъ*)-*stvo*-, -*tva*/гот. -*stw*-, -*þwo*). Рассматриваются также случаи позднейшего влияния славянских словообразовательных моделей на балтийские. Автор приходит к выводу об отсутствии единого фонда именных суффиксов балто-славянского периода. Методологически иной подход, не сводящийся к перечислению близких в формальном отношении деривативных элементов, приведший к иным выводам, предложен В. В. Мартыновым в докладе VII съезду славистов. Ставя целью выяснить, существовала ли балто-славянская суффиксальная система как промежуточная между индоевропейской и праславянской, автор определяет по возможности полный список именных словообразовательных формантов, обладающих формально-функциональным тождеством в балтийском и славянском и, распределяя затем формантные типы в соответствии с относительной хронологией их образования, выделяет три слоя: праславянские инновации, балто-славянские инновации и индоевропейские архаизмы [102, с. 52], при этом число балто-славянских инноваций превосходит число индоевропейских архаизмов и праславянских инноваций вместе взятых. Далее рассматриваются некоторые случаи закономерной семантической перестройки балто-славянской словообразовательной системы, что согласуется с концепцией балто-славянского праязыка.

Разумеется, балто-славянский и отдельно балтийский и славянский материал используется в докладах по этимологии¹⁷: О. Н. Трубачевым [103, особенно с. 302, 310—312], А. С. Мельничуком [104]. Особую роль в этимологических исследованиях имеют собранные В. Кипарским [105] лексические материалы, содержащие чередующийся по признаку глухости—звонкости начальный элемент: 125 латышских пар на чередование *p/b* (типа *baugurs* 'пригорок' — *paugurs* 'пригорок, конек крыши' и т. д.), *dz/c*, *č* (14 пар), *d/t* (33 пары), *g/k* (50 пар), *z/s* (57 пар), *ž/š* (около 10), в общей сложности около 50 пар из литовского языка и приведено около 300 типологически параллельных фактов из ливского и эстонского языков, немаловажных и в плане исследования финно-угорского субстрата в балто-славянском.

Этимологическое исследование мифологической лексики сопряжено с целым рядом трудностей, выход из которых следует искать на путях

¹⁷ Многочисленные славистические работы, касающиеся самостоятельного развития славянских языков и в той или иной степени использующие балтийские материалы, которые часто можно повернуть в сторону балто-славянской проблематики, здесь не указываются.

реконструкции текста или установления внутритекстовых связей. К славянскому *Velcs*, имеющему точное балтийское соответствие (*Wels, Vielo-na* — божество царства мертвых), в ряду других персонажей и атрибутов, связанных с мифом о поединке с ним бога грозы Перуна (лит. *Perkūnas*) вновь обращаются В. В. Иванов и В. Н. Топоров [106], ссылаясь, в частности, на работу Р. О. Якобсона, прочитанную в качестве доклада на Пражском съезде славистов [107].

В заключение будут указаны некоторые доклады по проблемам балто-славянской фольклористики, представленные съездам славистов. Л. М. Соловей исследовала сюжетные и стиливые принципы белорусской баллады в сравнении с литовской и украинской и пришла к выводу о едином в отношении этого жанра ареале, формирование которого завершилось в период Великого Княжества Литовского [108]. К. Григас в сопоставительном плане занимался балтийскими и славянскими пословицами [109], В. Руке-Дравиня — особенностями языка балтийской и славянской народной лирической песни, особенно такими тропами, как параллелизм, сравнение, противопоставление и метафора [110]. Т. С. Макашина исследует бытование свадебного обряда и колядования в сложной этнической, языковой и конфессиональной обстановке Латгалии [111].

Балто-славянские языковые отношения стали одной из центральных лингвистических проблем в программах послевоенных Международных съездов славистов, начиная с IV Московского съезда, на котором выяснились основные точки зрения на самую проблему и были высказаны принципиальные идеи, касающиеся методологических аспектов ее дальнейшей разработки. Балто-славянское языкознание поставляет сейчас едва ли не решающие факты при обсуждении проблемы славянского лингво- и этногенеза, внесенной в качестве специального пункта в программу V Софийского съезда. Но при этом современные исследования, касающиеся балто-славянских лингвистических явлений разных уровней, позволяют уяснить лишь все углубляющуюся сложность самой проблемы и вряд ли способствуют возникновению оптимистической точки зрения на возможность появления определенных заключений по балто-славистике в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Топоров В. Н. Очерк истории изучения древнейших балто-славянских языковых отношений. — УЗИС, т. 17, 1958.
2. Топоров В. Н. Из истории изучения древнейших балто-славянских языковых отношений. — УЗИС, т. 23, 1962.
3. Топоров В. Н. Новейшие работы в области изучения балто-славянских языковых отношений (библиографический обзор) — ВСЯ, М., 1958, вып. 3.
4. Горинц Б. В. Из истории изучения балтийско-славянских языковых отношений. — In: *Rakstu krājums veltījums akad. J. Endzelīnam. Rīga, 1959, l. 109—132.*
5. Воголюбова Н. Д., Якубайтис Т. А. История разработки вопроса о балто-славянских языковых отношениях. — In: *Rakstu krājums-veltījums akad. J. Endzelīnam. Rīga, 1959, l. 331—376.*
6. Отрембский Я. Славяно-балтийское языковое единство. — Вопросы языкознания, 1954, № 5, с. 27—42; № 6, с. 28—48.
7. Karaliūnas S. Kai kurie baltų ir slavų kalbų seniausiųjų santykių klausimai. — In: *Lietuvių kalbos klausimai. X. Vilnius, 1968.*
8. Sborník prací I Sjezdu slovanských filologů v Praze 1929. Svazek II. Přednášky. Praha, 1932.
9. II Międzynarodowy Zjazd Sławistów (Filologów, Słowiańskich). Księga referatów. Sekcja I — Językoznawstwo. Warszawa, 1934.
10. III Međunarodni kongres slavista. 18—25 IX 1939. N 1—5. Beograd, 1939.
11. III Mezinárodní sjezd slavistů (slovanských filologů)... Bibliografie. Sestavila E. Velinská. Praha, 1978.
12. Karaś M. Zagadnienia onomastyczne na kongresach sławistycznych (I 1929 — VI 1968) — MKS VII. Tematyka językoznawcza w programach Międzynarodowych Zjazdów. Sławistów. 1929—1969. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1973, s. 117—129.
13. Milewski T. Stan obecny i najbliższe cele badań nad językiem wymarłych Słowian między Odrą a Łabą. — SPSSF, s. 599—609.
14. Vasmer M. Alte geographische Namen zwischen Elbe und Weichsel. — SPSSF, s. 775—776.
15. Czekanowski J. Różnicowanie się dialektów prasłowiańskich. — SPSSF, s. 485—504.
16. Rudnicki M. L'habitat primordial des slaves après l'époque i.-e. — MKC, № 2, c. 60—61.

17. МРС, № 1, с. 11 и след.
18. *Pozos В.* Еще о формулах *tort, toll, tert, telt*.— SPSSF, s. 668—695.
19. *Otrębski J.* Czasowniki typu *st.-słow. naricati*.— SPSSF, s. 627—639.
20. *Vaillant A.* Le type verbal *lěje — lĭjati*.— МРС, № 2, с. 76—77.
21. *Kuryłowicz J.* Pochodzenie słowiańskich aspektów czasownikowych. SPSSF, s. 572—576.
22. *Fraenkel E.* Wortschatz des Litauischen des Wilnagebiets unter besonderer Berücksichtigung der Nachbildung slavischer Redewendungen mit einheimischen Mitteln.— MZSW, s. 20—24.
23. *Fraenkel E.* Etymologisches und Syntaktisches auf dem Gebiete der baltischen und slavischen Sprachen.— МРС, № 2, с. 18—20.
24. *Bartoli M.* Le innovazioni preetniche nello slavo.— МРС, № 2, с. 7—8.
25. *Pisani V.* La desinenza del genitivo plurale, e gli esiti di *-ō* nello lingue slave.— МРС, № 2, с. 48.
26. *Szemerényi O.* The problem of Balto-Slav. unity. A critical survey.— *Kratylos*, 1957, Jg. II, H. 2.
27. Вопросы к участникам IV Международного съезда славистов. М., 1956, № 20, с. 8.
28. *Топоров В. Н.* К проблеме балто-славянских языковых отношений.— КСИС, 33—34. Актуальные проблемы славяноведения. М., 1961.
29. *Иллч-Смитыч В. М.* Балто-славянская проблематика на IV Международном съезде славистов.— Вопросы языковедения, 1959, № 1, с. 139—141.
30. *Мажюлис В.* Заметки к вопросу о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. Вильнюс, 1958.
31. МСС IV. Материалы дискуссии. II. М., 1962.
32. *Бернштейн С. Б.* Балто-славянская языковая общность.— МСС IV. Славянская филология. I. М., 1958.
33. *Мэтьюс В. К.* О взаимоотношении славянских и балтийских языков.— МСС IV. Славянская филология. I. М., 1958, с. 27—44.
34. *Lehr-Splawiński T.* Podstawy indoeuropejskiej wspólnoty językowej balto-słowiańskiej.— PSS, t. 1, Warszawa, 1968, s. 125—136; *Czekanowski J.* Zagadnienie praojczyzny Słowian i ich różnicowania się.— Ibid, s. 137—145; *Hensel W.* O tzw. balto-słowiańskiej archeologicznej wspólnocie kulturowej.— Ibid., s. 149—158.
35. МСС IV. Ответы на вопросы по языковедению. М., 1958.
36. *Kostrzewsky J.* Bałtosłowianie i początki Słowian.— *Przegląd Zachodni*, 1946, t. II, N 2, s. 168—173.
37. *Третьяков П. Н.* Итоги археологического изучения восточно-славянских племен.— ИСЯ, с. 306—334.
38. *Trost P.* K otázce baltoslovanských jazykových vztahů.— (P IV, 1958, с. 221—227.
39. МСС IV. Одгвори југословенских слависта на питања националног славистичког комитета у Москви. Београд, 1958.
40. *Кузнецов П. С.* Развитие индоевропейского склонения в общеславянском языке.— ИСЯ, с. 114—164.
41. *Лекос И.* Характер на дискусионите въпроси в сравнителната граматика на славянските езици.— СФ, III, София, 1963, с. 35—50.
42. *Георгиев В.* Балто-славянский, германский и индо-иранский.— МСС IV, Славянская филология. I. М., 1958.
43. *Георгиев В.* Праславянский и индоевропейский языки.— СФ, III, София, 1963, с. 5—34.
44. *Pisani V.* Baltico, slavo, iranico.— *Questioni slavistiche*, 15, 1967, p. 1—22.
45. VI. Mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968. Akta sjezdu. 1. Praha, 1970.
46. *Otrębski J.* Rozwój wzajemnych stosunków między grupą językową bałtycką a słowiańską.— PSS, t. 1. Warszawa, 1958.
47. *Трубачев О. Н.* О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи).— СЯ V. М., 1963.
48. *Фальк К.-О.* Славянское название дуба.— *Scando-Slavica*, t. 4, 1958, p. 265—285.
49. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958.
50. *Virbaum H.* O možnosti odтворzenia pierwotnego stanu języka prasłowiańskiego za pomocą rekonstrukcji wewnętrznej i metody porównawczej.— AC VII, 1973, p. 33—58.
51. *Lamprecht A.* Praslovanština a její chronologické členění.— CP VIII. Praha, 1978, s. 141—150.
52. *Мартьянов В. В.* Лингвистические методы обоснования гипотезы о висло-одрской прародине славян. Минск, 1963.
53. *Мартьянов В. В.* Балто-славяно-италийские изоглоссы. Минск, 1978.
54. *Lehr-Splawiński T.* Koncept zagysu etnogenezy Słowian.— PSS. Seria 2. Językoznaństwo. Warszawa, 1963, s. 5—11.
55. *Кипарский В.* О хронологии славяно-финских лексических отношений.— *Scando-Slavica*, t. 4, 1958, p. 127—136.
56. СФ. Материалы от V Международен конгрес на славистите. IX. София, 1968.
57. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Двспра и Волги. МСС V. История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 3—33.
58. *Rudnicki M.* O prakolebce Słowian.— PSS. Seria 4. Językoznaństwo. Warszawa, 1974.
59. *Mańczak W.* Gocki, litewski i staro-cerkiewno-słowiański a praojczyzna Słowian.— PSS. Seria 5. Problematyka historyczna. Warszawa, 1978, s. 385—390.

60. *Sokolewicz Z.* Teoretyczne podstawy etnograficznych badań nad etnogenezą Słowian. Tradycje i propozycje.— PSS. Seria 5. Językoznawstwo, t. 2. Warszawa, 1978, s. 367—374.
61. PSS. Seria 5. Językoznawstwo, t. 2. Warszawa, 1978, s. 375—383.
62. PSS. Seria 5. Językoznawstwo, t. 1. Warszawa, 1978, s. 499—507.
63. *Hensel W.* Etnogeneza Słowian — niektóre problemy.— *Slavia Antiqua*, XX, 1973, s. 1—14.
64. *Бірыла М. В., Ванас А. П.* Літоўскія элементы ў беларускай анамастыцы. Мінск, 1968.
65. MKS VII, s. 13—14.
66. *Falkenhahn V.* Die sprachgeographische Lage der balto-slawischen Sprachen als Ursache für ihre Besonderheiten.— *ZfSl*, Bd. XIII, H. 2, 1972, S. 226—235.
67. *Ларин Б. А.* Об одной славяно-балто-финской изоглоссе. Л., 1963.
68. *Press J. I.* The Syntax of Absolute Constructions in Slavonic and Baltic, with Reference to Finno-Ugrien.— MKS VII, p. 62—73.
69. *Falk K.-O.* Ze studiów nad sławizacją litewskich nazw miejscowych i osobowych.— *Scando-Slavica*, t. IX, 1963, s. 87—103.
70. *Otrębski J.* Sławizacja litewskich nazw wodnych i miejscowych.— PSS. Seria 5. Językoznawstwo. Warszawa, 1978, s. 267—236.
71. PSS. Seria 2. Językoznawstwo. Warszawa, 1963, s. 287—310.
72. *Веренич Р. Л.* Полско-исто-нословенски и полско-балтички jezični kontakti.— MSK VII, s. 928.
73. *Smulikowa E.* O białoruskim *g'éga* 'krzemien' (przyczynek do zagadnienia substratu bałtyckiego w historii języków słowiańskich).— PSS. Seria 2. Językoznawstwo. Warszawa, 1963, s. 215—221.
74. СФ VII. Езикознание. София, 1935, с. 324.
75. *Marvan J.* Vzájemné vlivy mezi slovanskými a baltskými jazyky.— *Slavia*, 1964, r. 33, N 2.
76. *Ochmański J.* Skolwa i Borce. Zachodniobałtyjskie osadnictwo na Litwie średniowiecznej.— PSS. Seria 4. Historia. Warszawa, 1972, s. 83—89.
77. *Олманьский Е.* Иноземные поселения в Литве XII—XIV в. в. в свете этнонимических местных названий.— Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981, с. 112—131.
78. *Falkenhahn V.* Die Bedeutung der Verbalrektion für das Problem eines litauisch-polnischen Sprachbundes.— *ZfSl*, 1963, Bd. VIII, H. 6, S. 893—907.
79. СФ VII. Езикознание. София, 1965.
80. *Неская Л. Г., Судник Т. М.* Диалектные контакты в зоне современного балтийско-славянского пограничья.— СЯ VIII, М., 1978, с. 285—308.
81. *Shevelev G.* Prothetic consonants in Common Slavic.— AC V. 1963, p. 243—262.
82. *Чекман В. Н.* Типологические аспекты фонетических изменений в праславянском. Минск, 1978.
83. *Чекман В. Н.* Генезис и эволюция палатального ряда в праславянском языке. Минск, 1973.
84. *Журавлев В. К.* Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. Минск, 1963.
85. PSS. Seria 2. Językoznawstwo. Warszawa, 1963, s. 39—50.
86. *Дыбо В. А., Иллич-Свитыч В. М.* К истории славянской системы акцентуационных парадигм.— СЯ V, М., 1963, с. 70—87.
87. *Дыбо В. А.* Акцентология и словообразование в славянском.— СЯ VI. 1968, с. 148—223.
88. *Garde P.* Le paradigme accentuel oxyton est-il slave commun? — In: VII Congrès International des Slavistes. Communications de la délégation française. Paris, 1973.
89. *Prinz J.* Der Reflex der vier baltischen Intonationstypen der litauischen Nominalflexion in den ältesten erschließbaren slavischen Intonationsverhältnissen.— *Slavistische Studien zum VIII. Internationalen Slavistenkongress in Zagreb 1978.* Köln-Wien, 1978, S. 403—415.
90. *Иванов В. В.* Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском.— СЯ VI, М., 1963, с. 225—276.
91. *Степанов Ю. С.* Славянский глагольный вид и балтийская диатеза.— СЯ VIII, М., 1978, с. 335—363.
92. *Журавлев В. К., Мажюлис В. П.* Из диахронической морфологии славянских и балтийских языков. Вильнюс, 1978.
93. *Eckert R.* Reste indoeuropäischer heteroklitischer Nominalstämme im Slawischen und Baltischen.— *ZfSl*, Bd. VIII, H. 6, 1963.
94. *Eckert R.* Zum Problem der baltisch-slawischen Sprachbeziehungen (am Material der Nominalstämme auf -i).— *ZfSl*, Bd. XVII, H. 5, 1972.
95. PSS. Seria 2. Językoznawstwo, t. 1. Warszawa. 1963, s. 161—173.
96. *Трубачев О. Н.* О составе праславянского словаря (Проблемы и результаты).— СЯ VI, М., 1968.
97. *Eckert R.* Die balto-slawischen Wortentsprechungen.— *ZfSl*, Bd. XXII, H. 5, 1977, S. 579—590.
98. MSK VIII, s. 20.
99. *Machek V.* Vývoj praslovanské slovní zásoby.— CP V, Praha, 1963, s. 99—104.
100. PSS. Seria 2. Językoznawstwo, t. 1. Warszawa, 1963, s. 79—90.
101. *Дуриданов И.* Към стратиграфията на кменните типове в славянските и балтийските езици.— СФ VII, т. XII. Езикознание. София, 1973.

102. *Мартынов В. В.* Праславянская и балто-славянская суффиксальная деривация имен. Минск, 1973.
103. *Трубачев О. Н.* Лексикология и этимология. СЯ VII, М., 1973.
104. *Мельничук А. С.* Этимологическое гнездо с корнем *vei-* 'вить' в славянских и других индоевропейских языках. Киев, 1973.
105. *Kiparski V.* Slavische und baltische p/b-Fälle.— Scando-Slavica, XIV, 1968, p. 73—97.
106. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Этимологические исследования семантически ограниченных групп лексики в связи с проблемой реконструкции праславянских текстов.— СЯ VII, М., 1973, с. 153—169.
107. *Jakobson R.* The Slavic god Veles and his Indo-European cognates.— Studi linguistici in onore di Vittore Pisani, 1969, p. 579—600.
108. *Соловей Л. М.* Белорусская народная баллада в межславянских связях.— MSK VIII, s. 819.
109. *Григас К.* Методологические вопросы сравнительного изучения балтийских и славянских пословиц. Вильнюс, 1978.
110. *Rūke—Draviča V.* Некоторые особенности поэтического языка славянских и балтских народных песен.— MSK VIII, s. 958—959.
111. *Макашина Т. С.* Особенности фольклорного процесса в полосе этнической границы (на материале русского фольклора XX в. Латгалии).— МСС VIII. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978, с. 451—464.

СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

- ВЯ — Вопросы языкознания. М.
 ВСЯ — Вопросы славянского языкознания. М.
 ИСЯ — Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961.
 КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М.
 МКС — III Международный конгресс слависта. № 1. Сборка ответов на pytania. № 2. Саопштења и реферати. Београд, 1939.
 МСС — Международные съезды славистов. Доклады советских делегаций.
 СФ — Славянска филологија. София.
 СЯ — Славянское языкознание. Доклады советских делегаций на Международных съездах славистов.
 УЗИС — Ученые записки Института славяноведения. М.
 АС — American Contributions to the... International Congress of Slavists. The Hague.
 СР — Československé přednášky... Praha.
 МКС VII — VII Międzynarodowy Kongres Słowistów. Warszawa. 24—27.VIII. 1973. Streszczenia referatów i komunikatów. Warszawa, 1973.
 MSK VIII — VIII Međunarodni Slavistički kongres. Zagreb — Ljubljana. 3—9 IX. 1978. Knjiga referata. I — II. Zagreb, 1978.
 MZSW — II Międzynarodowy Zjazd Słowistów (Filologów Słowiańskich). Księga referatów. Sekcja I — Językoznawstwo. Warszawa, 1934.
 PSS — Z polskich studiów sławistycznych. Warszawa.
 SPSSF — Sborník prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze 1929, sv. II. Přednášky. Praha, 1932.
 ZfSl — Zeitschrift für Slawistik. Berlin.

К ВОПРОСУ О КОРРЕЛЯЦИИ СЛАВЯНСКИХ СУФФИКСОВ

Славянская словообразовательная система сложилась, как известно, еще в праславянский период. В формировании основного фонда ее словообразовательных аффиксов и выражаемых ими значений важную роль сыграли коррелятивные связи праславянских суффиксов. Возникнув первоначально на фонетическом уровне (ср. $-ък(a) \sim -ьс(a)$, $-ъкъ \sim -ьсь$, $-ікъ \sim -ьсь$, $-ік(a) \sim -іс(a)$, $-акъ \sim -аць$ и т. д.), они получили в дальнейшем развитие на словообразовательном, охватив не только суффиксы, связанные процессами палатализации или йотации, но и их производные (ср. $-ік \sim -нік$, $-іс(a) \sim -піс(a)$, $-ак \sim -п'ак$), что нашло свое выражение в функционально-семантической соотнесенности коррелирующих суффиксов.

В настоящей статье предпринята попытка взглянуть на этот вопрос с точки зрения функционально-семантической соотнесенности таких суффиксов как $-ік(a)$, $-іс(a)$, $-ак$, $-аць$, $-іско$, $-іще$. Хотя проследить функционально-семантическую соотнесенность суффиксов $-ік(a)$, $-іс(a)$ на современном этапе развития славянских языков достаточно сложно (и прежде всего потому, что для западнославянских языков, украинского и белорусского эта коррелятивная связь является в известном смысле «мертвой», так как $-ік(a)$ лишь реликт в их словообразовательных системах), анализ материала свидетельствует о сохраняющейся соотнесенности обоих суффиксов. Она проявляется как в общности их словообразовательных связей и значений, так и в общности семантических полей образуемых ими имен.

Возникнув на базе суффикса $-ік(a)$, суффикс $-іс(a)$ унаследовал от него и всю систему его значений. И хотя в каждом славянском языке в отдельности он адаптировал ее по-разному, развил те или иные новые значения, эта базисная общность сохраняется до сих пор.

I. Предметные значения. О функционально-семантической соотнесенности свидетельствует прежде всего способность обоих суффиксов к образованию ботанических названий (причем нередко от одной и той же основы). На славянском языковом континууме отчетливо выражены ареалы каждого из суффиксов. В южнославянских языках наблюдается преимущественное использование $-ік(a)$ (хотя названия с $-іс(a)$ представлены также широко), ср.: болг. *борика* 'сосна', гърмика 'дуб', *желтика* 'зверобой', *смърдика* 'бирючина' \sim *ветрбица* 'садовый бальзамин', *класатица* диал. 'осока' (ср. *класат* 'колосистый'), *синица* диал. 'слива'; сх. *веселика* 'голубика', *млечика* 'молочай', *пребелика* 'ландыш', *црника* 'дуб' \sim гологлавица 'одуванчик', *искрица* 'дикая астра', *ягодица* 'земляника'; мак. *вратика* 'поповник', *трстника* 'тростник', *перуника* 'ирис' \sim *брзица* 'кукуруза скороспелка', *киселица* 'щавель', слн. *dobrika* 'калина', *komonika* 'попынь', *malika* 'бирючина', *rosika* 'росянка', *plavica* 'василек' (ср. *plav* 'голубой'), *mladica* 'тростник', *redkvisa* 'редис-

ка¹. В западославянских языках и частично в восточнославянских (украинском и белорусском) в этой группе имен выступает суффикс -ic(a) [-ik(a)] сохранился лишь в единичных образованиях, ср. польск., чеш. *osika* 'осина', укр. *живика* 'перекати-поле': польск. *bylica* 'попынь', *lnica* 'льнянка', *wietlica* 'кочедыжник', *szernica* 'черника'; чеш. *bohovice* 'сосна', *ohnice* 'дикая редька', *ostřice* 'осока', *skořice* 'корица', слц. *čistica* 'болотный чистец', *metlica* 'метлица', *ovsica* 'овсюг', *tekvica* 'тыква'; в.-луж. *lawica* 'львиный зев', *mokrica* 'водоросль', *góslca* 'дикая груша', *šipica* 'стрелолист'; укр. *бульбиця* 'картофель', *кавуниця* 'арбуз', *морквиця* 'морковь', *цибулиця* 'лук'; блр. *вадзяныця* 'водяная лилия', *п'яныця* 'голубика', *гарыця* 'горипцвет', *расіця* 'росянка', *ярыця* 'яровая пшеница'. В русском языке ситуация сложнее: в литературном языке для образования ботанических названий (и прежде всего ягод) используется -ik(a) (ср. *голубика*, *ежевика*, *черника*), в диалектах — на севере преобладает -ic(a), на юге -ik(a), ср. *ежевиця* 'ежевика' (Волог., Яросл., СРНГ), *жаровиця* 'клюква' (Олон., СРНГ), *шипциця* 'шиповник' (Волог., КСРНГ), *живика* 'ежевика' (Брян., КСБГ), *аржанника* 'пырей' (Тамб., Опыт, 1852), *пьяника* 'голубика' (Калуж., Чернышев, 1910), а в среднерусских говорах в качестве равноправных употребляются оба суффикса, ср. *боровика* (-иця) 'вереск' (Влад., СРНГ), *пьяника* (-иця) 'голубика' (Моск., Иванова, 1969), *кислика* (-иця) 'щавель' (Новг., СРНГ), *повилика* (-иця) 'повилика' (Пск., Меркулова, 1967).

Функционально-семантическая соотнесенность суф. -ik(a) и -ic(a) наблюдается и в других лексических группах имен с общим значением предметности.

а) в названиях животных: рус. диал. *лиса* 'лиса' (Арх., СРНГ) ~ *корениця* 'ящерица' (Моск., СРНГ), *ныриця* 'нырок' (Смол., Добровольский, 1914), *полевиця* 'мышь полевая' (Пск., Твер., Доп. Опыт., 1858); укр. *чортаника* 'карп весом менее полутора фунтов' ~ *козиця* 'коза', *комониця* 'бесплодная кобыла', *червиця* 'древоточец', *серниця* 'косуля'; блр. *шканика* диал. 'кобыла' (ср. *шкапа* лит. 'то же') ~ *галиця* диал. 'галка', *кормиця* диал. 'свинья', *сляпиця* 'слепень', *сухарэбрыця* диал. 'подлещик', польск. *kolika* 'рыба колюшка' ~ *łasica* 'ласка', *mszusa* 'тля', *pijawica* 'пиявка'; слн. *буџика* 'гусыня' (ср. *буџа* 'любое маленькое животное'), *šičica* 'курица' (ср. *šiča* 'курица, высидывающая яйца') ~ *belica* 'белорыбца', *jalovica* 'яловая корова', *grlica* 'горлица'; сх. *кукувика* 'ночная птица', *пасика* 'собака', *деверика* 'лещ' (ср. *девер* 'то же') ~ *ловиця* 'кошка', *прасиця* 'свиноматка', *яриця* 'ярка', *главитиця* 'форель'.

б) в названиях орудий труда и других предметов, связанных с хозяйственно-бытовой деятельностью человека: рус. диал. *тупика* 'тупой нож, топор' (Прионеж., Карел., КСРНГ), *тяпика* 'мотыга' (Ряз., Деул., 1969), *качелика* 'качели' (Обь, СРСГБО, 1965), *толстика* 'толстая пряжа' (Курск., Опыт, 1852) ~ *искриця* 'огниво' (Курск., СРНГ), *заполиця* 'соха' (Моск., СРНГ), *ремениця* 'кнут из ремня' (Холмог., Грандильевский, 1907), *плениця* 'ловушка на дичь' (Обь, СРСГБО, 1965), *частокוליця* 'забор' (Пск., Твер., Карпов, 1855); слн. *busica* 'булавка' (ср. *busati* 'колоть'), *palika* 'трость', *tujika* 'колыбель' (ср. *tujati* 'колебать'), *sedika* 'смола' ~ *košarica* 'корзина', *ogrlca* 'бусы', *rešica* 'печь'; *preslica* 'прялка', *žagica* 'пилка' (ср. *žagati* 'пилить'); сх. *крајика* 'горбушка хлеба', *таљика* 'сосуд, в котором топят масло' (ср. *таљити* 'топить'), *ланика* 'льняное полотно', *батыка* 'палка' (ср. *бат* 'кнут') ~ *медениця* 'колокольчик для скота', *обрамиця* 'кормысло', *зубатиця* 'борона' (ср. *зубати* 'боронить'), *косилиця* 'косилка'; мак. *бодлика*

¹ Расширение и укрепление суффикса -ic(a) в этом значении привело к тому, что в южнославянских языках возникли дублетные образования с -ik(a)/-ic(a), ср.: сх. *јелика* (-иця) 'ель', *конопљика* (-иця) 'конопля', *љутика* (-иця) 'лук', *метлика* (-иця) 'попынь'; болг. *дѣбика* (-иця) 'дуб', *острика* (-иця) 'острица лежачая', *звѣника* (-иця) 'зверобой', *устика* (-иця) 'львиный зев'; мак. *власеника* (-иця) 'вид травы', *чубрика* (-иця) 'чабер садовый', слн. *vodenika* (-ica) 'бодяк'. Более полный материал приведен в статьях [1, 2].

'шип, колючка' (ср. болг. *бодла* 'что-нибудь колючее'), *псалтика* 'псалтырь' ~ *латица* 'заплата', *нараквица* 'перчатка', *ножица* 'ножницы', *острица* 'лезвие'; болг. *товарика* 'подпорка из дерева' (ср. *товаря* 'грузить'), *мъртвица* диал. 'мокрое полено, которое не горит, а дымит', *поразика* 'заноза' ~ *бъклица* 'фляга для вина', *вързаница* 'вязанка' (ср. *вързан* 'связанный'), *воденица* 'мельница', *плъзица* диал. 'часть плуга';

в) в названиях кушаний: рус. диал. *жидика* 'жидкая каша' (Ряз., Деул., 1969), *кислика* 'щи из шавеля' (Ряз., Деул., 1969), *вареника* 'топленое, заквашенное молоко' (Свердл., 1964) ~ *борканица* 'морковный суп' (ср. *боркан* 'морковь') (Новг., Пск., Твер., СРНГ), *жареница* 'что-либо жареное' (Арх., Холмог., Новог., СРНГ), *гороховица* 'гороховый суп' (Краснояр., Вят., Перм., Новг., СРНГ), *ржаница* 'хлеб из ржаной муки' (Пск., Твер., КСРНГ); слн. *čemerika* 'перестоявшее кислое вино' (ср. *čemer* 'яд'), *hermelika* 'ликер из очитка' (ср. *hermel* бот. 'очиток') ~ *kislica* 'кислое вино', *krvavica* 'кровяная колбаса', *medica* 'мед', *malica* 'закуска'; сх. *оцтика* 'перестоявшее вино' (ср. *оцет* 'уксус'), *медурика* 'напиток из сотового меда' (ср. *медур* 'напиток'), *пастелька* 'вид теста в Боснии' (ср. *пастел* 'тесто') ~ *слащица* 'горчица', *сувица* 'изюм', *квашеница* диал. 'квашеная капуста', *зобеница* 'овсяный хлеб' (ср. *зобен* 'овсяный'); мак. *мастика* 'анисовая водка' ~ *тиганица* 'оладья' (ср. *тиган* 'сковорода'), *погачица* 'слоеная лепешка' (ср. *погача* 'плоский пресный хлеб'), *препеченица* 'крепкая, дважды перегнанная водка' (ср. *препечена ракија*); болг. *лотика* 'острая приправа' ~ *роздовица* 'виноградная водка' (ср. *гроздов* 'виноградный'), *межица* 'род пончика', *лученица* 'приправа из лука, перца, помидор';

г) в названиях атмосферных и погодных явлений: слн. *solika* 'мелкий град' ~ *poledica* 'гололедица', *treskavica* 'гроза' (ср. *treskav* 'громовой');

д) в названиях частей человеческого тела: рус. диал. *шипика* 'бородавка' (Перм., Бирюков, 1934) ~ *затилица* 'затылок' (Южн., Свердл., СРНГ), *наносица* 'переносица' (Пск., Твер., Доп. Опыт, 1858), *язодица* 'щека' (Ворон., Сев., Онеж., КСРНГ); мак. *ноздрика* диал. 'ноздри' ~ *петица* 'пятка', *слепоочица* 'висок', *подланица* 'ладонь'; болг. *брадика* 'борода' ~ *гърбица* 'горб', *левица* 'левая рука', *жлъзица* 'железа';

е) в названиях болезней: рус. диал. *огника* 'золотуха' (Ворон., КСРНГ) ~ *взварица* 'сыпь' (Терск., СРНГ), *заушица* 'заушная опухоль' (Обь, СРСГБО, 1965), *оспица* 'оспа' (Вят., Арх., Влад., Новг., КСРНГ); слн. *tresljika* 'горячка, малярия' (ср. *tresljati* 'трясти') ~ *mzlica* 'лихорадка', *gumenica* 'желтуха', *bledica* 'хлороз'; сх. *трпика* 'болезнь голода' (ср. *трпјети* 'терпеть') ~ *врущица* 'горячка' (ср. *врући* 'горячий'), *жутица* 'желтуха', *озебица* 'лихорадка'; мак. *болика* 'боль' ~ *несвестица* 'головокружение' (ср. *несвест* 'обморок'), *сончаница* 'солнечный удар'; болг. *болика* 'болезнь' ~ *зазъбица* 'заболевание десен', *кашлица* 'кашель'²;

Функциональная соотносительность суффиксов -ik(a) и -ic(a) в остальных предметных значениях в силу довольно слабой представленности суффикса -ik(a) в славянских языках выражена менее ярко. Однако следует отметить, что она наблюдается не только в основных, но даже в периферийных значениях обоих суффиксов.

² В западославянских, украинском и белорусском языках в пяти последних лексических группах употребляется суф. -ic(a); с -ik(a) не зафиксировано ни одного образования; ср.: польск. *ławica* 'скамья', *łarica* 'западная' (ср. *łarać* 'ловить'), *sneżyca* 'метель', *rotylicca* 'затылок', *osrica* 'корь'; чеш. *veslice* 'весельная лодка', *radlice* 'лемех', *kрупice* 'манная крупа'; *vichřice* 'сильный ветер, буря', *pravice* 'правая рука', *křivice* 'рахит', слн. *branica* 'ворота' (ср. *brana* 'вход'), *žehlica* 'утюг' (ср. *žehlit* 'гладить'), *hruškovica* 'грушевая водка', *čumelica* 'пурга' (ср. *čumelit* 'са 'клубиться'), *črbatica* 'спинной хребет', *mrtvica* 'апоплексический удар'; в.-луж. *lešica* 'силки' (ср. *lešeg* 'расставлять силки'); *widlica* 'кочерга', *jabličnica* 'яблочный мусс' (ср. *jabličny* 'яблочный'), *wětrica* 'смерч', *kosćica* 'надкостница'; укр. *квасиця* 'кадушка', *греблиця* 'скребница', *кутиця* 'кутя, обрядовая каша', *веселиця* 'радуга', *бровиця* 'бровь', *дрисливиця* 'понос'; блр. *вакніца* 'стекло', *капаліца* диал. 'лопата', *посніца* 'постная пицца', *круцеліца* 'метель', *пяцяріца* 'рука', *гарліца* 'ангина'.

II. Феминативное значение. В процессе исторического развития славянских языков коррелятивные отношения суффиксов *-ik(a)* и *-ic(a)* как суффиксов, выражающих значение женского пола, оказались затемненными словообразовательными связями *-ic(a)* с другими суффиксами. Следы данного значения суффикса *-ik(a)* сохранились лишь в единичных образованиях в словенском, сербохорватском и русском языках, в то время как у *-ic(a)* оно отмечено во всех славянских языках. Ср.: слн. *guda* — *gudika* 'поросенок (женского пола)'; *cuza* — *cužika* 'кобыла'; сх. *бач* — *бачика* 'жена бача (пастуха в горах)', *јаран* — *јараника* 'приятельница'; рус.³ диал. *шабер* — *шабрика* 'соседка по разделу земли' (Калин., ОСГКО, 1972). Причем следует отметить, что в семантическом и словообразовательном отношении эти корреспондирующие пары полностью соответствуют парам, оформленным с помощью суф. *-ic(a)*, ср.: рус. диал. *гусь* — *гусица* 'гусыня' (Обь, СРСГБО, 1964), *король* — *королица* 'королева' (Олон., Печор., Вят., Самар., СРНГ); укр. *тетёрь* — *тетериця* 'тетерка', *кміт* — *кметиця* 'жена кмета (крестьянина)'; блр. *матыль* — *матылица* 'бабочка', *доктар* — *доктарыця* 'жена доктора'; польск. *bocian* — *bocianica* 'аистиха', *саг* — *сагуса* 'царица'; чеш. *drozd* — *drozdice* 'дроздиха', *kněz* — *kněžice* 'жена священника'; слц. *krt* — *krtica* 'кротиха', *druh* — *družica* 'подруга'; в.-луж. *вар* — *варіца* 'медведица', *rips* — *ripsyca* 'плутовка'; слн. *јареб* — *јаребiца* 'куропатка', *sosed* — *sosedica* 'соседка'; сх. *зец* — *зецица* 'зайчиха', *слуга* — *служица* 'прислуга'; мак. *лав* — *лавица* 'львица', *граф* — *графица* 'графиня'; болг. *щъркел* — *щъркелица* 'аистиха', *девер* — *деверица* диал. 'жена девера'.

О функциональной соотнесенности суффиксов *-ik(a)* и *-ic(a)* в значении женского пола, кроме приведенных выше семантически тождественных корреспондирующих пар, построенных по модели θ : *-ik(a)* и θ : *-ic(a)* косвенно свидетельствует способность суффикса *-ic(a)* к образованию пар по модели *-ik* : *-ic(a)*, которая широко представлена во всех славянских языках. Даже в западнославянских языках, где суффикс *-ic(a)* в названиях лиц женского пола вытеснен другими суффиксами, он продолжает еще сохраняться в подобных парах, возможно, благодаря именно суффиксу *-ik*, служащему для него своего рода «опорой». Можно предположить, что в праславянском языке кроме модели θ : *-ik(a)* (для образования названий самок животных и лиц женского пола) существовала также модель *-ik* : *-ik(a)* (в названиях лиц женского пола, противопоставленных соответствующим названиям муж. р.³). Впоследствии, после Бодуэновской палатализации, эти модели трансформировались в θ : *-ic(a)* и *-ik* : *-ic(a)* и в таком виде сохранились во всех славянских языках, ср.: рус. лит. *скромник* — *скромница*, *озорник* — *озорница*, диал. *годовик* — *годовица* 'годовая девочка' (Арх., Яросл., СРНГ), *молодик* — *молодица* 'молодая новобрачная' (Арх., Подвысоцкий, 1885); укр. *нахибник* — *нахибница* 'нахалка' (ср. *нахибний* 'наглый'), *підлабузник* — *підлабузница* 'подхалимка'; блр. *злоснік* — *злосніца* 'злобная', *бязульнік* — *бязульніца* диал. 'шалунья' (ср. *бязульны* 'шаловливый'); польск. *Michalik* — *Michalica* 'жена Михала', *obłudnik* — *obłudnica* 'лицемерка' (ср. *obłudny* 'лицемерный'); чеш. *vinik* — *vinice* 'виновная', *jedlik* — *jedlice* 'любительница поесть'; слц. *společnik* — *společnica* 'собеседница' (ср. *společne* 'вместе'), *marnik* — *marnica* 'ветреница' [ср. *marnit* 'тратить попусту' (время, деньги)]; в.-луж. *kiprik* — *kiprica* 'хилая слабая женщина' (ср. *kipry* 'хилый'), *lenik* — *lenica* 'лентяйка'; слн. *nesrečnik* — *nesrečnica* 'несчастливая' (ср. *nesrečen* 'несчастный'), *zornik* — *zornica* 'отвратительная женщина' (ср. *zorn* 'отвратительный'); сх. *благајник* — *благајница* 'кассирша' (ср. *благајна* 'касса'), *немоћник* — *немоћница* 'бессильная' (ср. *немоћан* 'бессильный'); мак. *грозник* — *грозница* 'уродка' (ср. *грозен* 'уродливый'), *бесник* — *бесница* 'озорница' (ср. *беснее* 'беситься'); болг. *доведеник* — *доведеница* 'падчерица'

³ В названиях самок животных эта модель не функционировала, так как суффикс *-ik* во всех славянских языках является непродуктивным при образовании названий животных.

(ср. *доведен* 'сводный'), *мазник* — *мазница* 'угодница' (ср. *мазня се* 'угодничать').

После Бодуэновской палатализации у *-ic(a)* как суффикса со значением женского пола появился еще один коррелят, суффикс *-ic*, который, однако, не получил развития ни в одном славянском языке (хотя в старославянском языке он был известен, ср. *любимиць*, *питомиць* и др.), так как был вытеснен суффиксом *-es*, активно образующим имена муж. р. со значением «лица». Так возникла новая модель *-es : -ic(a)*, еще больше расширившая лексико-семантические и словообразовательные связи суффикса *-ic(a)*, который начал уже активно сочетаться не только с именными, но и глагольными основами, ср.: рус. лит. *счастливец* — *счастливица*, *владелец* — *владелица*, диал. *игрец* — *игрица* 'певица' (Тул., Твер., СРНГ), *гребец* — *гребица* 'женщина, сгребаящая сено' (Пск., Варина, 1970); укр. *мовчазливець* — *мовчазливиця* 'молчаливица' (ср. *мовчазливий* 'молчаливый'), *марнотратець* — *марнотратиця* 'мотовка' (ср. *марно* 'попусту'); блр. *зычлівец* — *зычлівіца* 'доброжелательница' (ср. *зычлівы* 'доброжелательный'), *зласлівец* — *зласлівіца* 'злая женщина'; польск. *synowiec* — *synowica* 'племянница', *topielec* — *topielica* 'утопленница'; чеш. *světec* — *světica* 'святая', *sestřenec* — *sestřenica* 'дочь сестры'; слц. *snubenec* — *snubenica* 'невеста' (ср. *snubeny* 'обручальный'), *nevrlęc* — *nevrlica* 'ворчунья' (ср. *nevrlý* 'ворчливый'); слн. *pages* — *pagica* 'голая', *lovec* — *lovica* 'охотница'; сх. *лукавац* — *лукавица* 'хитрая', *гаталац* — *гаталица* 'гадалка' (ср. *гатати* 'гадать'); мак. *слепец* — *слепица* 'слепая', *вражалец* — *вражлица* 'знахарка' (ср. *вража* 'ворожить'); болг. *кумец* — *кумица* 'кума', *ищец* — *ищица* 'истаца' (ср. *искам* 'требовать').

III. Значение лица. Функциональная соотнесенность суффиксов *-ik(a)* и *-ic(a)* проявляется и в их способности к образованию названий, применимых к лицам любого пола, или таких названий лиц женского пола, которые находятся вне корреляции с соответствующими именами муж. р. Во всех славянских языках за исключением сербо-хорватского оба суффикса в этом значении выступают как пассивные словообразовательные форманты. Названия лиц с суффиксами *-ik(a)* и *-ic(a)* представляют собой атрибутивные (редко агентивные) образования (т. е. для обоих суффиксов характерно сочетание преимущественно с именными основами). Ср.: рус. диал. *несовсемика* 'больной, ненормальный человек' (Урал, Миртов, 1930), *костика* 'насмешник, лжец, хвостун' (Тул., Даль) (ср. *коститься* 'ругаться') ~ *ведьмица* 'колдунья' (Калуж., СРНГ), *резвица* 'резвая девочка' (Моск., Иванова, 1969), *тормошица* 'девочка, которая тормозит кого-нибудь' (Пск., Твер., Опыт, 1852); укр. *задерика* 'задира' ~ *крикливица* 'кликуша', *невестица* 'невестка', *верзица* 'пустомеля' (ср. *верзти* 'болтать, молоть вздор'); блр. *золвіца* 'золотка', *жабіца* 'морщинистая женщина', *тапеліца* 'утопленница'; слн. *starika* 'старый человек', *česnika* 'нудный, назойливый человек' (ср. *česnati* 'говорить глупости') ~ *ljubica* 'милая', *perica* 'прачка' (ср. *prati* 'стирать'); сх. *дилберика* 'красавица' (ср. *дилбер* 'красивый'), *попадика* 'попадья', *родика* 'роженица', *вурцика* 'заблудившийся человек' (ср. *вурцати* 'блуждать') ~ *бабица* 'повивальная бабка', *дојилица* 'кормилица' (ср. *дојити* 'кормить грудью'); мак. *љубовика* 'соблазнительница' ~ *сиротица* 'сирота', *лазарица* 'девушка, поющая песни в субботу Лазаря'; болг. *уходника* 'старая дева' (ср. *уходна мома* 'то же') ~ *братовица* диал. 'невестка, жена брата', *бегалица* диал. 'девушка, вышедшая замуж без согласия родителей'.

В западнославянских языках ситуация осложнена тем, что суффикс *-ik(a)* в них не сохранился (если не считать единичных примеров, ср. морав. *smešika* 'хохотунья'⁴, а *-ic(a)* в значительной мере вытеснен суффиксами *-k(a)* и *-ičk(a)* [исключение составляют только чешский и верхнелужиц-

⁴ В прошлом, как свидетельствует материал древнечешского и полабского языков, суффикс *-ik(a)* был распространен и в западнославянском континуме, ср. др.-чеш. *drzika* 'дерзкий человек', *lazika* 'бродяга'; полаб. *peraiċa* 'прачка', *lžaiċa* 'лжец', *tšaiċa* 'тщач'.

кий языки, где у суффикса -ic(a) значение лица еще сохраняется, ср. чеш. *babičice* 'старая карга', *dračice* диал. 'ведьма' (ср. *drači* 'драконов'), *roběhllice* 'потаскуха'; вл.-луж. *bojaznica* 'трусиха', *holčica* 'девица' (ср. *holči* 'девичий'), *šćedlica* 'тощий мужчина или женщина'].

И лишь в сербскохорватском языке суффикс -ic(a) сохранил и развил рассматриваемое значение. Свободно сочетаясь не только с именными, но и глагольными основами, он образует еще и многочисленные названия лиц (мужского, женского и общего рода), в основе которых лежит агентивный признак (*nomina agentis*) ср.: *бубалица* м. 'зубрила' (ср. *бубати* 'зубрить'), *доселица* м. 'переселенец' (ср. *доселити* 'переселить'), *варалица* м. и ж. 'обманщик, -ица' (ср. *варати* 'обманывать'), *луталица* м. и ж. 'скиталец, -ица' (ср. *лутати* 'скитаться'), *полажица* м. и ж. 'тот, кто привирает' (ср. *полагати* 'привирать'), *коњокрадица* м. 'конокрад'.

Итак, значение лица как у -ik(a), так и у -ic(a) не получило развития в славянских языках, что объясняется, возможно, употреблением обоих суффиксов в более специфической функции выражения женского рода.

IV. Абстрактное значение. О коррелятивной связи суф. -ik(a) ~ -ic(a) свидетельствует также и наличие у обоих суффиксов абстрактного значения. Суффикс -ic(a), унаследовав от -ik(a) способность к образованию *nomina abstracti*, вытеснил его во всех славянских языках, и только в некоторых из них сохранились следы этого значения у суффикса -ik(a) ср.: рус. диал. *кастика* 'раскаяние' (Волог., СРНГ) ~ *былица* 'правда' (Олон., СРНГ), *забытица* 'забвение' (Курск., СРНГ), *поволиця* 'свобода' (Пск., Твер., Доп. Опыт, 1858), *напрасница* 'ложь, клевета' (Пск., Луж., Рж., КСРНГ); укр. *п'ятика* 'пьянство' ~ *бідиця* 'беда', *журиця* 'тоска' (ср. *журитися* 'печалиться'), *кривдиця* 'неправда'; блр. *бязладзіца* 'неурядица', *лішніца* 'избыток', *бяздзеліца* диал. 'мелочь'; польск. *znieszulica* 'бездушие' (ср. *znieszulić* 'обезболить'), *góżnica* 'разница' (ср. *góżny* 'разный'); чеш. *polovice* 'половина', *gůznice* 'несогласие' (ср. *gůzniti se* 'расходиться во взглядах'); слц. *mera* 'мера', *čislica* 'цифра'; в.-луж. *runica* 'параллель' (ср. *runa* 'прямая'); слн. *smolika* 'скорбь, печаль' (ср. *smola* 'неудача') ~ *kletica* 'клятва', *govorigica* 'молва', *obilica* 'обилие', *posledica* 'последствие'; сх. *мудрика* 'хитрость', *труника* 'расточительство' (ср. *трунити* 'тратить') ~ *неродиця* 'неурожай', *осамиця* 'одиночество', *пратиця* 'правда', *невериця* 'сомнение', *доскочиця* 'хитрость' (ср. *доскочити* 'перехитрить'); мак. *измислиця* 'выдумка', *непогодиця* 'неприятность', *несогласиця* 'разлад', *кривиця* 'вина'; болг. *небивалиця* 'небылица', *оскъдиця* 'недостаток', *отживелиця* 'пережиток', *недомислиця* 'бесмыслица'.

V. Процессуальное значение. Процессуальное значение суффикса -ik(a) находилось, по-видимому, на периферии системы его значений, не получило оно развитие и у суффикса -ic(a). Объясняется это, возможно, тем, что оба суффикса обладали способностью сочетаться прежде всего с именными, а не глагольными основами⁵. Единичные примеры с -ik(a) представлены в русском, словенском и македонском языках, а с -ic(a) — во всех славянских языках, кроме польского и лужицкого, ср.: рус. диал. *рожденьика* 'рождение' (Смол., Добровольский, 1914) ~ *гульбиця* 'гуляние' (Смол., СРНГ), *катавасиця* 'драка' (Пск., Даль), *ошелобиця* 'оплеуха' (Волог., КСРНГ); укр. *м'ялиця* 'потасовка', *гребовиця* 'уборка сена на поле', *возовиця* 'свозка хлебов с поля'; блр. *касавиця* 'сенокос'; чеш., слц. *veselica* 'гулянка'; слн. *sterika* 'слабый плач' (ср. *steriti* 'хныкать') ~ *naglica* 'спешка', *poskočnica* 'веселый танец с песнями' (ср. *poskočen* 'веселый'); сх. *задориця* 'ссора', *питаљиця* 'игра в вопросы и ответы' (ср. *питати* 'спрашивать'), *сејавиця* 'сев'; мак. *херувиця* 'церковная песня' ~ *прескакулиця* 'чехарда' (ср. *прескака* 'перескакивать'); болг. *плесница* 'оплеуха' (ср. *плесна* 'дать оплеуху'), *трескавиця* 'выстрелы', *цукавиця* 'трескотня'.

⁵ Во всех славянских языках суффикс -ic(a) довольно часто образует *nomina actionis* не от глагольных, а от именных (адъективных) основ на -av// -ov.

VI. Локативное значение. Не получило широкого развития в славянских языках и локативное значение суффиксов *-ik(a)* и *-ic(a)*. У *-ik(a)* оно представлено только в южнославянском и русском континуумах, у *-ic(a)* имеет общеславянский характер. *Nomina loci* с суффиксами *-ik(a)*, *-ic(a)* являются, как правило, обозначениями географического объекта (поля, болота, равнины, дороги и т. д.), реже — названиями помещений, ср.: рус. диал. *жнивика* 'сжатое поле' (Калин., ОСГКО, 1972), *подворика* 'двор' (Смол., Добровольский, 1914) ~ *гречица* 'гречишное поле' (Симб., Саратов., СРНГ), *жница* 'выкошенное место на лугу' (Арх., СРНГ), *заполица* 'дальнее поле' (Иван., Влад., Костром., СРНГ), *моховица* 'моховое болото' (Смол., Добровольский, 1914); укр. *голиця* 'чистое поле', *картопиця* 'поле, с которого снят картофель', *мокриця* 'мокрое место'; блр. *аселица* диал. 'лужок около села', *бабовица* 'бобовое поле', *гнилиця* 'гнилое болото', *гарэлиця* 'поле после пожара'; польск. *ławica* 'песчаный нанос в реке, коса' (ср. *ława* 'гряда'), *trzęsawica* 'болото', *targowica* диал. 'рынок'; чеш. *dálnice* 'дальняя дорога', *mlynice* 'мукомольня', *zvonice* 'колокольня'; слц. *vratnica* 'швейцарская' (ср. *vratnu* 'швейцар'), *vážnica* 'тюрьма' (ср. *vážei* 'заключенный'), *vípnica* 'виноградник'; в.-луж. *hlínica* 'глиняный карьер', *kupnica* 'крытый рынок' (ср. *kurpa hala* 'то же'), *stwica* 'смежная комната' (ср. *stwa* 'комната'); слн. *dnika* 'впадина', *lezika* 'равнина между горами' ~ *okolica* 'окрестность', *tespnica* 'тюрьма'; сх. *пальика* 'место, выжженное в лесу', *стрика* 'стерня, жнивье' ~ *ораица* 'пашня' (ср. *ораи* 'пахотный'), *придолица* 'долина', *зараслица* 'заросшее место', *вальалица* 'сукновальня'; мак. *водоврика* 'болото' (ср. *вода* и *врие* 'кипеть'), *пржелика* 'неплодородное место, земля' (ср. *пржел* 'сухая, неплодородная земля') ~ *здравица* диал. 'целина' *мртица* 'болотистое место', *рамница* 'равнина'; болг. *чучурика* 'родник' (ср. *чучурия* 'струиться') ~ *жагарица* 'лесопильня' (ср. *жагар* 'пильщик'), *кланица* 'скотобойня' (ср. *клане* 'резня скота'), *криволица* 'излучина'.

VII. Деминутивное значение. Коррелятивная соотношенность *-ik(a)* и *-ic(a)* проявляется и в наличии у обоих суффиксов деминутивного значения. Деминутивы на *-ik(a)* носят в славянских языках единичный характер, так как в этом значении преобладает суффикс *-ic(a)*. Однако в процессе исторического развития сам суффикс *-ic(a)* в некоторых славянских языках постепенно утрачивал способность образовывать деминутивы, и в современных польском и лужицком языках он ее полностью утратил⁶. Этот процесс продолжает развиваться в чешском, словацком и белорусском языках, в которых деминутивное значение *-ic(a)* сохраняется лишь в остаточном виде. И только в южнославянских языках, украинском и русском (особенно в западнорусских диалектах) суффикс *-ic(a)* часто употребляется в этом значении. Следует отметить, что функциональная соотношенность *-ik(a)* и *-ic(a)* в деминутивном значении проявляется и в лингвогеографическом аспекте, так как деминутивы на *-ic(a)* широко представлены прежде всего в тех славянских языках, где еще достаточно ощутимо деминутивное значение суффикса *-ik(a)*, ср.: рус. диал. *воротника* ласк. 'ворота' (Онеж., СРНГ), *соўника* уменьш. 'солнце' (Брян., Расторгуев, 1973), *матика* уменьш. 'мать' (Даль, без указ. места) ~ лит. *водица*, *землица*, *рожица*, *рощица*; диал. *долиница* (Смол., Добровольский, 1914), *ржица* (Пск., Ряз., КСРНГ), *травница* (Смол., Добровольский, 1914), *хатица* (Пск., Твер., КСРНГ); укр. *вербица*, *водица*, *капустица*, *китвица* 'якорек', *правдица*; блр. *бразніка* ласк. 'брат', *сваціка* уменьш. 'сватья' ~ *вадзіца*, *зіміца*, *кывіца* уменьш. 'кровь'; чеш. *jiskrice* 'искорка', *hůlčice* 'палочка', *křavice* 'коровка'; слц. *babika* 'старушка' ~ *bundica* 'шубка', *hubica* 'грибок', *mazdrlica* 'шкурка'; слн. *perika* 'листок', *bicika* 'овечка', *čurika* 'курочка', *sestrika* 'сестрица' ~ *blaznica* 'подушечка', *culica* 'узелок', *čebelica* 'пчелка', *hišica* 'домик'; сх.

⁶ Следы деминутивного *-ic(a)* сохранились в польской гидронимии, в которой нередко встречаются парные названия рек типа *Skawa — Skawica*, *Nida — Nidzica*, *Kozia — Kozica*, где суффиксом *-ic(a)* оформляется, как правило, названия рек-притоков (т. е. меньших по длине).

бацка 'братик', *пиштав'ика* 'дудочка', *Пешика* уменш. к *Пеша* ~ *варошица* 'городок', *кашмица* 'ложечка', *кокица* 'курочка', *мрвица* 'крошечка', *чичица* 'дядечка'; мак. *понадица* 'гостинчик', *стрелица* 'стрелочка'; болг. *мостика* диал. 'мостик', *Аника* ласк. к *Ана*, *Борика* ласк. к *Бора* ~ *браздица* 'бороздка', *горица* 'лесок', *дрипица* 'тряпица', *врџвица* 'веревочка'⁷.

VIII. Значение единичности и собирательности. О функциональной соотношенности суффиксов -ik(a) и -ic(a) свидетельствуют и такие периферийные для них и не получившие развития ни в одном славянском языке значения, как собирательное и сингулятивное. Следует, однако, отметить, что суффикс -ic(a), унаследовав от -ik(a) значение собирательности, расширил его: если -ik(a) образует, как правило, названия совокупностей предметов или растений, то среди *nomina collectiva* на -ic(a) есть и обозначения совокупностей живых существ (людей, животных).

а) значение собирательности: рус. диал. *падалика* 'опавшие кедровые шишки' (Обь, СРСГБО, 1965), *перыка* 'перье' (Смол., Добровольский, 1914), *черепака* 'черепаца' (Новосиб., Федоров, 1964) ~ *безусталица* 'не знающие усталости в шалостях дети' (Пск., Твер., КСРНГ), *голытьбица* 'голытьба' (Терск., СРНГ), *соседица* 'люди, живущие в соседстве' (Пск., Твер., Доп. Опыт, 1852), *березица* 'березовая роца' (Пск., Ларин, 1967); укр. *юрбица* 'толпа' (ср. *юрба* 'сборище'), *семерица* 'семеро волов в плуге'; блр. *гліца* 'хвоя', *дубіца* 'дубовый лес', *палегліца* диал. 'полеглые хлеба', *двоіца*, *троіца*; польск. *dwojica*, *trojica*; в.-луж. *jerica* 'яровые хлеба'; чеш., слц. *dvojica*, *trojica*; слн. *hrastika* 'дубовый лес' (ср. *hrast* 'дуб') ~ *dvojica*, *četverica*; сх. *пруџика* 'прутье' (ср. *пруџе* 'прутье'), *шушџарика* 'ветки, на которых сохранились еще листья' (ср. *шушџар* 'опавшие листья') ~ *шеварица* 'заросли кустарника' (ср. *шевар* 'кустарник'), *озимица* 'озимые овощи', *дечица* 'ребятишки', *неторица*, *осморица*; мак. *ситница* 'мелочь' (ср. *ситен* 'мелкий'), *двоица*, *четворица*; болг. *есеница* 'озимые хлеба', *трџница* 'заросли терновника', *двоица*, *троица*;

б) значение единичности: сх. *цепљика* 'щепка' (ср. *цепља* 'щепа') ~ *пахуљица* 'пушинка' (ср. *пахуља* 'пух'), *рудница* 'шерстинка' (ср. *руда* 'шерсть'); слн. *slamica* 'соломинка'; болг. *сџлица* 'слезинка'; рус. *крупница*.

Итак проведенный анализ свидетельствует о том, что соотношенность суффиксов -ik(a) и -ic(a) выражается:

1) В системе их значений, которая совпадает в целом, хотя дистрибуция значений может быть и различна. Здесь следует, однако, отметить, что -ic(a), унаследовав весь комплекс значений суффикса -ik(a), развил на этой основе свои собственные значения, которые укрепили его противопоставленность суффиксу -ik(a). Так, например, в южнославянских языках, а также в русском, белорусском и верхнелужицком он расширил поле значения предметности, начав образовывать имена, обозначающие вместилище (того, что названо мотивирующим словом), ср. рус. диал. *огнивица* 'мешочек для хранения огнива' (Камч., Опыт, 1852; Арх., Подвысоцкий, 1885), *чернилица* 'чернильница' (Перм., КСРНГ); блр. *карасіница* 'сосуд для хранения керосина'; в.-луж. *sokogica* 'сахарница' (ср. *соког* 'сахар'); сх. *буржутица* 'табакерка' (ср. *буржут* 'нюхательный табак') *зејтиница* 'бутылка для масла' (ср. *зејтин* 'масло'); болг., мак. *катраница* 'сосуд для дегтя' (ср. *катран* 'деготь')⁸. Кроме того,

⁷ Интересно отметить, что суффикс -ic(a), унаследовав от -ik(a) значение деминутивности, развил на этой основе в ряде славянских языков уничижительно-презрительный смысловой оттенок (ср. рус. лит. *книжица* 'книжонка'; блр. *скрыпница* 'скрипочка'; болг. *кџица* 'домишко').

⁸ По-видимому, это произошло под влиянием суффикса -nis(a), у которого во всех славянских языках ярко выражена способность к образованию подобного рода названий, ср. рус. лит. *злебница*, *монетница*, *сухарница*, диал. *кисельница* 'кадка для киселя' (Пск., СРНГ), *ягодница* 'посуда, куда собирают или хранят ягоды' (Моск., Иванова, 1969); укр. *порошница* 'пороховница', *цигарница* 'папиросница'; блр. *воцатница* 'уксусница' (ср. *воцат* 'уксус'), *перачница* 'перечница'; польск. *papierosnica* 'папиросница', *warszabnica* 'шашечница' (ср. *warszaby* 'шашки'); чеш. *ropelnice* 'урна с прахом'; слц. *maznica* 'масленка'; в.-луж. *mednica* 'посуда для меда'; слн. *depnica* 'кошелек'; сх. *мулница* 'ларь для муки'; мак. *лучница* 'ступа, в которой толкут лук'; болг. *солница* 'соловка'.

в польском и северных диалектах русского языка суффикс $-ic(a)$ приобрел значение аугментативности, что связано, по-видимому, с угасанием, а в польском языке и утратой деминутивного значения $-ic(a)$, ср. рус. диал. *коробица* 'очень большой короб' (Печор., КСРНГ), *рукица* 'ручица' (Холмог., Грандильевский, 1907); польск. *izbica* 'большая комната', *czarica* 'большая шапка' (ср. *czara* 'шапка').

2) В характере их словообразовательных связей. Оба суффикса сочетаются преимущественно с именными (адъективными, реже субстантивными) основами, хотя нельзя не отметить, что в южнославянских языках (особенно в сербскохорватском) суффикс $-ic(a)$ заметно расширил свою словопроизводную базу, начав сочетаться и с глагольными основами, что привело к значительному увеличению агентивных образований.

3) В общности ареалов обоих суффиксов. Как свидетельствует материал современных славянских языков, суффикс $-ik(a)$ представлен в основном в южнославянском и русском языковых континуумах, и именно в этих зонах наблюдается особенно активное функционирование суффикса $-ic(a)$; в западнославянских языках, где $-ik(a)$ практически отсутствует, и $-ic(a)$ в большинстве своих значений выступает как пассивный, а иногда и как «мертвый» (ср., например, в польском и верхнелужицком языках в деминутивном значении) словообразовательный формант.

Такая многосторонняя функционально-семантическая соотнесенность суффиксов $-ik(a)$ и $-ic(a)$ могла возникнуть только при условии их генетической общности. Очевидно, что в период образования суффикса $-ic(a)$, суффикс $-ik(a)$ обладал уже оформленной системой значений, которая и была воспринята суффиксом $-ic(a)$. Из этого следует, что $-ic(a) < -ik(a)$, а не из $-i + ka$ (как предполагает традиционная точка зрения, представленная у Ф. Миклошича, В. Вондрака, А. Мейе, А. Вайана и др.); $-i + ka$ — это лишь ранняя стадия, предшествовавшая образованию суффикса $-ik(a)$. Еще до Бодуэновской палатализации суффикс $-ik(a)$ успел не только развить систему своих значений, но и укрепиться (начать специализироваться) в некоторых из них (а именно, в «ботаническом»), что позволило ему «выжить» в конкурентной борьбе с суффиксом $-ic(a)$ после палатализации. Предположение, что $-ic(a) < -i + ka$ игнорирует, с одной стороны, само существование суффикса $-ik(a)$, а с другой — коррелятивные связи этих двух суффиксов. Если бы это предположение было верным, то $-ic(a)$ должен был бы находиться в отношениях функционально-семантической соотнесенности с суффиксом $-k(a)$; однако, против этого свидетельствует тот факт, что нив в одном славянском языке при образовании названий лиц женского пола, корреспондирующих с соответствующими названиями муж. рода, нет модели $-ik$: $-k(a)$, в то время как повсеместно представлена модель ik : $-ic(a) < -ik$: $ik(a)$. Налицо и ряд других несоответствий (например, в польском и лужицком языках суффикс $-k(a)$ активен при образовании *poimna actionos*, а у суффикса $-ic(a)$ процессуальное значение вообще отсутствует; или в русском языке $-k(a)$ активен в сингулярном значении, а с $-ic(a)$ зафиксирована единственная форма *крупица*).

Предположение же, что $-ic(a) < -i +$ (деминутивный)-са (Я. Розвадовский, В. Дорошевский) также не объясняет, каким образом из деминутивного $-са$, который является коррелятом скорее к суффиксу $-k(a)$, нежели к $-ic(a)$, могли развиваться все остальные значения $-ic(a)$, представленные в современных славянских языках.

Если коррелятивную соотнесенность суффиксов $-ik(a)$ и $-ic(a)$ восстановить довольно трудно из-за стертости связей между ними и утраты в ряде славянских языков суффикса $-ik(a)$, то коррелятивная связь между суффиксами $-ak$ и $-ač$ прослеживается еще достаточно четко. Ярче всего она проявляется в присутствии обоим суффиксам значения лица: $-ak$ во всех славянских языках служит для образования названий лиц — носителей атрибутивного признака, свойства; $-ač$, возникнув на его основе, воспринял эту способность и начал также использоваться для образования *poimna attributiva*, ср.: рус. *бедняк*, *добряк*, *толстяк* ~ *богач*, *ловчак*, *усач*; укр. *голяк* 'бедняк', *дивак* 'чудак', *мертвяк* 'мертвец' ~ *головач дужак* 'богач' (*дук* 'богатея'), *патлач* 'лохмач'; блр. *асилак* 'силач', *бедак*

‘горемыка’, *глушак* ‘глухой’ ~ *лабач* ‘большелобый’, *прислугач* ‘прислужник’, *бубнач* ‘барабанщик’; польск. *młodziak* ‘юнец’, *chłopak* ‘мальчик’, *ciemniak* ‘неуч’ ~ *brzuchacz* — ‘брюхач’ *głowacz* ‘умница’, *rogacz* ‘рогоносец’; в.-луж. *hłupak* ‘дурак’, *horak* ‘горец’, *hwězdak* ‘астролог’ ~ *dołhać* ‘верзила’, *horbać* ‘горбун’, *poħać* ‘длинноногий’; чеш. *čizák* ‘чужой’, *chudák* ‘бедняга’, *lesák* ‘лесник’ ~ *pahác* ‘голый’, *okác* ‘глазастый’, *ramenác* ‘плечистый’, слц. *mudrak* ‘умник’, *podliak* ‘подлеп’, *svák* ‘своjak’ ~ *gambać* ‘губошлеп’, *rupkác* ‘толстяк’, *zelenác* ‘юнец’; слн. *babják* ‘бабник’, *silak* ‘силач’, *veseljak* ‘весельчак’ ~ *bradać* ‘бородач’, *glavać* ‘голован’, *suħać* ‘сухой человек’; сх. *сирак* ‘сирота’, *селяк* ‘крестьянин’, *шурјак* ‘шурин’ ~ *кошарач* ‘корзинщик’, *штрајкач* ‘забастовщик’; мак. *божјак* ‘нищий’, *немак* ‘немой’, *земјак*, ‘земляк’ ~ *долгач* ‘долговязый’, *канач* ‘разноязычий приглашения’ (*кана* ‘приглашение’), *шегач* ‘шутник’ (*шега* ‘шутка’); болг. *близнак* ‘близнец’, *голак* ‘бедняк’, *дебелак* ‘толстяк’ ~ *кърмач* ‘рулевой’, *рогач* ‘тупица’, *тамбурач* ‘музыкант, играющий на тамбуре’. Однако это значение оказалось «сильной позицией» суффикса -ак, и суффикс -аћ не смог его вытеснить ни в одном славянском языке. Зато благодаря расширению своих словообразовательных связей за счет более активного соединения с глагольными основами, он во всех славянских языках получил преимущества перед -ак при образовании названий лиц — носителей агентивного признака (исключением явился лужицкий язык, в котором по-прежнему ведущим остался суффикс -аћ), ср.: рус. *вожак*, *остряк* ~ *реач*, *ткач*, *трепач*, *толкач*; укр. *пьяк* ‘пьяница’, *ходак* ‘ходок’ ~ *брехач*, *випробувач* ‘испытатель’, *копач* ‘землекоп’, *набивач* ‘набойщик’, *розливеач* ‘разливщик’; блр. *вазак* ‘возчик’, *спявак* ‘певец’ ~ *дзьяч* ‘деятель’, *папіхач* ‘толкач’, *глядяч* ‘зритель’, *слухач* ‘слушатель’, *уцякач* ‘беглец’; польск. *klepak* ‘болтун’ (*klepać* ‘болтать’), *pływak* ‘пловец’ ~ *ogacz* ‘пахарь’, *podżegacz* ‘поджигатель’, *polewacz* ‘поливальщик’, *rozlepiać* ‘расклеивать’, *szukacz* ‘искатель’; в.-луж. *lizak* ‘подлиза’, *pisak* ‘писак’, *prošak* ‘нищий’, *putak* ‘искатель’, *šeptak* ‘шептун’, *wjazak* ‘вязальщик’ ~ ~ *дгач* ‘живодер’, *skakać* ‘прыгун’; чеш. *divák* ‘зритель’, *kuřák* ‘курильщик’ ~ *osěvać* ‘сеятель’, *přetać* ‘вязальщик’, *rokývać* ‘кровельщик’, *gvać* ‘драчун’, *sekác* ‘косарь’; слц. *sprevák* ‘певец’, *zabijak* ‘убийца’ ~ ~ *doňšać* ‘разносчик’, *hrabać* ‘грабельщик’, *nakladać* ‘грузчик’, *ohovagać* ‘клеветник’, *posluchać* ‘слушатель’; слн. *prosjak* ‘нищий’ ~ *gonjać* ‘погонщик’, *grojać* ‘портной’, *posać* ‘носильщик’, *plavać* ‘пловец’, *rodkovać* ‘кузнец’, *romagać* ‘помощник’; сх. *лежак* ‘лежебока’, *просјак* ‘нищий’ ~ *вејач* ‘веяльщик’, *дувач* ‘стеклодув’, *играч* ‘плясун’, *купач* ‘купальщик’, *мазач* ‘смазчик’; мак. *дошлак* ‘пришелец’ ~ *бијач* ‘драчун’, *вслжувач* ‘вкладчик’, *готвач* ‘повар’, *издавач* ‘издатель’, *косач* ‘косарь’, *мерач* ‘землемер’; болг. *просјак* ‘нищий’ ~ *берач* ‘сборщик урожая’, *записвач* ‘писец’, *метач* ‘дворник’, *превозач* ‘перевозчик’, *резач* ‘дровосек’.

Функциональная соотнесенность суффиксов -ак и -аћ прослеживается также и в предметном значении обоих суффиксов, в их способности к образованию имен, связанных с хозяйственно-бытовой деятельностью человека, ботанических и зооимических названий, ср.: рус. *лежак*, *медяк*, *резац*, *тесак*, *сорняк*, *беляк*, *русак* ~ *целкач*, *пугач*, *секач*, *дергач*, *сохач*; укр. *коряк* ‘ковш’, *черпак*, *вітряк* ‘ветряная мельница’, *буряк* ‘свекла’, *ріпак* ‘рапс’, *гончак* ‘гончая’, *світляк* ~ *сповивач* ‘свивальник’, *товкач* ‘пест в ступке’, *сікач* ‘тяшка’, *стругач* ‘скребок’, *сідач* бот. ‘посконник’, *рогач*, *усач* ‘жук-дровосек’; блр. *смаляк* ‘смолистый кусок дерева’, *ложак* ‘кровать’, *разак* ‘резац’, *казяк* ‘масленок’, *маляк* ‘то же’, *рысак*, *гусак* ~ *копач* ‘лопата’, *прыціскач* ‘прижим’, *налыгач* ‘смычок’, *касач* ‘прис-касатик’, *горлач* ‘голубь’, *пугач* ‘филин’; польск. *tuják* ‘тряпка’, *wasiać* ‘ватник’, *bijak* ‘молотило’, *motak* ‘мотовило’, *kobyłak* ‘конский щавель’, *olszak* ‘ольха’, *stepak* ‘степная лошадь’, *świstak* ‘сурок’ ~ *sekacz* ‘суковатая палка’, *wahacz* ‘коромысло’, *poganiacz* ‘кнут’, *goźcieracz* ‘терка’, *wyguwacz* ‘копатель’, *pływacz* ‘пузырчатка’, *maślacz* ‘масленок’, *głowacz* ‘подкаменщик’, *pelzacz* ‘пищуха’; в.-луж.

džeržak 'ручка', hłowakj 'подушка', robijak 'молоток', źnejejak 'жатка', brėzak 'подберезовик', żoŭtak 'ноготки', hnėzďak 'гнездовая птица', łysak 'лысуха' ~ podtykać 'костыль', śahać 'постромка', drapać 'скребок', kałać 'кинжал', hłować 'скабиоза', dwuhorbać 'верблюд', honać 'перух'; чеш. pařák 'запарный чан', smeták 'щетка', svėřák 'тиски' (svírati 'зажимать'), vřtak 'сверло', bogovák 'белый гриб', zemák 'картофель', řmelák 'шмель', hnėďak 'гнедой конь' ~ kořenáč 'цветочный горшок', pekać 'противень', deřovać 'дырокол', okorávać 'окучник', křemenáč 'подосиновик', pchać 'бодяк', křivnać 'вахирь', sekać 'паук-сенокосец'; слц. ģrak 'ковш', drevak 'деревянный башмак', kosak 'серб', struhák 'столярный струг', dubák боровик, samogodák 'дикий виноград', bujak 'бык', diviak 'кабан', ~ plechać 'жестяная посуда' (plech 'жесть'), gafać 'совок для собирания черники' (gafat' 'собирать чернику'), mieřać 'месилка', pavijać 'лебедка', blyskać 'лютик', malinać 'малина', bahnać 'болотная птица', jařabać 'рябая птица'; слн. zidak 'кирпич' (zid 'стена'), žebak 'черепица с желобом', lijak 'воронка', vijak 'винт', drobnjак 'лук-сеянец', gosak 'гусь', lisjak 'лис' ~ naslanjać 'кресло', zapigać 'замок', nabijać 'колотушка', strgać 'скребок', glavać 'головастик', govnać 'навозный жук'; сх. gřlak 'горлышко сосуда', torbak 'дорожная сумка', tesak 'широкий нож', цřtak 'лемех', кисельак 'щавель', ледењак 'морозник', sleпак 'ящерица', сабљак 'рыба-меч' ~ отирач 'полотенце', покривач 'одеяло', вřтач 'сверло', навијач 'мотовило', драч 'терновник', рогач 'боб', касач 'рысак' (касати 'бежать рысью'), тркач 'беговая лошадь' (тркати 'бегать'); мак. капак 'ставень' (капе 'капать'), вијак 'винт', лилјак 'сирень', крмак 'боров', јаловак 'кастрированное животное' ~ простирач 'ковер' (простира 'расстилать'), грејач 'грелка', бројач 'счетчик' (брои 'считать'), прекинувач 'рубильник' (прекинува 'прервать'), долгач 'сорт фасоли', терач 'охотничья собака' (тера 'гнать'), грабач 'хищная птица'; болг. захлупак 'крышка', козяк 'подстилка из козьей шерсти', черпак, валяк, каток, шестаќ 'вилы с шестью зубьями', зеленаќ 'хмель', млечак 'молочай', гривяќ 'сизый голубь' (грив 'сизый'), котак 'кот' ~ бакрач 'медный котел', брѣснач 'бритва' (брѣсна 'брить'), копач 'кирка', рогач 'молодая фасоль', гризач 'грызун', плавач 'жук-плавунец'.

О коррелятивной соотнесенности суффиксов -ак и -аѣ свидетельствует также и наличие параллельных образований от одной и той же основы, ср.: польск. mieszak — mieszacz 'месилка', zgarniak — zgarniacz 'скребок' (zgarniać 'сгребать'); в.-луж. drapak — drapać 'скребок' (drapać скрести); чеш. hnětak — hnětać 'месилка' (hněsti 'месить'); слц. lapak — lapać 'ловушка' (lapat' 'ловить'), zdvihák — zdvihać 'домкрат' (zdvihať 'поднимать'). Интересно, что наблюдаются они в основном в западнославянском языковом континууме в сфере *nomina instrumenti*, из чего можно заключить, что здесь, по-видимому, наиболее остро проходит процесс становления и утверждения суффикса -аѣ в качестве «инструментального».

Коррелятивная соотнесенность рассматриваемых суффиксов прослеживается не только на словообразовательном, но и на лингвогеографическом уровне, ибо, как правило, зона активного функционирования суффикса -ак является зоной сравнительно слабого использования суффикса -аѣ (ср., например, ситуацию в русском, белорусском и особенно лужицком языке) и наоборот.

Такая же тесная функциональная соотнесенность наблюдается и между суффиксом -isko и возникшим на его основе суффиксом —išće. Она проявляется прежде всего в том, что оба суффикса во всех славянских языках используются для образования *nomina loci*. Это их основное значение. Кроме того, для обоих суффиксов характерно сочетание главным образом с отыменными основами, а в южно- и западнославянских языках — также и с отглагольными. Следует отметить и интересную особенность лингвогеографического распространения этих двух суффиксов. В славянских языках довольно четко вырисовываются ареалы каждого из них: восточно- и южнославянские языки, а также верхнелужицкий

являются зоной распространения суффикса -išće, польский — -isko, в чешском же и словацком (а также в ряде пограничных диалектов украинского и белорусского языков) наблюдается параллельное употребление обоих суффиксов (иногда и от одной основы), причем в чешском, диалектах украинского и белорусского языков ведущим является -išće, а в словацком — -isko, ср.: рус. *городище*, *кладбище*, *пожарище*; укр. *пустище* 'пустошь', *ярмарчище* 'ярмарочная площадь', *путище* 'место, где проходила дорога', *стернище* 'жнивье' ~ диал. *пожарисько* 'пожарище'; блр. *зімовішча* 'зимовье', *ржышча* 'жнивье', *млыншча* 'место, где была мельница' ~ диал. *пасвіска* 'пастбище', *пакосіска* 'скошенный луг'; польск. *bagnisko* 'болото', *grodzisko* 'городище', *lowisko* 'место ловли', *marchwisko* 'морковное поле', *owsisko* 'овсяное поле'; в.-луж. *brodišćo* 'мелкое место', *jězorišćo* 'болотистое озеро', *řečišćo* 'русло реки', *bałmišćo* 'хлопковое поле' (*bałma* 'хлопчатник'); чеш. *bahníště* — *bahnisko* 'болото', *bramboriště* 'картофельное поле' (*brambor* 'картофель'), *letiště* 'аэродром', *lnišťe* 'льняное поле', *pastviště* — *pastvisko* 'пастбище'; слц. *hlinisko* 'глиняный карьер', *hradisko* — *hradišće* 'городище', *makovisko* 'маковое поле', *sídliisko* 'место поселения', *pohrebisko* — *pohrebište* 'могильник'; слн. *grobišće* 'кладбище', *lovišće* 'место охоты', *hmeljišće* 'хмелевое поле'; сх. *палиште* 'пепелище', *калиште* 'топь', *кунуциште* 'капустное поле', *мучилиште* 'место пыток'; мак. *игралиште* 'площадка для игр', *лизгалиште* 'каток' (*лизга* 'скользить'), *лениште* 'льняное поле', *пазариште* 'рыночная площадь', болг. *бобище* 'бобовое поле', *долище* 'овраг', *пасище* 'пастбище', *сечище* 'лесосека'.

Явление словообразовательной корреляции охватывает и другие праславянские суффиксы, связанные отношением генетического родства, ибо только наличием функционально-семантической соотнесенности можно объяснить, например, появление у суффикса -nik (<-n + -ik) во всех славянских языках значение лица — носителя каких-либо свойств или признаков, являющегося основным у суффикса -ik, или у суффикса -nic (a) [<-n + -ic (a)] — феминативного и локативного значений, унаследованных им от -ic (a), или у суффикса -n'ak значения собирательности (при образовании *nomina collectiva*, обозначающих совокупности деревьев, кустарников и других растений), воспринятого им от -ak. Рассмотрение этих вопросов может быть предметом отдельной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вендина Т. И. К вопросу о результатах прогрессивной палатализации заднебных согласных (конкуренция суффиксов -ik(a)/-ic(a) в южнославянских языках. — Советское славяноведение, 1973, № 4.
2. Вендина Т. И. Суффикс -ik(a) в славянских языках (из истории праславянского словообразования. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы исследования 1975. М., 1977.

О СОСТОЯНИИ И ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ РУССКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX века

История славяноведения, процесс развития славистических исследований за последнее время все чаще оказывается в центре внимания советских и зарубежных ученых. Интерес вызывают различные аспекты данной проблематики: развитие каждой из дисциплин славистического цикла, деятельность отдельных славистов, методологические вопросы, славистика в отдельных странах, периодизация и др. (см., напр., [1—5]). Вышли из печати библиографический словарь «Славяноведение в дореволюционной России» [6] и ряд историографических и методологических статей (С. Б. Бернштейна, А. Н. Горяинова, В. А. Дьякова, Л. П. Лаптевой, Д. Ф. Маркова, А. С. Мыльникова, С. В. Смирнова и др.). На базе проведенных исследований и накопленного фактического материала готовится обобщающий труд по истории славяноведения в дореволюционной России.

Изучение истории славяноведения в России нуждается в более детальной характеристике отдельных ее периодов и определении существенных особенностей каждого из них. «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса, — как писал В. И. Ленин, — является постановка его в *определенные* исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране [...], учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи» [7]. Поэтому выявление всей совокупности факторов — научных, общественных, политических, идеологических в их исторической обусловленности — становится непременным условием понимания специфики зарождения, становления и развития славяноведения в России в качестве самостоятельной дисциплины.

В истории отечественного славяноведения слабо изучена первая треть XIX в. Это — важный этап формирования национальной культуры славянских народов и в то же время особый период в развитии славяноведения в России. Первая треть XIX в. представляет собой часть общего, большого периода становления славистики в России, охватывающего около ста лет — приблизительно со второй половины XVIII в. и до 60-х годов XIX в., после чего можно уже говорить о создании кадров специалистов, освоении научного метода исследований и источниковой базы, открытиях, публикации и изучении ряда важнейших для славистики памятников письменности, которые дали новое направление в развитии славистических исследований¹.

¹ В частности, открытие ряда глаголических памятников В. И. Григоровичем, издания памятников И. И. Срезневским, издание Остромирова евангелия А. Х. Востоковым и др.

С начала XIX в. рамки академической науки стали постепенно раздвигаться под воздействием все возрастающего количества накапливаемых знаний как в традиционных областях науки, так и в новых, только зарождавшихся. Потребность в кадрах заставляет правительство Александра I открыть несколько новых университетов. Значительно увеличивается число людей, занимающихся различными научными исследованиями, возникает ряд научных и научно-литературных обществ, кружки любителей²; одновременно растет число научных журналов [8], которые в это время были главным средоточием духовной и литературной жизни общества и откликнулись на все новые веяния как за рубежом, так и в самой России. Большую часть сведений о славянстве, его современном положении, истории, литературе, языке славян русское общество черпало из журналов. На смену академической замкнутости XVIII в., кастовости, в первой трети XIX в. приходит некоторая демократизация науки, вовлечение в ее сферу (через кружки, общества, журналы) гораздо более значительной части так называемого просвещенного общества, а также достаточно грамотных выходцев из купечества и мещан.

Из числа факторов, влиявших на становление славяноведения, нужно назвать изменившиеся социально-экономические и политические условия в самой России, рост общественного сознания и национального самосознания в результате Отечественной войны 1812 г., движение декабристов, национально-освободительные и революционные движения в славянских и других странах, все шире распространявшиеся идеи славянского возрождения. Расширению связей России со славянскими странами содействовало участие русских войск в русско-турецких войнах (1806—1812, 1828—1829), в борьбе сербского народа за свою независимость (Первое сербское восстание), европейские походы русских войск в наполеоновскую Францию, на Балканы и Средиземное море. Сообщения очевидцев, воспоминания участников походов, записки писателей и ученых-путешественников по славянским землям публиковались в печати и привлекали внимание русского общества к славянским сюжетам [9—14]. Однако основополагающим в это время был интерес к национальной истории, историческому прошлому русского народа, отражавший формирование исторического сознания нации, стремление осознать свое место в ряду других народов, в том числе и славянских.

Широко используют темы древнерусской истории, летописи, народные песни и сказания поэты и писатели пушкинской эпохи — К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев, В. К. Кюхельбекер и др. К образам Вадима Новгородского, Марфы-Посадницы обращались А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, Н. М. Карамзин и М. П. Погодин, пытаясь «на материалах отечественной истории решить жгучие вопросы современности» [15]. Еще в 1802 г. Н. М. Карамзин ставил воспитание патриотизма и нравственности в тесную зависимость от изучения отечественной истории и в качестве одной из тем для «картинной галереи отечественной истории» предлагал изображение призвания варяжских князей в славянскую землю [16].

Обращение к исторической тематике в художественной литературе и искусстве стало существенным средством для развития исторического мышления и одним из путей формирования исторического сознания как важной составной части национального самосознания. Славистические исследования в этот период развиваются в русле русской культуры и входят как составная часть в общую проблематику формирования русской национальной культуры. Развитие славяноведения тесно связывается с повышенным интересом научных и общественных кругов к русской и славянской истории, языку, литературе, фольклору. В этих направлениях и происходит определение и расширение славянской пробле-

² Например, Общество любителей российской словесности и Вольное общество любителей словесности, наук и художеств в Петербурге, Общество истории и древностей российских при Московском университете, кружок А. Н. Оленина, Румянцевский кружок, Общество любителей отечественной словесности при Казанском университете и др.

матики, что является одним из первых признаков становления новой дисциплины — славяноведения.

Одновременно расширяется и источниковая база. К началу XIX в. был накоплен значительный материал по русской и славянской истории — летописи, акты, грамоты, юридические памятники и памятники древнерусской литературы. В том числе: «Русская правда», «Повесть временных лет», «Кормчие книги», «Слово о полку Игореве», «Поучение Владимира Мономаха» и др. Много рукописей было найдено и спасено для науки благодаря деятельности возглавляемой Н. П. Румянцевым Комиссии печатания государственных грамот и договоров и так называемого Румянцевского кружка. В монографии В. П. Козлова о Румянцевском кружке [17, с. 40—41] называется более 50 членов кружка, а вместе с зарубежными сотрудниками и лицами, выполнявшими лишь отдельные его поручения — более двухсот. Ими была проделана огромная работа по обследованию русских и зарубежных архивов, книгохранилищ, библиотек.

Меняется и само отношение к источникам, работа с ними — от простого их изложения историческая наука приходит к критическому и сравнительному их исследованию, анализу текста. Долгие годы образцом в этой области считалась работа А. Л. Шлецера «Нестор» (в 1802 г. вышла на немецком языке, в 1809—1819 гг. переведена на русский язык Д. Языковым [18]). Новый подход к источникам требовал и нового подхода к их изданию, так как в значительной степени стала ясна разница в отношении к тексту филологов и историков. Вопросы методики издания источников разрабатываются в кружке Румянцева, в Комиссии печатания государственных грамот и договоров, отдельными учеными. В этой области много сделано К. Ф. Калайдовичем, П. М. Строевым, А. Х. Востоковым, П. И. Кеппеном.

Археологические разыскания, экспедиции с целью выявления рукописей и старопечатных книг, публикации памятников письменности и описания рукописей привели к созданию в 1834 г. Археографической комиссии, завершившей этот этап становления археографии. В этой области славистики в первой трети XIX в. были достигнуты большие успехи и профессионализация.

В число источников, ранее мало использовавшихся историками, шире начинают вводиться филологические: диалекты, этнонимы, топонимы, гидронимы, географическая номенклатура, зооботанические названия. Этот пласт славянской лексики мог помочь ученым установить наиболее древние формы слов, а также служить историческим целям: мог дать различные сведения о язычестве древних славян и их представлениях об окружающем мире, способствовать более точному определению ареала распространения славянских племен и даже «славянской колыбели» или прародины славян. Одновременно ставится вопрос о необходимости собирания этого материала. В «черных хижинах» простого народа, как писал в 1819—1820 гг. на страницах «Вестника Европы» и «Сына отечества» З. Доленга-Ходаковский, скорее сохраняются в неприкосновенности древние народные обряды и сказки, песни и игры [19] (см. также [20]). Ходаковскому принадлежит и первый план археологических исследований в России, и общая формулировка роли археологических древностей как исторического источника [21]. Изучение материальной культуры славян (в плане прикладном, необходимом для художников, писателей и поэтов) было продолжено А. Н. Олениным, книга которого [22] также свидетельствовала о повороте в археологии от античности к славянской проблематике.

Кроме того, меняется и само понимание методов и значения истории как науки — о новом понимании предмета истории, ее целей и задач свидетельствуют дискуссии и выступления в периодике тех лет: М. Т. Каченовского, Г. Эверса, М. П. Погодина и др. Это в свою очередь содействовало развитию начал буржуазного историзма (т. е. представлению об историческом процессе как постепенной эволюции общественных форм от низших к высшим), который формировался в борьбе метафизического и прагматического методов с историко-генетическим и романтическим в тес-

ной связи с общим развитием русской и западноевропейской философско-исторической мысли [23, с. 3; 24].

Славянистическая проблематика первой трети XIX в. ни в коей мере не укладывается в рамки филологических проблем. В этот период внимание ученых привлекает как славянская история, так и филология, но каждая из этих областей славистики имеет определенную специфическую направленность.

Изучению современной славянской истории уделялось в этот период мало внимания. Отдельные сведения об исторических событиях и о современном положении в польских, чешских, сербских и болгарских землях [25—26] публиковались в периодических изданиях тех лет. В связи с общим интересом к русской истории и особенно к раннему ее периоду в исторической науке заметно усиливается внимание к вопросам славянского этногенеза, древней истории славян, генезиса государственности, возникновению и развитию славянских законодательств. Эти вопросы разрабатывались одновременно с вопросами происхождения русского народа и образования русского государства, поэтому изучение формирования славянской исторической проблематики, относящейся к зарубежным славянам, неотделимо от изучения древнерусской истории. Борьба вокруг этих проблем, нашедшая отражение в дискуссиях тех лет на страницах журналов, свидетельствовала о противоречиях между реакционными официально-монархическими кругами и представителями дворянской оппозиционно-либеральной и декабристской идеологии в вопросах путей дальнейшего развития страны и национальной культуры. Кроме того, выступления журнала «Московский телеграф» и его окружения свидетельствовали о появлении на общественной арене нового класса буржуазии и о зарождении буржуазно-демократических концепций русской национальной культуры. От историков ждали указаний на истоки развернувшихся грандиозных событий и объяснения смысла совершавшихся крупных общественных перемен» [27]. Большую роль в дискуссиях сыграла «История Государства российского» Н. М. Карамзина, в начальных главах которой обозначены основные проблемы, позднее оказавшиеся в центре внимания славистов [28]: общность происхождения и прародины славян, объясняющая общие черты духовной и материальной культуры славян, древнее славянское право и государственность, создание славянской письменности, отличительные черты российских славян по сравнению с другими славянами. У Карамзина эти проблемы рассмотрены бегло, некоторые только названы, многие из них он оставил без решения (например, вопрос откуда и когда славяне появились на территории России). В его задачи не входило их подробное рассмотрение. Одной из главных задач Карамзина было обоснование концепции образования русского государства и возникновения самодержавной власти на основе «единения» монарха с народом (поэтому первостепенное значение придавалось летописному сказанию о призвании варяжских князей и добровольному отказу от народного правления [29; 30; 31]. Однако тенденциозно-монархическая концепция не исчерпывала содержания «Истории» Карамзина, ее огромного значения как труда, обобщающего и завершающего собой целый период разработки русской истории. Ее появление в период патриотического подъема в стране объективно способствовало развитию гражданственности, росту политической активности, формированию национального самосознания и совершенствованию исторического познания. Это понимал А. С. Пушкин, который дал высокую оценку труду Н. М. Карамзина [32; 23, с. 97—121].

Вопросами древней славянской истории в связи с историей русского государства занимались в эти годы М. Т. Каченовский, М. П. Погодин, Н. А. Полевой, многие декабристы, Г. Эверс, Ю. И. Венелин.

М. Т. Каченовский, глава и основатель так называемой «скептической» школы, убежденный в существовании «баснословного» (мифологического) или дописьменного периода в истории каждого народа, отрицательно относился к традиционному освещению древнего периода русской и славянской истории, принятому в русской историографии и повторенному Ка-

рамзиным (т. е. основанному главным образом на летописных свидетельствах «Повести временных лет», в достоверности которых Каченовский сомневался [33]; см. также [34]). Новое понимание предмета, целей и задач исторической науки мы находим у Н. А. Полевого в его статьях и «Истории русского народа», хотя он и не всегда следует своей программе — изображать жизнь русского народа, его политическое и гражданское состояние, его нравы и обычаи, а не «историю государей». Основная мысль Полевого, проводимая в работах, касающихся древнего периода развития русского государства — это образование государства не путем призвания варяжских князей, а путем завоеваний, подобно другим раннефеодальным европейским государствам [35] (см. также [36]). М. П. Погодин в своей книге «О происхождении Руси» [37] излагает все ранее существовавшие точки зрения по этому вопросу и закрепляет историческую концепцию Н. М. Карамзина.

В работах декабристов концепции Н. М. Карамзина противопоставляется романтическая концепция общеславянского единства, высокого уровня развития славянской культуры в древности, утверждение «народоправства» в качестве исконно русской формы государственности [38].

Много внимания вопросам «славянских древностей» уделено в работах Ю. И. Венелина. Изучая славянский этногенез, Венелин пытается пересмотреть и дополнить господствовавшие многие годы в русской историографии теории (и особенно теорию дунайской прародины славян, широко распространенную во всей славянской историографии) и доказать автохтонность («старожилость») славян в Европе. К славянскому этносу Ю. В. Венелин относит и протоболгар, которых он принимает за ветвь русских славян [39]. Работы Ю. И. Венелина привлекали внимание ученых к важному для теории славянского этногенеза вопросу происхождения болгар, окончательно еще не решенному в то время наукой, к вопросам болгарской истории.

Обращают на себя внимание работы Г. Эверса, одного из первых буржуазных историков в России, основателя историко-юридической школы в России [40]. Первый том его большого труда «Русская история» (на немецком яз.) появился одновременно с «Историей» Карамзина в 1816 г., охватывая события от Рюрика до Петра I. Одна из его первых работ («О происхождении русского государства», 1807 г.) целиком была направлена против норманской теории Байера и Шлецера и доказывала черноморское происхождение руссов. Г. Эверс принадлежал к тем ученым, которые в историческом процессе видели прежде всего историю государства. Поэтому его так интересовал вопрос о возникновении государственного начала, которое он стремился обнаружить как можно раньше, доводя до завершающего этапа — монархии. Отсюда интерес Эверса к раннему периоду славянской истории. В труде «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии» (на немецком яз. в 1826 г., на русском яз. в 1835 г.) показана эволюция русского права с древнейших времен до Ярослава Мудрого [41].

В изучении филологической проблематики в первой трети XIX в. были достигнуты определенные успехи. Мы говорили уже, что шло интенсивное выявление, изучение и публикация памятников древней русской и славянской письменности. Большим научным событием стало появление таких изданий, как «Иоанн, экзарх Болгарский» К. Ф. Калайдовича [42], Фрейзингенские отрывки П. И. Кеплена и А. Х. Востокова [43], «Обстоятельное описание славяно-российских рукописей...» К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева [44], «Памятники российской словесности XII в.» К. Ф. Калайдовича [45], «Софийский временник» П. М. Строева [46] и др. Таким образом в научный оборот был введен ряд памятников, важных как с точки зрения славянской истории, так и языка и древней литературы, создавалась база для дальнейшего развития славистики, развивалась палеография.

В это же время получает новый импульс идея сравнительного изучения старославянского, древнерусского и других славянских (письменных) языков, зародившаяся еще в XVIII в.

Идеологическая борьба, которая велась на страницах журналов вокруг дальнейших путей развития русского литературного языка [47], способствовала научной разработке ряда проблем — среди них проблемы происхождения древнецерковнославянского языка, его генетических связей со всей семьей славянских языков. Эта проблема рассматривалась в работах А. С. Шипкова, С. Н. Глинки, И. С. Рижского, Е. Станевича и др. В них утверждалось, что древний церковнославянский язык «есть корень и начало» русского языка и «отец» всех других славянских языков, доказывалось его превосходство над всеми другими языками и, таким образом, церковнославянский язык провозглашался образцом для литературного языка. Существовали и противоположные точки зрения. В работах М. Т. Каченовского, К. Ф. Калайдовича, А. Х. Востокова, Н. А. Полевого и других рассматривались соотношения древнецерковнославянского языка с другими древними славянскими языками и устанавливалось различие между праславянским, который, по их мнению, дал начало всем другим славянским языкам, но остался неизвестен, и древнецерковнославянским, ставшим книжным или письменным в IX столетии уже из наречия. Обсуждался вопрос и о том, какова диалектная основа древнецерковнославянского языка — сербская, болгарская, словенская, моравская. Наиболее распространенным было мнение И. Добровского о сербской основе церковнославянского языка. В решении этого и ряда других вопросов большое значение имела статья А. Х. Востокова «Рассуждение о славянском языке» (1820). В ней было положено начало разработке сравнительно-исторического метода в русском языкознании и определена основа старославянского языка как древнеболгарская [48]. Об интенсивности интереса к проблемам происхождения славянских языков и путей их развития в свете задач формирования русского литературного языка свидетельствует целый ряд выдвинутых в это время различными обществами конкурсных тем: например, существует ли еще подлинный славянский коренной язык и где [49].

Благодаря работам А. Х. Востокова, К. Ф. Калайдовича, М. Т. Каченовского вопрос изучения старославянского (древнецерковнославянского) языка был поставлен на научную основу — из области поисков в нем «корня» всех славянских языков ученые подошли к пониманию его значения как исторического источника изучения славянских языков.

Освоение сравнительно-исторического метода в языкознании было связано в этот период главным образом также с разработкой проблем старославянского языка, с работами И. Добровского и А. Х. Востокова. Влияние западноевропейских ученых, достигших определенных успехов в сравнительно-историческом изучении индоевропейских языков (ранние работы Ф. Боппа, Я. Гримма, Ф. Шлегеля) было еще слабым. Установление контактов с западноевропейской наукой для дальнейшего развития славистических исследований в России становится одной из важнейших задач русской науки. В этом направлении много было сделано П. И. Кеппеном, Н. П. Румянцевым.

Другой важной проблемой, привлекавшей внимание ученых, была проблема родства славянских языков и связанные с ней вопросы классификации славянских языков и территории их распространения в прошлом и настоящем. Вопрос о происхождении восточнославянской группы языков, ее составе, сходстве, различиях, взаимоотношениях этих языков начинают интересовать как русских, так и других славянских ученых (К. Ф. Калайдович, П. И. Кеппен, А. Х. Востоков, Е. А. Болховитинов, М. Т. Каченовский, С.-Б. Линде, Г. Бандтке, И. Добровский). В их работах затрагивались вопросы происхождения украинского и белорусского языков, их связей с русским, польским, русинским, литовским, немецким. Не было единства в понимании и научном обосновании отношения украинского и белорусского языков к самостоятельным языкам или диалектам (наречиям). Трудность решения всех этих вопросов состояла в том, что не было еще ясного понимания общности древнерусской языковой основы (периода Киевской Руси), а диалектологическое изучение славянских языков делало лишь первые шаги. Достижением языкознания

первой трети XIX в. можно считать победу идеи о языке как постоянно развивающемся явлении в противовес теории А. С. Шишкова о богатстве форм древнего языка и его дальнейшем регрессе. Это отмечено в дискуссиях тех лет.

Разработка вопросов происхождения церковнославянского (старославянского) языка, открытие ряда памятников старославянской письменности, их палеографическое, лингвистическое и историческое изучение, особый интерес к древней истории славян привели к возникновению целого комплекса проблем, получивших позднее в науке название кирилло-мефодиевской проблематики. Это вопросы, касающиеся жизни и деятельности Кирилла и Мефодия, распространения богослужения на славянских языках и славянской письменности в славянских странах, происхождения кириллицы и глаголицы и другие. В этой области работали К. Ф. Калайдович, М. П. Погодин, Ю. И. Венелин, Е. А. Болховитинов.

Устойчивым был интерес академической науки к лексикографии и этимологии. В 1806—1822 гг. вышло новое 6-ти томное издание «Словаря Российской Академии»³. В печати обсуждался план издания этимологического словаря А. С. Шишкова. Изданием «Сравнительного словаря всех славянских наречий» интересовался А. Х. Востоков. Лексикографические работы зарубежных славянских ученых: С.-Б. Линде, В. С. Караджича, А. Бернолака обсуждались в печати и поощрялись Российской Академией. К этому времени была осознана и необходимость собирания диалектной лексики. Об этом писали и делали первые шаги в этом направлении К. и И. Калайдовичи, А. Х. Востоков, Ю. И. Венелин, Е. А. Болховитинов, З. Доленга-Ходаковский, И. Григорович, П. И. Кеппен. Н. П. Румянцев включает языковые вопросы в программы археографических экспедиций, организуемых кружком, и намеревается в дальнейшем издать ряд толковых словарей типа «Финского лексикона» Г. Рейнвалья (на латинском яз. 1823—1826 гг.) [17, с. 97].

Но практическое знакомство с живыми славянскими языками было слабым и только начиналось. В 1826—1830 гг. вышло несколько русско-польских словарей и разговорников. Благодаря работам В. С. Караджича научные круги познакомились с грамматикой и словарем сербского языка, а в 1822 г. в небольшом прибавлении к изданию «Сравнительные словари всех языков и наречий...» [51] впервые на основе собранных им материалов он дал определение главных особенностей болгарского языка [52]. В дальнейшем появление трудов Ю. И. Венелина ориентирует ученых на изучение болгарского языка [53].

В этот же период начинается изучение истории и современного состояния славянских литератур. В журналах появляются статьи о польской, чешской, сербской, словацкой, болгарской литературах. Наиболее регулярно помещали статьи-обзоры или переводные статьи по этому предмету журналы «Вестник Европы» и «Библиографические листы» [54].

Наряду с другими факторами, например, ростом национального самосознания, романтизм, формирующийся в России как литературное течение и одновременно как широкое культурно-идеологическое направление, с его требованиями исторической определенности и национального характера, вызвал значительный интерес к особенностям национальной культуры различных славянских народов, к фольклору, обычаям, обрядам, мифологии. Появляются не только первые сборники песен, сказок, пословиц славян Н. А. Цертелева, М. А. Максимовича, В. С. Караджича, но и делаются попытки на их основании определить особенности национального характера, жизни, быта славян (работы Ю. И. Венелина, И. П. Сахарова, И. М. Снегирева) [55, 56]. Историческая наука, обраща-

³ Российская Академия (1783—1841) была основана на базе «Российского собрания любителей русского слова» с целью составления российской грамматики, риторики и правил стихосложения. «Словарь Российской Академии» [50] — первый толковый словарь русского языка, в котором был собран большой лексический и фразеологический материал.

ясь к этой области народного творчества, искала в ней подтверждение идеям общности исторических судеб славян в прошлом.

Важным фактором, имевшим значение для развития славистики именно в этот период, были путешествия ученых в славянские земли (путешествия А. И. Тургенева, А. С. Кайсарова, З. Доленги-Ходаковского, П. И. Кеппена, Ю. И. Венелина [57]). Как и у участников археографических экспедиций по России, их программы были сложными: кроме собирания и описания рукописей, ученые-путешественники интересовались историей, археологией, этнографией, фольклором, языком. В этом отношении наиболее значительно путешествие П. И. Кеппена (1821—1824) в славянские земли — Воеводину, Славонию, Срем, Прагу, Краков, Вроцлав, Варшаву и др. Его описания страны (области, города, селения) обычно строились по единому плану: географическое положение, климат, почвы и полезные ископаемые, население, нравы и обычаи, язык, история. Особые славистические интересы Кеппена отразились в собирании и изучении древних памятников славянской письменности и археологических памятников, различных сведений по истории славянского книгопечатания, славянским языкам и диалектам. Его интересовали границы распространения, особенности произношения, лексика, топонимика. В архиве Кеппена ⁴ хранится большая подборка палеографического, лингво-географического, диалектологического материалов, собранных как во время путешествия Кеппена по России, так и за границей. В его дневнике содержатся сведения о 14 славянских языках и диалектах.

Такой же обширной была программа Ю. И. Венелина. В результате путешествия Ю. И. Венелина была сделана важная попытка создания грамматики новоболгарского языка, начато составление словаря болгарского языка, сборника болгарских песен. Путешествия расширяли знания о славянстве, укрепляли связи с видными деятелями славянской науки и культуры: И. Добровским, С.-Б. Линде, В. Ганкой, В. С. Карраджичем, Л. Мушицким и др. Они способствовали накоплению новых сведений о славянах в различных областях их жизни, поэтому идея общности славянских народов, получившая такое широкое распространение во всех славянских странах в начале XIX в. и имевшая непосредственное отношение к формированию славяноведения [59], становится более конкретной и осязаемой: языковое родство, общность обычаев, обрядов, фольклорных сюжетов неоднократно отмечается русскими путешественниками [60].

Становление славяноведения в России происходит в этот период в тесной связи с развитием славистики в славянских странах. Влияние идей и трудов И. Добровского, В. Ганки, польских ученых (С.-Б. Линде, Г. Бандтке, В. Л. Суroveцкого, И.-Б. Раковецкого), сербских (В. С. Карраджича) ощущается в ряде работ русских ученых. Сильным остается и влияние немецкой научной мысли: труды А.-Л. Шлецера, И.-Х. Энгеля, Й. Тунмана, И.-С. Фатера продолжали служить источниками и образцами критического метода. Однако их славянские концепции уже не могли удовлетворять представителей новых общественно-политических и идейно-научных течений, появившихся на рубеже 30—40-х годов (романтизм, славянофильство, западничество). Наиболее ярко борьба романтических концепций с немецкой исторической школой отразилась в работах одного из первых представителей романтического направления в первой трети XIX в. — Ю. И. Венелина.

Таковы основные особенности этого периода в развитии славистики в России. Общая недифференцированность славистики и русистики (формирование славистики как части русистики), синкретизм, свойственный периоду становления науки, метод широкого, комплексного подхода к изучению славянства приводили к тому, что вопросами истории, этнографии, языка и литературы славян часто занимались одни и те же ученые. В этот период славистика развивается как единое представление о проис-

⁴ Архив Кеппена хранится: [58].

хождении, языке, памятниках и истории славян. Это можно видеть в работах К. Ф. Калайдовича, М. Т. Каченовского, Ю. И. Венелина, М. П. Погодина и др. Главная особенность, присущая большинству славистических работ этого времени и обусловившая их специфику, — неизбежный синкретический характер изучения славистики, когда только начиналась специализация в этой области знания, и не было еще ясного понимания ряда славистических вопросов. Это, например, вопросы о «коренном славенском» языке (праславянском) и древнецерковнославянском, о классификации славянских языков, кириллице и глаголице и др. Крайне запутанным был вопрос о славянском этногенезе, нарастали противоречия в понимании древней истории славян, роли норманнов в истории России и т. п. Незавершенным оставался процесс становления ряда научных критериев и принципов, а также самой терминологии. Долгий путь закрепления в научной литературе прошли, например, термины славянский — словенский — славенский, народописы — этнография, язык — наречие, древности — археология⁵ и др. Идеологическая борьба, которая велась на страницах журналов вокруг проблем образования древнерусского государства и происхождения государственной власти, естественно связывавшаяся с проблемой генезиса государственности у славян, вокруг дальнейших путей развития русского литературного языка, проблемы народности и самобытности в литературе и искусстве способствовали разработке ряда новых славистических вопросов и целых комплексов проблем. Это расширение и определение славянской проблематики внутри русистики, появление новых направлений и областей исследования — например, славянской лексикографии, палеографии, славянской археологии и этнографии, славянских законодательств, кирилло-мефодиевской проблематики [62], разработка и овладение новыми методами и принципами в решении ряда задач — свидетельствовали о постепенном вычленении славистики как отдельной дисциплины из области русистики, что мы наблюдаем к концу тридцатых годов XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов С. В.* Русское и славянское языкознание в России (первая половина XIX в.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Л., 1977.
2. *Лаптева Л. П.* В. А. Францев как историк славянства. — В кн.: Славянская историография. М., 1966.
3. *Марков Д. Ф., Дьяков В. А., Мильников А. С.* Некоторые узловые методологические вопросы истории мировой славистики. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. М., 1978.
4. *Мильников А. С.* К вопросу о путях и особенностях формирования славяноведения в России. — В кн.: *Stúdie z dejin svetovej slavistiky do polovice 19. storočia.* Bratislava, 1978.
5. *Булахов М. Г.* Основные этапы развития славянского языкознания в России (до 1917 г.). — В кн.: Методологические проблемы истории славистики. М., 1978.
6. Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979.
7. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 263—264.
8. *Афиани В. Ю.* Публикация исторических документов в отечественных журналах первой трети XIX в. (Опыт историографического изучения.) Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1982.
9. *Бантыш-Каменский Д. Н.* Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810.
10. *Броневский В. В.* Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г. Ч. 1—2. М., 1828.
11. *Кеппен П. И.* Описание славянских древностей в Сирмии (Из писем Кеппена к Калайдовичу). — Северный архив, ч. V, № 1. СПб., 1823.

⁵ В первой трети XIX в. термин «археология» имел расплывчатое значение. Археологом называл себя, например, известный филолог К. Ф. Калайдович. Под археологией, в узком смысле, подразумевалась история древнего искусства, а шире — древностей вообще, куда включались все памятники прошлого, в том числе и письменные [61].

12. *Тепляков В. Г.* Письма из Болгарии. М., 1833.
13. *Лажечников И. И.* Походные записки русского офицера. СПб., 1820.
14. *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера. Ч. IV. М., 1815.
15. *Русова З. М.* Историческая тема в жанре романтической поэмы первой трети XIX в.— Уч. зап. Горьковского гос. ун-та, 1962, сер. историко-филол., вып. 57, с. 185.
16. *Вестник Европы*, 1802, № 24, с. 289—308.
17. *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981.
18. *Шлецер А. Л.* Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сллченные, переведенные и объясненные. СПб., 1809—1819.
19. *Доленга-Ходаковский З.* Извлечение из плана путешествия по России для отыскания древностей славянских.— *Вестник Европы*, 1820, № 17, с. 34.
20. *Виноградова Л. Н.* Первые польские этнографические программы.— *Советское славяноведение*, 1981, № 6, с. 84—85.
21. *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961, с. 57.
22. *Олеин А. Н.* Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения словен от времен Трояна до нашествия татар. СПб., 1832.
23. *Тойбин И. М.* Пушкин и философско-историческая мысль в России на рубеже 1820 и 1830 гг. Воронеж, 1980.
24. *Вайнштейн О. Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX вв. Л., 1979, с. 71—72.
25. *Достян И. С.* Българите в руската литература и периодичен печат през първите десетилетия на XIX в.— В сб.: *Българското възраждане и Русия*. София, 1981, с. 193—210.
26. *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы: От Радищева до декабристов. М., 1980, с. 116—221.
27. *Иллерицкий В. Е.* Революционная историческая мысль в России. (Домарксистский период.) М., 1974, с. 44.
28. *Кудрявцев И. А.* «История Государства Российского» Н. М. Карамзина в русской историографии. Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1955.
29. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского, Т. I. 4-е изд. СПб., 1833. с. 51, 113—114, 236—237 и др.
30. *Кислягина Л. Г.* Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина. М., 1976.
31. *Минаева Н. В.* Европейский легитимизм и эволюция политических представлений Н. М. Карамзина.— *История СССР*, 1982, № 5, с. 150—159.
32. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 10-и т. 4-е изд. Л., 1978, т. 8, с. 49—51.
33. *Каченовский М. Т.* О баснословном времени в российской истории.— Уч. зап. Моск. ун-та. Ч. 1. М., 1833, № 2, с. 273—298; № 3, с. 674—698.
34. *Шецов В. И.* «Скептическая» школа М. Т. Каченовского в оценке В. С. Иконникова.— В сб.: *Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения*. Вып. 2. Днепрпетровск, 1976, с. 80—88.
35. *Полевой Н. А.* История русского народа. В 6-и т. 2-е изд. М., 1830, т. I, с. XXXVI—XXXVII.
36. *Шилко А. Е.* Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., 1981.
37. *Погодин М. П.* О происхождении Руси. СПб., 1825.
38. *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. М.— Л., 1958.
39. *Венелин Ю. И.* Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1829.
40. *Нечкина М. В.* Густав Эверс.— В кн.: *Русская историческая литература в классовом освещении*. Сб. статей под ред. М. Н. Покровского. Т. 1. М., 1927, с. 21—22.
41. *Шецов В. И.* Густав Эверс в русской историографии: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Днепрпетровск, 1970.
42. *Калайдович К.* Иоанн, экзарх Болгарский: Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий. М., 1824.
43. *Собрание словенских памятников, находящихся вне России*. Составлено П. Кепшеном. СПб., 1827. Кн. 1. Памятники, собранные в Германии.
44. *Обстоятельное описание славянорусских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке гр. Ф. А. Толстого, с тетрадью палеографических снимков*. Издали К. Калайдович и П. Строев. М., 1825.
45. *Памятники российской словесности XII века: Сочинения Кирилла Туровского, митрополита Никифора, Даниила Заточника, вопросы Кирика, изданные с объяснениями, вариантами и образцами почерков К. Калайдовичем*. М., 1821.
46. *Софийский временник, или Русская летопись, с 862 по 1534*. Изд. П. Строев. М., 1820—1821. Ч. 1—2.
47. *Никулина М. В.* Славянская проблематика в общественно-литературной борьбе первой трети XIX в. (На материале русских периодических изданий).— В сб.: *Исследования по историографии славяноведения и балкавистики*. М., 1981, с. 136—159.
48. *Цейтлин Р. М.* Академик Востоков как славист.— *Вестник Академии наук СССР*, 1982, № 2.
49. *Булич С. К.* Очерк истории языкования в России. Т. I. СПб., 1904, с. 745—746.
50. *Словарь Российской Академии*. 1-е изд. СПб., 1789—1794.
51. *Сравнительные словари всех языков и наречий...* СПб., т. I, 1787; т. II, 1789.
52. *Караджич В. С.* Додатак к Санктпетербургским сравнительным рјечницима свију језика и нарјечија, с особитим огледама бугарског језика. Виена, 1822.

53. *Венедиктов Г. К.* Първа страница в историята на изучаването на българския език от руски учени. — В сб.: Българското възраждане и Русия. София, 1981, с. 212—236.
54. *Лешчиловскаја И.* Руска периодика прве трећине XIX века о српској књижевности. — В сб.: Прилози проучавању српско-руских књ ижевних веза (прва половина XIX в.). Нови Сад, 1980, с. 169—189.
55. *Венелин Ю. И.* О характере народных песен у славян задунайских. 1. Сербские. М., 1835.
56. *Сахаров И. П.* Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. Ч. I. СПб., 1836.
57. *Никулина М. В.* Первые научные путешествия в славянские земли и их роль в формировании русского славяноведения (первая треть XIX в.) — Уч. зап. Тартуского гос. ун-та (Из истории славяноведения в России. Труды по русской и славянской филологии). Вып. 573. Тарту, 1981, с. 75—95.
58. Архив АН СССР (Ленинград), ф. 30, оп. 1—3.
59. *Дьяков В. А.* Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (с конца XVIII в. до 1939 г.) — В сб.: Методологические проблемы истории славистики. М., 1978, с. 232—260.
60. *Цейтлин Р. М., Никулина М. В. П. И.* Кеппен и его путешествие по Сербии и Хорватии и соседним с ними землям. — Сборник за славистику. Нови Сад, 1979, № 17, с. 69—72.
61. *Формозов А. А.* История термина «археология». — Вопросы истории, 1975, № 8, с. 214—218.
62. *Дроснева Е. Д.* Становление русской болгаристики (до середины XIX в.). Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Л., 1980.

ИВАНОВ Ю. Ф.

ЯН ГУС В СОВЕТСКОЙ ПОСЛЕВОЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Деятельность Яна Гуса — идеолога бюргерства, вождя чешского национального движения и церковного реформатора постоянно привлекает внимание исследователей. С именем Гуса связана одна из славных страниц истории братского народа. Разобраться во взглядах героя — значит глубже понять закономерности классовой борьбы в средние века, понять природу национальных конфликтов в Чехии конца XIV — начала XV в., уяснить начало процесса формирования революционной антифеодальной идеологии, проследить некоторые местные особенности взаимоотношений светской власти с церковью. Буржуазная наука собрала много фактов, связанных с Гусом, выявила важные биографические детали, к которым уже вряд ли что можно прибавить. Дать же им классовую интерпретацию буржуазные ученые оказались не в состоянии. Идеалистическое толкование социальной функции церкви и религии в средние века не позволило им разглядеть в проповеднике выразителя взглядов определенного общественного слоя.

Проблемы, относящиеся к Гусу и его времени, рассматривались еще на ранних этапах развития советской исторической науки и были проанализированы в работе Г. Э. Санчука [1]. Однако в полной мере гуситские исследования развернулись с начала 50-х годов. Специалисты, обратившиеся к учению Яна Гуса, не обошли стороной и характеристику личности прославленного чешского магистра. Историками единодушно отмечалась его убежденность в правоте своих взглядов, величие и непоколебимое мужество.

В 1951 г. А. С. Сазонова защитила кандидатскую диссертацию «Социально-политические и национальные требования в учении Яна Гуса», положения и выводы которой затем были опубликованы [2; 3]¹. Это было первое исследование о чешском патриоте в нашей историографии, выполненное на основе источников. Методологическую основу диссертации составляют принципы, высказанные Ф. Энгельсом в работах «Крестьянская война в Германии» [5, т. 7] и «О разложении феодализма и возникновении национальных государств» [5, т. 21]. В этих и других произведениях основоположников марксизма искала молодой историк ключ к пониманию сложной и противоречивой эпохи. Они же помогли найти ответы на вопросы, возникшие при изучении идеологических систем зрелого и позднего средневековья. В своем исследовании Сазонова руководствовалась высказываниями Э. Неедлы в статье «Коммунисты и национальные традиции»: «Я знаю Гуса очень хорошо, так как занимался им и его произведениями уже с молодости; меня всегда поражало, как мало Гус был теологом, как

¹ Диссертацию и автореферат А. С. Сазоновой положительно оценили чехословацкие историки [4].

мало занимался вопросами существования и сущности бога. Зато его глубоко трогал и интересовал народ и страдания народа...»².

А. С. Сазонова поставила целью прежде всего выяснить специфику чешской бюргерской оппозиции, справедливо полагая, что такой анализ поможет выявить противоречия, породившие критическую мысль проповедника. Ей требовалось объяснить суть национального вопроса в Чехии на рубеже XIV и XV столетий. Исследовательница считала, что национальный вопрос непременно должен быть связан с периодом образования нации. «Нации, — писал В. И. Ленин, — неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития» [7, т. 26, с. 75]. Отсюда вытекает, что возникновение нации как одной из форм общественных отношений среди определенного народа и на территории, где данный народ проживает, связано с возникновением капиталистического способа производства. Сазонова, исходя из этого, не сочла возможным говорить о национальном вопросе в чисто феодальной среде и допустила неверное толкование предгуситского периода в Чехии как периода «формирования в недрах феодализма буржуазных отношений» [2, с. 63], как времени крайнего обострения «социальных и национальных противоречий, связанных с ломкой старых производственных отношений» [2, с. 63]. Впрочем, этот тезис, не нашедший подтверждения в исследованиях, посвященных социальной предыстории гуситских войн³, не отразился на трактовке автором классового смысла учения Яна Гуса, и чешский патриот не характеризовался как поборник новой буржуазной эпохи.

Национальный вопрос может возникнуть в условиях господства феодальных отношений, когда происходит консолидация народностей в нации. Этот процесс связан с преодолением феодальной раздробленности, расширением рыночных связей, с борьбой против внешних врагов. Полагаем, что перерастание народности в национальность и национальности в нацию может быть ускорено там, где в государстве одна национальность поставлена в привилегированное положение относительно другой, как это имело место в Чехии. Тогда особо обостряется национальное самосознание угнетенного народа. Тем более, что немцы в средневековой Чехии являлись пришлым элементом, а занимаемые ими позиции среди господствующего класса и в городской общине позволяли эксплуатировать аборигенов. Конфронтация между двумя народностями ускоряла складывание среди чехов языковой общности, заставляла их развивать свою национальную культуру. И это все происходило в условиях, когда верхи из престижных соображений онемечивались.

В силу этих или каких-то близких соображений А. С. Сазонова вскоре отказалась от своего первоначального суждения. Она выдвинула принципиально иное положение, гласящее, что «изучаемый период в истории Чехии характеризуется ростом товарно-денежных отношений в недрах феодализма» [3, с. 241]. Такое определение позволило точнее показать роль средних городских слоев на рубеже XIV—XV вв. Перед исследовательницей встало много вопросов, связанных с бюргерством. Но она выбрала только те, которые позволили выявить специфику чешской бюргерской оппозиции. Она установила, что, поскольку господствующее положение в чешском городе занимали представители немецкого патрициата, то бюргерская оппозиция направлялась там не только против феодальной эксплуатации со стороны католического духовенства, но и против национального угнетения [3, с. 241]. Ничего подобного в других странах Западной Европы в те времена не наблюдалось. Было отмечено также, что часть чешского дворянства солидаризировалась с бюргерством. Автор высказала предположение, что в ряды бюргерской оппозиции вливались те дворяне, владения которых были урезаны духовно-феодальной аристократией, но не учла того, что и светские магнаты посягали на земли рыцарей и за их счет округляли свои владения. В частности, так поступил

² Цит. по кн. [6].

³ Сопшемся на монографию Б. Т. Рубцова [8].

шан Ендрих из Рожемберка с Яном Жижкой из Троцнова. Но и это не окончательное решение вопроса — предстоит еще установить, как реагировало мелкое и среднее дворянство на рост товарно-денежных отношений, как росла их задолженность, которая принудила многих из них совсем отказаться от земли, не переходили ли их владения в руки патрициата, ссужавшего деньгами под земельные залоги? Ясно, что чешское рыцарство, начавшее приходить в упадок, связывая свое разорение с господством немецкой и онемеченной аристократии, держалось национальной идеи. Наглядным подтверждением этого явилось появление антинемецкой хроники Далимила [9].

Слабое чешское бюргерство, как справедливо полагает Сазонова, стремилось использовать в борьбе с католическим духовенством и патрициатом силу оппозиционного рыцарства и широкие народные массы. То была первая в советской историографии попытка определить условия объединения в одном лагере различных классовых группировок чешского общества. Исходя из наличия такого блока, автор и анализировала сущность учения Яна Гуса. Она установила, что «выступление Гуса против церковных феодалов было отражением требований чешской бюргерской оппозиции и примкнувших к ней широких народных масс и части мелкого и среднего дворянства» [3, с. 248].

Бюргерская оппозиция феодализму по всей Европе проявлялась прежде всего в виде богословских ересей, что объяснялось главенствующей ролью средневековой католической церкви. Широко известны слова Ф. Энгельса о ее социальной роли: «Она окружила феодальный строй ореолом божественной благодати. Свою собственную иерархию она установила по феодальному образу, и, наконец, она была самым крупным феодальным сеньором, потому что ей принадлежало не менее третьей части всех земельных владений в католических странах. Прежде чем начать успешную борьбу против светского феодализма в каждой стране и в отдельных его сферах, необходимо было разрушить эту его центральную священную организацию» [4, т. 22, с. 306]. Данное высказывание раскрывает причины того, почему борьба с феодализмом первоначально велась в церковной области. А. С. Сазонова и показала, что Гус направил главный удар против церковного феодализма.

Силы для борьбы чешский магистр черпал из общения с народом. Не в этом ли скрывается одно из существеннейших отличий Гуса от ортодоксальных ученых богословов? Те приходили к мысли о необходимости реформировать церковь «в большинстве случаев отнюдь не от общения с народом, а от общения с уже сильно ограниченными и переработанными отголосками народных настроений в виде умеренных бюргерских ересей» [10, с. 5].

А. С. Сазонова привела веские доводы в пользу того, что требование ликвидации церковной собственности выдвигалось Гусом не с позиций бедноты, как иногда полагали некоторые историки, а в сугубо бюргерском духе, т. е. со свойственной бюргерству ориентацией на господствующие слои общества и оттеснением от борьбы основных антифеодальных сил: крестьянства и городского плебса [3, с. 252]. Выразителен установленный исследовательницей факт: Гус нигде ни разу не упомянул о передаче секуляризованных церковных земель простому люду. Сазонова доказала, что ликвидация церковно-феодальной собственности в том виде, как предлагал это сделать чешский реформатор, пошла бы на пользу королю и крупным светским магнатам. Бюргерство и рыцарство тоже получили бы свою долю из секуляризованных имуществ церкви. Но широкие массы крестьянства и городских низов при этом оставались бы в стороне.

Такую позицию чешского бюргерства автор объясняет тем, что оно к началу XV в. еще не созрело для решительной ломки всей феодальной системы, а требование наделения бедноты землей ничего иного означать не могло. В таком объяснении есть некоторая теоретическая слабость. В Чехии на рубеже XIV—XV вв. вообще не созрели условия для ликвидации феодализма. Однако и там, где такие условия появились, например в Германии начала XVI в., бюргерство не выдвигало требования ликвидации

феодализма⁴. Объяснить это можно двойственным положением среднего городского слоя в феодальном обществе — с одной стороны, бюргерство испытывало притеснения от духовных и светских феодалов, а также городского патрициата, с другой — это была имущая часть населения, которая приспособилась к феодальным отношениям, поскольку они обеспечивали ремесленникам сохранность цехового строя с его замкнутостью, способствовали эксплуатации городских низов, давали возможность получать заказы от крупной светской и духовной знати, эксплуатировать крестьянство. В городах постоянно шел процесс социального возвышения из среднего слоя в патрицианский (хотя такие шансы имела незначительная часть ремесленников и торговцев, мечтали об этом многие). Высшая прослойка бюргерства по жизненному обеспечению и поведенческим идеалам приближалась к дворянству, особенно мелкому. И потому, ведя борьбу за лучшие условия существования, вступая в союзы с различными слоями общества, оно в то же время не забывало о своих собственных феодальных связях и, учитывая их, охотно шло на соглашение с господствующим классом, получив небольшую уступку. В целом борьба бюргерства с дворянством велась по частным вопросам и не носила всеобъемлющего характера. Только буржуазия, будучи политически зрелой и просвещенной антифеодальной силой, пошла ради ликвидации феодальных отношений на революцию. А бюргерству XV в., чтобы превратиться в буржуазию, предстояло еще длительный путь эволюции.

Словом, теоретическая неразработанность в то время важной проблемы не позволила А. С. Сазоновой дать исчерпывающее объяснение нерешительной политики чешского бюргерства. Да и сейчас многие вопросы еще не ясны, и следует продолжать исследование роли бюргерства в гуситских войнах, где оно выступало не с целью уничтожения класса феодалов, а исключительно в интересах своего собственного освобождения из-под его власти.

А. С. Сазонова изучала и национальные требования в учении чешского проповедника. Она установила, что Гус вплотную подошел к идее создания национальной церкви в Чехии: он пытался ввести богослужение на чешском языке, протестовал против назначения в страну иноземного духовенства. Центрами национального движения стали Вифлеемская часовня, где Ян Гус проповедовал, и Пражский университет, магистром которого он являлся. Сазонова опровергает концепцию буржуазной историографии, которая связывает издание Кутногорского декрета только с внешними политическими событиями. Исследовательница видит в этом акте проявление назревших противоречий между чехами и немцами внутри страны⁵. В то же время автор возражает тем представителям буржуазной националистической немецкой историографии, которые пытались представить чешского патриота врагом всего немецкого. В этом вопросе Сазонова солидаризируется с теми, в том числе и чешскими либеральными историками (Фляйшганс [13], Новотный [14]), кто отмечал отсутствие у Гуса шовинистических настроений и доказывал, что он боролся не против немцев, а за права чехов.

Одну из главных заслуг Гуса автор видит в том, что он выступал против чрезмерной эксплуатации, обличал злоупотребления, притеснения и жестокости господствующего класса. Причем Сазонова подчеркивает, что хотя демократические настроения магистра — результат влияния городских низов и крестьянства, однако нет никаких оснований считать его выразителем интересов бедноты. Гус выражал интересы народных масс с классовых позиций бюргерства постольку, поскольку их требования сов-

⁴ Достаточно ознакомиться с «Гельбронской программой», чтобы в этом убедиться.

⁵ Литература об обстоятельствах издания Кутногорского декрета столь обширна, что может явиться предметом отдельного рассмотрения. Анализ работ буржуазных авторов по этой теме сделал А. И. Озолин [11]. Саратовский ученый поддерживает точку зрения А. С. Сазоновой и доказывает ошибочность взглядов тех, кто пытается ее опровергнуть. Он считает, что Кутногорский декрет следует рассматривать как составную часть «общечешского национально-освободительного и реформационного движения» [11, с. 158]. Иногда высказывается мнение, что значение Гуса в издании Кутногорского декрета сильно преувеличено [12].

падали. Те же требования, которые в массе народа звучали радикальней, чем у бюргерства, магистром игнорировались. Он не ставил вопрос о ликвидации повинностей, отмене зависимости, возвращении крестьянам общинных угодий и т. д.

Автор пришла к выводу, что деятельность Гуса ускорила нарастание в стране широкого антифеодального движения, а его учение явилось одним из компонентов формирования антифеодальной крестьянско-таборитской программы. Работа А. С. Сазоновой дала толчок к расширению исследований о месте Гуса в истории антифеодальной мысли.

Другие аспекты учения Яна Гуса рассматривались И. Р. Фишер [15]. Исследовательница посвятила главную часть своей работы выяснению взглядов выдающегося патриота на единство и независимость Чехии. Автор исходит из того, что чешское бюргерство на пороге XV в. было в сильной степени заинтересовано в установлении единства страны, в преодолении ее раздробленности и ликвидации тягостных феодальных усобиц. Не случайно средние слои чешского города охотно поддерживали короля материально, а при необходимости и оружием.

В статье подчеркнута требование Гуса прекратить борьбу феодальных клик, аргументы для которого он находил в Библии. Особо Фишер останавливается на его высказываниях о необходимости установления политического единства. Причем, автор выдвигает правомерное предположение, что эти идеи магистра встречали сочувствие не только среди бюргерства, но и в более широких слоях народа, поскольку феодальные неурядицы практически затрагивали все общество.

И. Р. Фишер обосновывает мысль о том, что Гус ратовал не только за политическое, но и за экономическое единство страны. Она указала, что чешский патриот с сожалением говорил об отсутствии единых мер и весов. Факт, несомненно, интересный, свидетельствующий, по мнению автора, о том, что Гуса волновали экономические интересы бюргерства [15, с. 281]. Однако уточним следующее: Гуса не устраивало только то, что в Праге одна мера применялась в Новом месте, другая — на Малой стороне [16]. Следовательно делать заключение, что Гус стоял за экономическое единство всей страны, рискованно. Он отражал интересы, прежде всего, пражского бюргерства⁶. А кроме того, установления единых мер и весов еще далеко недостаточно для экономического слияния отдельных обособленных областей феодального государства. Высказывание знаменитого проповедника скорее свидетельствовало о том, что бюргерство начинает беспокоиться о необходимости единообразия в системе количественного измерения товаров.

И. Р. Фишер обратила внимание на выступление Гуса в поддержку сильного короля, хотя с присущим ему демократизмом он не предписывал пастве слепо повиноваться верховной власти. Впрочем, магистр и не побуждал оказывать ей сопротивление. Проповедник не мыслил себе единого государства вне феодальной сословной монархии с дворянством во главе. Причины его широкой популярности Фишер видит в том, что одно и то же высказывание Гуса неадекватно воспринималось различными слоями и классами чешского общества. Так, идея магистра о свободе толкования каждым человеком евангельских понятий добра и зла воспринималась бюргерством как основание для борьбы за активную роль в политической жизни страны, а крестьянством и городским плебейством — как прямой призыв к восстанию [15, с. 283]. Мысль безусловно интересная, объясняющая, как бюргерская ересь Гуса, не призывавшая к революционному ниспровержению существующего строя, перерастала в крестьянско-плебейскую ересь, сочетавшуюся с восстанием.

Общий вывод, который делает И. Р. Фишер, в основном совпадает с выводом ее предшественницы: Гус представлял собой типичного идеолога

⁶ До сих пор не ясно, на какой рынок работали на грани XIV—XV вв. пражские ремесленники. Я. Мезник полагает, что некоторые ремесленники поставляли продукцию не только на местный, но и на более отдаленные рынки [17]. В противовес этому мнению Р. Новый считает, что не существовало ремесел, продукция которых выходила бы за рамки местного рынка [18].

бюргерства, «еще не помышлявшего о революции против дворянства, еще не мыслившего общества без руководящей роли дворян. В отношении крестьян он ограничивался либеральными пожеланиями» [15, с. 284]. Конечно, употребление здесь термина «либеральные пожелания» не совсем правомерно (думается нет надобности навязывать средневековую чуждые ему понятия). В остальном с выводами Фишер нельзя не согласиться.

К названным работам тематически тесно примыкает статья ленинградского правоведа Г. П. Беляевой [19]. В ней затрагивается в основном тот же круг проблем, исследованы те же источники, а именно — чешские сочинения магистра. Историкографического рассмотрения заслуживают лишь отдельные моменты, на которых мы и остановимся.

Г. П. Беляеву интересует постоянно волнующий историков вопрос, почему учение Гуса имело несравненно большее распространение и более широкие отклики, чем идеи одного из его предшественников — Джона Виклифа. Автор полагает, что в отличие от английского реформатора и более ранних чешских проповедников — Яна Милича, Матея из Янова и Томаса Штитного — Ян Гус «сумел подняться от критики католицизма до прямого протеста против социальной несправедливости и господства церкви» [19, с. 223]. Такая трактовка, на наш взгляд, только запутывает дело, поскольку не ясно, чем критика отличается от протеста. Причем, надо помнить, что некоторые положения у Виклифа звучали резче, чем у Гуса. А к насильственным действиям не призывал ни тот, ни другой. Видимо, особая популярность Гуса вызвана тем, что ему было присуще высокое национальное самосознание, импонировавшее чешскому бюргерству и рыцарству. Нельзя забывать и того, что по мере нарастания противоречий в чешском обществе проповеди Яна Гуса звучали смелее и резче. По-иному поступал Джон Виклиф. В событиях 1381 г. он не участвовал, отрекшись от лоллардов. Более того, после восстания Уота Тайлера он пересмотрел свои прежние взгляды, заново отредактировал ранее написанные работы, исключил из них революционно звучащие доктрины, стал «более осторожным в социальных вопросах» [20]. Ренегатство, как известно, народными массами никогда не поощрялось.

Обстановке, в которой действовал Гус, Беляева не уделила должного внимания. Она упорно называет чешских крестьян предгуситского периода «крепостными», хотя ко времени написания статьи было твердо установлено, что подавляющее большинство чешского крестьянства находилось не в крепостном, а в феодально-зависимом состоянии [21, 22]. Г. П. Беляева настойчиво стремится представить Яна Гуса более левым, чем он показан в работах А. С. Сазоновой и И. Р. Фишер. Она пробует доказать, что главным в учении Гуса было теоретическое обоснование «важнейших требований народных масс об уничтожении сословных привилегий духовенства, а также уничтожении церковно-феодальной иерархии» [19, с. 226]. Но это были, прежде всего, требования бюргерства. Попытка «подтолкнуть» Гуса влево звучит и в резюме всей работы — Г. П. Беляева пишет, что магистр, «выражая объективно стремление народных масс, оставался в основном идеологом бюргерской оппозиции» [19, с. 237]. С этим нельзя полностью согласиться: требования народных масс отразились в идеях и действиях таборитов, Гусу же было чуждо стремление крестьянства освободиться от поземельной и судебной зависимости, избавиться от феодальных повинностей, вернуть себе право беспрепятственного пользования общинными землями и т. д. Несмотря на свой демократизм, Гус объективно оставался проповедником бюргерской ереси, отрицая основы поддерживаемой католическим духовенством авторитарной церкви, требуя секуляризации церковных имуществ и ликвидации превосходства немецкого элемента над чешским. Последнее отражало специфику чешского развития. Таким образом, Г. П. Беляева в известной мере допустила путаницу в марксистской интерпретации классовых позиций чешского патриота.

Летом 1965 г. Министерство высшего и среднего специального образования СССР, Институт славяноведения АН СССР и Московский университет в связи с 550-летием со дня смерти Гуса в Констанце провели научную

конференцию, посвященную его памяти. Отчет о конференции с подробным пересказом докладов опубликован [23]. В ознаменование этой даты доцент Г. И. Липатникова выступила с докладом на объединенном заседании Ученого совета исторического факультета Воронежского государственного университета и кафедры истории Воронежского педагогического института [24]. Докладчица располагала солидной базой источников и литературой вопроса. Она показала, что в условиях, когда нарастание оппозиции феодализму в городе шло быстрее, чем в деревне, Гус, представляя средний городской слой, сформулировал «одинаково приемлемые для бюргеров, плебеев и крестьян социальные и национальные требования, положившие начало созданию гуситской революционной идеологии» [24, с. 10].

Г. И. Липатникова согласилась с утверждением своих предшественников, что на первых порах бюргерская оппозиция являлась общенациональной, включая в себя и оппозиционные течения других классов. Добавим, что без поддержки низших слоев населения средним было бы невозможно с надеждой на успех бороться за выполнение своих требований. Но автор предупреждает, что учение Гуса нельзя отождествлять с настроениями народных масс и передового бюргерства. Вывод сделан на основе тщательного изучения наследия самого магистра и критического рассмотрения историографии вопроса.

В докладе затрагивался один пока еще, в сущности, не изученный вопрос — об отношении Гуса к гуманистической идеологии, хотя и до Г. И. Липатниковой он ставился и в советской и в чехословацкой историографии. А. И. Клибанов [25], К. Стейскал [26] и другие обнаружили у чешского магистра-проповедника черты, которые сближали его с культурой Возрождения. Воронежская исследовательница подобные мнения оспаривает, считая их явным преувеличением. Впрочем, автор тут же отмечает, что Гуса с деятелями раннего Ренессанса объединяет вера в творческий дух человека, в право человека на свое собственное критическое отношение к окружающему [24, с. 11]. Такое заключение уже само по себе примечательно. Значит, чешский магистр не являлся обычным средневековым схоластом, и некоторые его взгляды сближались со взглядами гуманистов второй половины XIV в. К сказанному можно добавить, что и в вопросах семейных отношений мысли Гуса не были ортодоксально аскетическими [27]. Складывание культуры Возрождения представляет собою длительный процесс накопления новых человеческих ценностей, отличных от господствовавших в классическое средневековье. Элементы гуманизма выстраивались в единую систему постепенно, исподволь, и предстоит еще выяснить, как Гус к ним относился. Замечаниями, сказанными мимоходом, тут нельзя ограничиться. Для решения проблемы в целом надо установить, что сближает Яна Гуса с итальянскими и другими гуманистами, а также что отличает магистра от приверженцев застывших форм средневековой культуры. Г. И. Липатникова наметила направление научного поиска⁷.

В ее докладе поставлен интересный вопрос о том, как магистр смотрел на роль народных масс в деле преобразования общества. Исследовательница дискутирует с теми, кто находил, что Гус ограничивался всего лишь моральным наставлением народа. Она считает такое изображение позиции магистра не соответствующим истинному положению. Гус не призывал массы к насильственным действиям, но он верил в народ «как активную силу, способную сыграть большую роль в борьбе против церковного феодализма и злоупотреблений светских феодалов» [24, с. 20]. Приведенная фраза, естественно, не передает форму мыслей Гуса. Она содержит сугубо современные понятия. Но дело не в форме. Ясно, что Гус должен был верить в творческие силы народа, в его стремление к лучшему. Иначе зачем же ему обращаться к народу, стараться поднять его общественный и нрав-

⁷ Историк из ГДР Э. Винтер провел очень важное исследование: он проследил связи реформационного движения в предгуситской Чехии с возникновением раннего гуманизма в этой стране [28]. К сожалению, его работа осталась Г. И. Липатниковой и другими советскими гуситоведами неучтенной.

ственный уровень, постоянно затрагивать насущные вопросы общественной жизни?

А. И. Озолин изучает мировоззрение Яна Гуса в связи с формированием бюргерской идеологии в стране. Поэтому в поле зрения ученого находится не только сам чешский патриот, но и его единомышленники, в том числе и такие, которые советским ученым мало известны, например, Михаил Пражский [29]. Вопросы возникновения и развития бюргерской идеологии рассматриваются автором на широком социально-экономическом фоне. Для его воссоздания привлекаются источники и советская, чехословацкая и немецкая литература. Для характеристики воззрений магистра исходным материалом историку служат не только чешские, но и латинские сочинения магистра, что позволяет глубже понять образ мыслей выдающегося патриота. В широком исследовательском плане А. И. Озолин рассматривает поведение бюргерства до гуситских войн включительно, что дает возможность обнаружить в идеологии Гуса новые нюансы.

Благодаря широте постановки проблемы автор заметил в чешском бюргерстве конца XIV — начала XV в. несколько течений. Гуса он отнес к левому крылу бюргерской оппозиции [30]. Эту часть бюргерства не устраивало господство в сеймах крупных светских и церковных феодалов; она хотела увеличения своего политического веса, а заодно и мелкой шляхты, получения государственных должностей и прочного представительства в сеймах, прежде всего, за счет ограничения привилегий духовенства. Такое убеждение возникает, когда знакомишься с анализом требований магистра, данным в работах А. И. Озолина.

Оказывается, что Ян Гус в своем учении никогда и ни в какой форме не предусматривал коренного изменения в собственности на средства производства. Чашники, проводя в годы гуситских войн преобразования, действовали в духе высказываний магистра. Основные конфискованные богатства попали в тот период прежде всего в руки бюргерства, городов, дворянства, примкнувшего к бюргерству с целью наживы за счет церкви. Озолин показал, что в руках новых владельцев собственность не изменила своего феодального характера [31, с. 6—7]. Сам собой напрашивается вывод, что задачи, выдвинутые Гусом, были умеренными и сводились к улучшению, а не к ликвидации существовавших феодальных порядков. Поэтому отождествлять его учение с требованиями народных масс никак нельзя. Преобразования, которые он предлагал, сводились в основном к ликвидации наиболее тяжелых сторон феодализма, мешавших экономическому прогрессу. Он выступал против личной крепостной зависимости, права «мертвой руки», судебных преследований, ведущих к разорению. Но даже в требовании отмены права «мертвой руки», которое являлось серьезным препятствием в развитии крестьянского хозяйства, Гус, как установил А. И. Озолин, не был вполне последователен и признавал справедливость посмертного побора, взимаемого в умеренном размере, не обременяющего население деревни [30, с. 10]. Стоит добавить, что посмертный побор взимался не только с крестьян, его платили даже горожане, в том числе и жители чешской столицы, державшие землю на феодальном праве [31, с. 53]. Поэтому требование Гуса отражало в первую очередь интересы бюргерства, боровшегося за превращение держания в свободное владение.

Феодальную Европу начала XV в. волновало соотношение светской и церковной власти. Гус затронул и эту проблему. Он считал, что реформированная церковь должна заниматься исключительно религиозными делами. Стремление магистра лишить церковь светской власти расценивается исследователем как тенденция к расширению политической роли дворянства и бюргерства. Это утверждение помогает раскрыть основы союза рыцарства и средних городских слоев, который сложился еще до вооруженного выступления гуситов [32]. В целом работы А. И. Озолина существенно дополняют наши представления о Гусе и его времени.

Советские гуситоведы проделали значительную работу, и привлеченный ими материал подтвердил правильность оценки, данной Гусу Ф. Энгельсом [5, т. 7, с. 362]. Гус являлся ярким представителем бюргерства, точнее его

левого течения. Именно с позиций этой части городского общества вел чешский герой борьбу за завоевание общественного мнения, за умы людей, выдвигая новые идеи, которые можно было противопоставить феодальным. Усилиями советских исследователей внесена ясность в вопрос о специфике оппозиции, представленной чешскими средними городскими слоями. Она боролась не только за социальные, но и за свои национальные права. В ходе борьбы бюргерство образовало блок с дворянством, городской беднотой и крестьянством, поскольку эти силы можно было использовать для сокрушения господства католической церкви, а заодно и для того, чтобы оттеснить с командных постов в городской общине патрициат, нанести ущерб его земельным владениям. Массы тем охотнее шли на такой союз, что социальные отношения в Чехии XIV—XV вв. осложнялись национальными. Тем самым советские гуситоведы сделали определенный шаг в решении более широкой проблемы, касающейся роли европейского бюргерства в социальных катаклизмах позднего средневековья⁸. Однако предстоит еще уточнить имущественную структуру чешского бюргерства и динамику ее изменения на протяжении первых десятилетий XV в. Не было ли здесь процессов, аналогичных западноевропейским, где к концу XIV в. в связи с успехами товарного производства и развитием товарно-денежных отношений центр тяжести имущественной дифференциации перемещался в сторону увеличения малоимущей бюргерской прослойки, что вызывало особую остроту внутригородских противоречий [33]. Если бы удалось выявить процесс обнищания средних городских слоев в Чехии, мы приблизились бы к более исчерпывающему объяснению предпосылок социального конфликта, вошедшего в историю под наименованием гуситского революционного движения.

В советской литературе учение Гуса представлено в развитии; показано, что оно становилось все более и более радикальным по мере углубления оппозиционных настроений в стране. Подчеркивается национальный момент в этом учении, о котором чехословацкие историки 50—60-х годов забывали. В то же время установлено, что чешского проповедника нельзя считать прямым предшественником крестьянско-плебейского течения, хотя его взгляды учитывались теми, кто обосновал программу левого крыла гуситского движения — таборитами. Марксистские историки не могут согласиться со взглядами некоторых современных буржуазных исследователей (Каминский и др.), доказывающих, что гуситские войны не имеют ничего общего с Гусом и отрывающих Реформацию от Крестьянской войны [34].

Вопрос о трансформации идей Гуса в идеологию гуситов, видимо, в скором времени станет одним из центральных в изучении гуситской мысли. Без этого звена в исследовании гуситского движения останутся невыясненными многие важные проблемы, с ним связанные.

Советская историография коснулась темы, поставленной еще католическими противниками магистра, — о соотношении учения Гуса с учением Виклифа. Казалось бы, сюжет детально рассмотрен еще дореволюционными исследователями (см., например, [35]), но новая материалистическая методология и современный уровень научных знаний обуславливают настоятельную необходимость постоянного к нему возвращения. Влияние Д. Виклифа на чешского патриота очевидно, и дело не в том, чтобы его вопреки фактам отрицать, хотя ясно, что учение Гуса возникло под определяющим воздействием чешской действительности и запросов бюргерской оппозиции. Историкам предстоит установить, как проходил такой своеобразный синтез: какие идеи церковного переустройства высказывались предшественниками Гуса, какие идеи Виклифа Гусом приняты и какие отброшены как не соответствующие чешским условиям. Ведь сила Гуса заключалась в том, что он в своей проповеднической деятельности придерживался реальной основы, взятой из окружающей его действительности с ее социальными конфликтами, а не просто по-доктринерски перелагал высказывания английского еретика.

⁸ Отражением интереса к истории бюргерства явилась статья А. Н. Чистозвонова [33].

Приходится констатировать, что наши ученые, занимающиеся историей философии, не взялись за задачу философского истолкования учения Яна Гуса. Только в самое последнее время обозначился некоторый сдвиг, и в русском переводе изданы отрывки из философских произведений чешского мыслителя [36]. В вводной статье к ним намечены пути исследования генезиса идей Гуса, сумевшего слить в единую стройную систему положения учения Виклифа и народную чешскую реформацию. При этом мы хотим обратить особое внимание на то, что теоретические искания такого глубокого мыслителя, как Гус, представляют собой составную часть процесса развития европейской реформационной идеологии. И жаль, что в советской историографии отсутствуют работы, выявляющие влияние чешского мыслителя на последующее поколение реформаторов. Работу по изучению идей Яна Гуса следует продолжать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Санчук Г. Э. Гуситское движение в советской историографии. — В сб.: Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973, с. 44—58.
2. Сазонова А. С. Социально-политические и национальные требования в учении Яна Гуса. — Краткие сообщения Ин-та славяноведения, вып. 9. М., 1952.
3. Сазонова А. С. Социально-политические и национальные требования в учении Яна Гуса. — Уч. зап. Ин-та славяноведения. Т. XVI. М., 1958.
4. Československý časopis historický, 1953, s. 236—237.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.
6. Зденек Неудлы — выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964, с. 27.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
8. Рубцов Б. Т. Исследования по аграрной истории Чехии XIV — начала XV в. М., 1963.
9. Nejstarší česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila, 2 vyd. Praha, 1958.
10. Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964, с. 405.
11. Озолин А. И. Складывание национальной программы бюргерской оппозиции в Чехии конца XIV — начала XV в. — В сб.: Средневековый город. Саратов, 1968.
12. Fiala Z. Předhusitské Cechy (1310—1419). Praha, 1968, s. 370.
13. Flajshans V. Mistr Jan, řečený z Husince, d. I—II. Praha, 1901—1904.
14. Novotný V. M. Jan Hus; Život a učení, d. 1. Praha, 1919.
15. Фишер И. Р. Ян Гус — борец за единую и независимую Чехию. — Уч. зап. Саратовского гос. ун-та, вып. исторический. Саратов, 1956, т. XVII.
16. Erben K. J. Mistra Jana Husí sebrané spisy české, d. II. Praha, 1867, s. 36.
17. Mezník J. Pražská řemesla počátkem 15 století. — Pražský sborník historický. Praha, 1972, s. 35.
18. Nový R. Hospodarsky region Prahy na prelomu 14. a 15. století. — Československý časopis historický, 1971, s. 402.
19. Беляева Г. П. Общественные и государственно-правовые взгляды Яна Гуса. Уч. зап. ЛГУ, 1958, № 255, сер. юрид. наук, вып. 10.
20. Илларионова Е. В. Религиозные и социально-политические взгляды Джона Виклифа: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1973, с. 26.
21. Рубцов Б. Т. Эволюция феодальной ренты в Чехии и ее влияние на ухудшение положения крестьянства накануне Великой крестьянской войны XV в. — Краткие сообщения Ин-та славяноведения, вып. 14. М., 1955.
22. Рубцов Б. Т. Усиление феодальной эксплуатации в Чехии накануне Великой крестьянской войны XV в. — Вопросы истории, 1954, № 12.
23. Виноградова А., Пашаева Н. Научная конференция, посвященная 550-летию со дня смерти Яна Гуса. — Советское славяноведение, 1965, № 6.
24. Липатникова Г. И. Ян Гус (К 550-летию со дня гибели). — В сб.: Вопросы истории славян, вып. 2. Воронеж, 1966.
25. Калбанов А. И. Мысли Яна Гуса о воспитании. — Советская педагогика, 1944, № 2—3.
26. Stejskal K. Prispěvek k současným pokusům naší filosofie o nový vyklad Husova učení. — Filosofický časopis, 1956, № 1.
27. Ячуржиский Х. Социально-политическое учение Гуса (по чешским сочинениям). — Варшавские университетские известия, 1878, № 4.
28. Winter E. Frühumanismus. Seine Entwicklung in Böhmen und deren europäisches Bedeutung für Kirchenreformbestrebungen im 14. Jahrhundert. Berlin, 1964.
29. Prazsky M. O vládě knížat. Vyb. z české literatury. Praha, 1957.
30. Озолин А. И. Ян Гус о феодальном государстве. — В сб.: Вопросы славянской филологии. Саратов, 1963, с. 10.
31. Озолин А. И. Землевладение королевских городов Чехии в XIV — начале XV в. — В сб.: Средневековый город, вып. 6. Саратов, 1981, с. 53.
32. Озолин А. И. Бюргерская оппозиция в гуситском движении. Саратов, 1973, с. 25.
33. Чистозвонов А. П. О социальной природе средневекового бюргерства. — В сб.: Средние века, вып. 45. М., 1982.
34. Kaminsky H. History of the Hussite Revolution. 1967.
35. Новиков Е. П. Гус и Лютер. Ч. 1—2. М., 1859.
36. Антология чешской и словацкой философии. М., 1982.

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ В ТРУДАХ АКАДЕМИКА В. И. ПИЧЕТЫ

«Изучать Юрия Крижанича, — очень трудно», — так писал в одной из своих рецензий выдающийся советский историк-славист акад. В. И. Пичета [1, с. 199], и с этим мнением нельзя не согласиться. Дело здесь не только в том, что ученые располагают обширным источниковедческим материалом (нередко — еще малсизученным) о взглядах и жизненном пути Крижанича, не в том также, что уже имеется весьма обильная литература об этом хорватском публицисте и защитнике славянского единства, в том числе труды с различными, иногда резко расходящимися выводами [2, с. 5; 3]. В связи с недостаточной изученностью всей литературы в плане историографическом, крайне необходим анализ работ наиболее видных представителей исторической науки, занимавшихся этим сложным комплексом проблем политической мысли XVII в.

Вполне понятно, что поэтому, на наш взгляд, представляет большой научный интерес специальное рассмотрение тех работ, которые посвятил Крижаничу известный советский ученый В. И. Пичета (1878—1947), глубокий знаток прошлого славянских народов и отечественной истории. Как известно, в мемориальных исследованиях о Пичете уже неоднократно отмечалась значимость данной темы, которая как бы сопровождала ученого на протяжении всего его научного пути (т. е. почти полвека), особое ее значение в научной биографии историка в плане не только возвращения (при том — неоднократно) к волновавшей его проблеме, но и определения важнейших направлений поиска ученого [4, с. 26]. Проф. С. А. Никитин с полным правом подчеркивал, что «интерес к Крижаничу, который Владимир Иванович пронес через всю свою научную жизнь», был закономерно обусловлен тем, что вопрос о творчестве Крижанича «характерен сплетением в нем русских и славянских мотивов» [5, с. 21], тем, что Юрий Крижанич долго жил в России и оставил в своих сочинениях ценнейшие свидетельства о России и Украине XVII в. [2, с. 6—7; 6, с. 15].

Специальный анализ работ В. И. Пичеты о Крижаниче в известной мере, по нашему мнению, позволяет судить о развитии в отечественной историографии важного направления исследований, связанных с трактовкой межславянских контактов, русско-югославянских отношений и идей славянской взаимности в XVII в. В то же время, как отмечал В. Д. Королук, изучение трудов Пичеты дает нам возможность получить и представление о развитии творческого метода исследователя, об определенной эволюции его оценок взглядов Крижанича [4, с. 26].

К сожалению, до сих пор эти труды Владимира Ивановича Пичеты о Крижаниче не стали предметом специального историографического анализа, хотя, естественно, в статьях о творчестве Пичеты они указываются, им даются иногда очень высокие и интересные оценки, по их поводу высказываются любопытные соображения [4, с. 26, 27, 33; 5, с. 21; 7, с. 5—6]. Не завершена еще необходимая работа и в плане чисто библиографиче-

ском, источниковедческом: так, лишь частично опубликованы ценные воспоминания ученого [8], выявлена публикация в кратком изложении его первого публичного доклада о Крижаниче, пополняется его библиография [9]. Но даже и в новейшем перечне трудов Владимира Ивановича можно отметить некоторые неточности и ошибки [10, с. 120].

Примечательно также, что в некоторых работах других авторов по этой теме труды Пичеты иногда вовсе не названы [11; 12], либо лишь бегло упомянуты, но без необходимой библиографической точности и научной оценки [13, с. 3, прим. 1]. Это представляется тем более неправомерным, что наличие целого ряда работ В. И. Пичеты о Крижаниче свидетельствует не только об устойчивости его научных интересов, но и о разнообразии творческих поисков в данной области политической мысли. Мы находим у Владимира Ивановича не только монографические статьи, рецензии, краткий очерк для энциклопедического словаря, но и переизданные некоторых глав «Политики» Крижанича; как известно, в последние годы жизни он писал на эту тему обширную монографию, которая так и осталась незавершенной [7, с. 18].

Когда же впервые стал заниматься сочинениями Ю. Крижанича В. И. Пичета? Обычно в мемориальной литературе о Пичете указывается на написанное им перед окончанием Московского университета дипломное сочинение «Юрий Крижанич о Московском государстве» (1901), сохранившееся в архиве ученого с отличной оценкой В. О. Ключевского [5, с. 21; 14, с. 92]. Однако в действительности интерес Пичеты к личности хорватского писателя XV в., к его произведению, созданным в России, зародился раньше, еще во время занятий молодым студентом в семинаре М. В. Довнар-Запольского, когда Пичета, по его собственным воспоминаниям, подготовил реферат на тему «Экономические идеи Юрия Крижанича и состояние народного хозяйства в Московском государстве во второй половине XVII в.» [8, с. 56].

Подробный разбор выводов хорватского публициста об экономическом положении России в XVII в. не только заслужил одобрение М. В. Довнар-Запольского, но и послужил основой упомянутого выше дипломного сочинения Пичеты, как и опубликованной им в 1905 г. статьи на эту же тему.

Однако первое выступление Владимира Ивановича в печати (это было одновременно и первое изложение его взглядов на деятельность Крижанича) было связано не с этой конкретной разработкой экономических идей хорватского гуманиста, а с попыткой шире взглянуть на личность Крижанича, показать значение его концепций в широкой исторической перспективе. Причиной этого, без сомнения, был подъем национально-освободительного движения в зарубежных славянских землях в начале XX в. (в частности, в Хорватии, Чехии и др.), и поэтому В. И. Пичета избрал для своего доклада на заседании Екатеринбургского научного общества 8 ноября 1903 г. тему «Юрий Крижанич — первый провозвестник идеи панславизма» [15].

Текст доклада не был опубликован, и мы о нем можем судить лишь по краткому, неавторизованному изложению в местном журнале, где встречаются даже прямые ошибки. Однако и в этом сжатом изложении для нас весьма интересно стремление молодого Пичеты рассматривать сочинения Крижанича и его деятельность в России в сложном комплексе русской и славянской политической мысли XVII в., во взаимосвязи с положением славянских народов в XVII и XX в. Саму идею «панславизма» В. И. Пичета понимал как концепцию славянской взаимности, освобождения славян от иноземного господства, в частности, с помощью России [16, с. 13; 17, с. 33]. Эта идея, по мнению Пичеты, «была впервые формулирована в XVII в.» Ю. Крижаничем. В основе сочинения Крижанича «Политичны думы» «лежит его любимая идея панславизма», и он приехал в Москву, «чтобы указать московскому государю его всемирно-историческую роль: быть объединителем и освободителем всего славянства», а также содействовать унии в России [15, с. 14, 16—17]. Разумеется, этот замысел изучения идей славянской общности в сочинениях Крижанича и в

широкой исторической перспективе XIX—XX вв. был весьма интересен, он был связан, естественно, с живым вниманием Владимира Ивановича к славянским странам, но в последующие годы Пичета счел возможным продолжить исследование «русской темы» в творчестве хорватского публициста XVII в., что, видимо, нужно связывать со все более расширявшимся тогда научным поиском ученого и изучением им прошлого России и Украины.

Поэтому-то В. И. Пичета, сообразуясь с общим направлением работы Екатеринославской ученой архивной комиссии, ставившей своей задачей исследование истории юга Украины (сам Пичета тогда жил и работал в Екатеринославе, нынешнем г. Днепрпетровске и 30 сентября 1903 г. стал членом этой комиссии) [18, с. 110—111; 19, с. 186], свой первый доклад для комиссии озаглавил так: «Записка Юрия Крижанича о Малороссии» [19, с. 1—17; ср. с. 190]. Вначале отметим явную взаимосвязь этих первых докладов Пичеты о Крижаниче, учитывая, в частности, ту общую оценку, которую дает молодой ученый идеям хорватского гуманиста и целям его поездки в Москву.

Цель путешествия Крижанича в Россию была двойной: он хотел не только подчеркнуть роль России в освобождении западных и южных славян, но и содействовать религиозной унии [19, с. 1]. Только верная оценка этой двойной цели хорватского писателя, «знакомство с духовной физиономией автора» и может помочь «правильно оценить эту записку (т. е. записку Крижанича 1659 г. об Украине.— *Е. Н.*) как исторический документ» [19, с. 1].

Как же подходит к анализу этого источника молодой Пичета? Напомним в этой связи, что к тому времени в русской дореволюционной историографии (особенно в 70-х годах XIX в.) уже появилось довольно много работ о Крижаниче, авторы которых рассматривали те или иные аспекты биографии и творчества хорватского писателя, в том числе и его записку об Украине. И здесь, как и в некоторых своих более поздних работах, Пичета поступает следующим образом: он не ведет мелочной полемики, разбора уже высказанных (обычно — лишь беглых, не столь важных) замечаний, а предпочитает сосредоточить свое внимание на анализе самого источника, основных его положений и выявлении важнейших целей автора. Возможно, что отчасти на выработку такого подхода влияло и положение молодого ученого, только вступившего на самостоятельный научный путь, быть может, и рамки такой статьи (т. е. доклада), однако эта целенаправленность историка, его стремление раскрыть сущность изучаемого вопроса весьма показательны уже для первых трудов Пичеты.

Следует отметить и проявившуюся уже тогда его самостоятельность в плане идейном, историографическом. Пичета принадлежал к числу демократических, прогрессивных русских педагогов, что выражалось не только в его общественных выступлениях [7, с. 5—7; 18, с. 110—111], но и в критическом отношении к политике царизма в XVIII—XIX вв. (в том числе — политике царского правительства на Украине) [20, с. 71]. Вполне понятно, что это отразилось и на его анализе записки Крижанича, которого Владимир Иванович — в противовес некоторым русским дореволюционным историкам — вовсе не идеализировал. Именно поэтому Пичета вступил в полемику с С. М. Соловьевым и показал, что записка Крижанича «отнюдь не есть объективное мнение умного человека относительно малороссийских дел», а, напротив, в этом сочинении «слишком видна москвофильская точка зрения, заранее обдуманная и строго проведенная», что в записке он «почти не касается интересов казаков» [19, с. 10], поскольку писал ее с определенной целью, чтобы «обратить на себя внимание московского правительства, заставить хоть на время забыть, что он католик и притом патер» (т. е. католический священник.— *Е. Н.*) [19, с. 2].

Ввиду такой четкой оценки целей Крижанича и сущности его записки об Украине мы можем признать, что сделанный Пичетой разбор данного сочинения представляет гораздо большую научную ценность, нежели те поверхностные суждения и замечания, которые к тому времени уже были высказаны в русской буржуазной историографии (А. И. Маркевичем,

П. А. Кулишом, С. М. Соловьевым, М. Бережковым и др.: например насчет опустошения Украины и «огрубения» нравов казачества и т. п.) [21, с. 16—20; 22, с. 112—114; 23, с. 83—84].

Через год, в 1905 г. В. И. Пичета опубликовал в Екатеринославе и вторую свою статью, посвященную анализу взглядов и сочинений хорватского гуманиста [24, с. 47—68]. Чем же объяснял автор свое обращение к «Политике» Крижанича? Как известно, уже начиная с публикации ее текста П. А. Бессоновым (в 1859—1860 гг.), целый ряд русских историков анализировал это главное сочинение хорватского публициста [25, с. 1—3]. Но в данном случае нельзя не согласиться с Пичетой, который утверждал, что «только при детальном изучении его (т. е. Крижанича. — *Е. Н.*) идей можно оценить все достоинства его трудов, весь его ум, всю его эрудицию, поразительную для XVII века» [24, с. 47].

Между тем, — отмечал Владимир Иванович, — «попытки социологических построений, историко-философские вопросы, затронутые автором, теоретические рассуждения о науке государственного права, экономические и финансовые взгляды, — все это является малоизученным», поскольку одного лишь изложения тех или иных положений Крижанича, либо сравнений (нередко беглых и поверхностных) его выводов с высказываниями Гр. Котошихина, И. Т. Посошкова, с идеями реформ Петра I (как это, например, делалось в работах А. И. Маркевича, А. Г. Брикнера и др.), естественно, было еще не вполне достаточно для полного представления о взглядах Крижанича, о сущности «его экономической теории, во многих отношениях далеко небезынересной» как это показывает далее сам Пичета [24, с. 47].

В названной работе Пичета дал в целом удачный анализ экономических концепций и предложений хорватского ученого, намеченных им реформ, обусловленных реальным состоянием Русского государства, обвинением народа и стремлением автора найти средства для развития страны и процветания народа. Как известно, Крижанич считал необходимым, чтобы с этой целью государственная власть приняла решительные меры для подъема экономики и в этой связи В. И. Пичета полемизирует с точкой зрения А. И. Маркевича, неверно трактовавшего оценку Крижаничем роли царского правительства в экономических построениях хорватского гуманиста [24, с. 51]. Согласно «Политике», как справедливо отмечал Пичета, «во всех нововведениях правительство занимает первое место и регулирует течение экономической жизни страны» [24, с. 52].

Показательно, что Владимир Иванович, внимательно анализируя соображения Крижанича по поводу торговли и промышленности, выявляет и определенные противоречия в концепции хорватского ученого (в частности, относительно монополий, о возможности экспорта промышленных изделий из России) [24, с. 55—56, 58, 59]. Этот анализ дает ему основания для вывода, что «мысль автора (т. е. Крижанича. — *Е. Н.*) была несвободна, чем и объясняется противоречие целого ряда его выводов», поскольку экономические взгляды и проекты видного гуманиста «не есть только одна теория или чистая практика» [24, с. 59—60]. На наш взгляд, такое наблюдение Пичеты заслуживает внимания, равно как и его соображения о соотношении взглядов Крижанича и меркантилистов. По мнению В. И. Пичеты, Крижанич «не меркантилист в чистом виде, хотя, быть может, принцип вмешательства, регламентации позаимствовал от них». Более того, как показывает здесь Пичета, «оригинальность и самостоятельность мышления дает возможность считать Крижанича весьма видным экономистом, опередившим свое время», создавшим такую экономическую теорию, «в которой довольно ясно были видны идеи будущих физиократов и отчасти Адама Смита» [24, с. 62—64].

В то же время, отмечая эти любопытные наблюдения и удачные историко-ведческие находки В. И. Пичеты, мы не можем не указать и некоторых недостатков данной статьи. К числу их, вероятно, следует отнести не вполне убедительные параллели с Петром I, поскольку Пичета Крижанича и Петра I называл тогда лишь «гениальными теоретиками» (а Петра I — даже «идейным последователем Крижанича»), упрекая в

«незнанию» русской действительности [24, с. 65]. Пичета считал сочинения Крижанича «наиболее точным и ясным (по сравнению с др. иностранными авторами. — *Е. Н.*) изображением внутреннего состояния Московского государства», отмечая также, что меры, предложенные Крижаничем, осуществлялись позднее Петром I [24, с. 65—67].

Этой работой, как известно, завершился первый период научного поиска В. И. Пичеты, связанный с творчеством видного хорватского писателя XVII в. В последующие годы (т. е. в 1906—1912 гг.) молодой историк не писал новых работ о Крижаниче, что было связано, видимо, прежде всего с необычайным расширением сферы его научного творчества (в круг его обширных исследований теперь уже входили не только Россия и Украина, но и Литовско-русское княжество и отчасти Польша [7, с. 6—7], а в известной мере, быть может, и с необходимостью дальнейшего осмысления трудов Крижанича, с пониманием наметившихся пробелов и слабых сторон в их трактовке, о чем мы упоминали выше. Но В. И. Пичета, разумеется, сохранял живой интерес к личности этого поборника идей славянской взаимности, и поэтому вполне закономерным было возвращение Владимира Ивановича к проблемам жизненного пути и деятельности Крижанича именно в бурные годы накануне и во время первой мировой войны, имевшие столь большое значение для судеб южнославянских народов, для развития в ту пору межславянских связей [7, с. 8; 5, с. 22].

Именно в эти годы одна за другой выходят в свет новые работы Пичеты о Крижаниче, которые заметно отличаются от его первых статей о сочинениях хорватского публициста. Если ранее, как мы видели, Пичета уделял внимание лишь отдельным, конкретным вопросам творчества Крижанича, почти не касаясь общей оценки его деятельности, то теперь в сферу задач Владимира Ивановича, ставшего одним из видных прогрессивных представителей русской дореволюционной историографии [7, с. 6—7; 18, с. 111—112], входит и более подробная характеристика личности, освещение биографии Крижанича и оценка наиболее важных работ о нем, и, наконец, новое издание текста его «Политики».

Так, почти одновременно появились рецензия Пичеты на книгу В. Е. Вальденберга «Государственные идеи Крижанича» [1, с. 198—200] и подготовленная им книга «Юрий Крижанич» [26], где были переизданы наиболее значительные главы из «Политики», дающие представление об экономических и политических воззрениях хорватского гуманиста (с кратким, но весьма содержательным предисловием Владимира Ивановича)¹. Несколько позже (в 1915—1917 гг.) были напечатаны: его заметка «Юрий Крижанич о политике Москвы по отношению к Украине в XVII веке» [28, с. 169—170], перекликающаяся с его статьей, рассмотренной нами выше, и биографический очерк о Крижаниче, подготовленный в это время² для Энциклопедического словаря Гранат [27, стб. 68—69]. Чем же интересны для нас эти новые работы Владимира Ивановича о хорватском публицисте?

Остановимся прежде всего на общей характеристике наиболее важных трудов о Крижаниче, которые вышли в конце XIX — начале XX в.; об этом В. И. Пичета писал в рецензии на книгу Вальденберга, в предисловии к избранным главам «Политики», наконец, в кратком очерке для энциклопедического словаря. Здесь он характеризует достоинства и недостатки работ русских дореволюционных историков А. И. Маркевича, А. И. Брикнера, М. И. Соколова, отмечает важность использования и трудов зарубежных ученых, например, М. Вуича, работу которого «Крижаничева „Политика“» он называет «прекрасной» и важной для понимания политико-экономических концепций хорватского гуманиста

¹ В литературе эта книга обычно датируется 1914 г. [9, с. 29], видимо, из-за ссылки самого Пичеты в его статье [27, стб. 69], но на использованном нами экземпляре ее из фонда ФБОН АН СССР есть дарственная надпись В. В. Каллашу «от составителя» с датой 2 ноября 1913 г., что дает основания для более ранней датировки.

² Датировка этой работы 1925 годом нам кажется неточной, так как здесь при подготовке библиографии нужно разграничить выпуск томов 7-го издания до 1917 г. и переиздание словаря после Великой Октябрьской революции [10, с. 120].

[27, стб. 69]. Показательно, что Пичета расценивает как серьезный недостаток книги Вальденберга тот факт, что хорватская и сербская литература о Крижаниче была исследователю «совершенно незнакома, как осталась ему неизвестна и история Хорватии в XVII в., благодаря чему ему не удалось уловить сущность руководящих идей Юрия Крижанича» [1, с. 199].

Признавая значение монографии В. Е. Вальденберга, В. И. Пичета указывает в то же время, что в этой книге «философия истории, имеющая огромное значение для его (т. е. Крижанича.— *Е. Н.*) теоретических взглядов, осталась без рассмотрения», как и его экономические идеи, отношение к Польше и т. п. [1, с. 199—200; 26, с. 3]. Вполне понятно, что при оценке этих работ Пичете приходилось ставить вопрос о необходимости тщательного изучения концепций хорватского публициста, всестороннего анализа его деятельности, о вреде одностороннего подхода и суждений о Крижаниче лишь на основании его «славянофильства». В частности, В. И. Пичета полагал, что уже после появления содержательной работы С. А. Белокурова «Юрий Крижанич в России» (1901—1909) нельзя было согласиться с попытками ряда авторов считать Крижанича лишь поборником славянской идеи, вовсе не принимая в расчет его приверженность церковной унии [1, с. 199; 26, с. 3, 7, 10].

Однако, как справедливо отмечал Пичета, значимость самой личности и деятельности видного хорватского гуманиста не исчерпывается этими двумя руководящими идеями, поскольку Крижанич был необычайно разносторонним и образованным человеком. «Он юрист и историк, философ и богослов, политик и экономист. Он не компилятор, а самостоятельный мыслитель, часто идущий вперед века» [26, с. 13; 27, стб. 69]. Важным показателем творческой самостоятельности Крижанича, по мнению Пичеты, служит тот факт, что хорватский публицист и ученый не следовал буквально тем или иным концепциям. Это, однако, приводило к определенной противоречивости его воззрений по тому или иному вопросу. Например, его нельзя, как отмечал ранее Владимир Иванович, отнести к сторонникам меркантилизма, хотя он разделял многие из их идей [26, с. 16; 27, стб. 69]. В его философско-исторических произведениях чувствуется «двойственность во взглядах», «борьба традиций с новыми идеями о сущности исторического прогресса», причем «живое чувство понимания исторического прошлого местами прорывается сквозь тесные рамки традиций, и тогда Юрий Крижанич уходит далеко от своего века, идя навстречу историко-философскому воззрению 18 века» [26, с. 13—14].

Вполне закономерно, что в этой связи Пичета касается и характеристики Русского государства в «Политике» Крижанича и предлагаемых им реформ, причем в известной мере Владимир Иванович уточняет и исправляет свою оценку этих преобразований и нововведений лишь как результата «теоретической мысли» хорватского писателя. Он подчеркивает, что Крижанич был «тонким наблюдателем московской жизни», что он был «более объективен, чем его собратья по перу — иностранцы». Предложенная им программа реформ — «смела по мысли, но довольно теоретична и вся проникнута верой в всемогущее творчество указа и приказа»; именно это «сближает К. (Крижанича.— *Е. Н.*) с Петром» [26, с. 11—12; 27, стб. 69]. Сходство проявляется и в том, что Крижанич, по словам Пичеты, «является сторонником абсолютизма», но и в этом случае, — что примечательно для характеристики хорватского писателя XVII в., — можно усмотреть определенное отличие выводов Крижанича от тезисов теоретиков абсолютизма XVII в. [26, с. 15—16]. Это заключение свидетельствует о тщательном анализе, который был проведен Владимиром Ивановичем и о котором можно судить по словам самого историка. Пичета так определял верный метод изучения сочинений хорватского публициста: сначала — исследовать «критически произведения Крижанича, а потом уж начать теоретическое изучение его идей» [1, с. 200].

На наш взгляд, даже такая краткая характеристика работ Пичеты, созданных в 1913—1917 гг., т. е. в предреволюционные годы, дает возможность представить большую научную и методологическую значимость

сделанного им в этой сложной области. В те годы была заложена основа для дальнейшего глубокого исследования В. И. Пичетой личности и творчества видного хорватского гуманиста, его разнообразных сочинений и многоплановых концепций, для монографического обобщения результатов научной мысли Владимира Ивановича. Однако, как известно, в то время данное направление его работ оказалось временно прерванным, поскольку после Великой Октябрьской социалистической революции перед В. И. Пичетой открылось необычайно широкое поле научно-организационной, преподавательской (в том числе — на посту первого ректора Белорусского университета), архивной и научной деятельности, в частности, в области истории Белоруссии и Литвы, Украины и Польши и др. [7, с. 10—14].

И вновь Владимир Иванович Пичета, как мы знаем, обращается к характеристике воззрений Крижанича уже в годы второй мировой войны, когда подъем национально-освободительной борьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы, поработанных гитлеровскими захватчиками, вызвал живой интерес к тем идеям славянской общности и освобождения славян от чужеземного господства, которые нашли отражение в трудах хорватского писателя [7, с. 14—15; 29, с. 202]. Вовсе не случайно в 40-х годах были опубликованы несколько работ советских авторов, посвященных Крижаничу [11; 13]. Все это, равно как и появление после 1912—1915 гг. работ по данной проблематике за рубежом (например, монографии В. Ягича и др.), ставило перед В. И. Пичетой в качестве одной из актуальных задач (разумеется, применительно к этой тематике) рассмотрение новой литературы о Крижаниче, конкретную оценку высказанных в ней положений, поскольку, как известно, Пичета перед своей безвременной кончиной подготавливал обширную монографию о хорватском публицисте XVII в.

Хотя монография осталась незаконченной, мы все же можем в известной мере судить о ней, об анализе взглядов хорватского писателя и об оценке Пичетой весьма обширной и разноречивой историографии по этой теме по сохранившимся рукописным и печатным материалам, которые должны были в той или иной степени войти в ее состав. В частности, нужно назвать подробную статью «Юрий Крижанич и его отношение к Русскому государству (1618—1683)» [29, с. 202—240], рукопись «Юрий Крижанич. Историографический обзор» [4, с. 33], наконец, необычайно глубоко и содержательную рецензию на книгу Б. Д. Дацюка «Юрий Крижанич» [31, с. 67—73].

Что же нам представляется наиболее важным в последних работах Владимира Ивановича о Крижаниче, вместе с тем — чем они отличаются от его прежних выступлений в печати по данной проблематике? Здесь надо прежде всего подчеркнуть, что уже В. Д. Королюк после появления в «Славянском сборнике» в 1947 г. статьи Пичеты поставил важный вопрос об эволюции взглядов видного историка-слависта. «В 1947 г. — писал В. Д. Королюк, — методология исследования, постановка проблемы была совершенно иной, чем в 1905 г.» [4, с. 26]. С этим положением следует вполне согласиться, поскольку последние труды В. И. Пичеты о Крижаниче весьма ценны проницательным анализом разнообразной (советской, зарубежной, русской дореволюционной) историографии, содержат четкую оценку мировоззрения хорватского публициста с позиций советской исторической науки, важными методологическими указаниями о том, как нужно изучать творчество Крижанича.

Напомним о том, что Пичета призывал исследовать взгляды этого писателя XVII в. во всей их сложности, противоречивости и во взаимосвязи с реальным положением Русского государства и других славянских стран. Владимир Иванович категорически возражал против попыток идеализации личности Крижанича, против односторонних и искусственных толкований его сочинений, против тезиса об «утопизме» хорватского гуманиста, который был, например, выдвинут в книге Б. Д. Дацюка. Если считать общественно-политические идеалы Крижанича только «утопией», отмечал В. И. Пичета, то и «весь его славянский патриотизм теряет

«свою реальность» [31, с. 71]. Одно это замечание, по нашему мнению, свидетельствует о необычайно точном понимании Пичетой сущности идей хорватского писателя, их зависимости от его представления и понимания конкретных условий жизни славянских народов в XVII в.

Владимир Иванович указывал, что «в области исторического знания Крижанич был эмпириком, а в политике — реалистом»; по его мнению, нарисованная в «Политике» картина Русского государства вовсе не совпала полностью с тогдашней исторической действительностью. «Не застой, а движение было характерно для Русского государства XVII в. Но последнее не было подмечено Крижаничем» [29, с. 240]. Поэтому Пичета резко выступил против тезиса Б. Д. Дацюка о влиянии идей Крижанича на практическую государственную деятельность Б. И. Морозова, Ф. М. Ртищева, А. Л. Ордын-Нащокина; этот тезис он расценил как дань теории «влияния в буржуазном понимании» [31, с. 72]. В то же время, касаясь вопроса о взаимосвязи концепций Крижанича и других политических теорий XVII—XVIII вв., В. И. Пичета считал необходимым уточнить и исправить встречавшиеся в работах разных авторов (в том числе — и в своих собственных работах) оценки Крижанича как писателя, предвосхитившего теории просвещенного абсолютизма [29, с. 239]. Все это говорит нам о том, что Владимир Иванович продолжал тщательное изучение мировоззрения хорватского писателя, сопоставление его выводов и предложений с другими политическими и политико-экономическими идеями XVII—XVIII вв., стараясь дать новое, целостное, не одностороннее решение этих сложных вопросов. На наш взгляд, важно напомнить, что именно В. И. Пичета в своей рецензии на книгу Б. Д. Дацюка изложил программу дальнейших исследований советских ученых в данной области общественно-политической мысли.

Примечательно, что Пичета, приложивший столько сил для развития историко-славянских исследований в СССР, предложил здесь и новый научно-организационный подход, указав на необходимость коллективной работы советских историков над многоплановым комплексом проблем, связанных с анализом сочинений Крижанича. В результате такой коллективной работы, указывал Владимир Иванович, — «должна быть написана новая монография или, точнее, несколько монографий» [31, с. 72]. Пичета наметил тогда 13 главных направлений, по которым следует продолжить в Советском Союзе изучение философских и общественно-политических взглядов хорватского писателя, в их числе — подробный историко-филологический анализ произведений Крижанича и всех других письменных памятников по этой проблеме, обзор всей литературы, исследование отношений хорватского гуманиста с папской курией, «зарождения и развития славянской идеи у Юрия Крижанича», трактовка отношений Рима и Византии, изучение экономической теории и учения Крижанича о государстве (с учетом их соотношения и взаимосвязи с русскими и западноевропейскими теориями); разумеется, особое место должны занять «исторические судьбы славянских народов в понимании Крижанича и современные нам научные знания об истории славян», его характеристика Русского государства и предложенные им преобразования [31, с. 72].

В настоящее время, оценивая работы советских историков по данной тематике, вышедшие уже после смерти В. И. Пичеты, необходимо отметить определенные достижения в разработке намеченных Пичетой направлений анализа произведений Крижанича и смежных проблем, а именно — в области изучения экономических концепций хорватского гуманиста, вклада его в развитие русской общественно-политической и исторической мысли XVII в., публикации его произведений. В частности, следует назвать академическое издание текста «Политики», подготовленное В. В. Зелениным и А. Л. Гольдбергом (под редакцией М. Н. Тихомирова [32]), работы М. А. Алпатова, А. Л. Гольдберга, Л. М. Мордуховича, Л. Н. Пушкарева и др. авторов, посвященные разным аспектам биографии и мировоззрения Крижанича [3; 12; 33; 34; 35; 36, с. 63, 117]. В то же время нельзя не признать, что до сих пор остаются менее освещенными немаловажные историографические вопросы, и это свидетельствует о важности дальней-

шего исследования реального вклада русских и советских ученых в разработку сложных проблем творчества хорватского публициста XVII в., чему, как мы показали, посвятил много внимания видный советский славист акад. В. И. Пичета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пичета В. И. Рец. на кн.: Вальденберг В. Е. Государственные идеи Крижанича. — Голос минувшего, 1913, № 1.
2. Тихомиров М. Н. От редакции. — В кн.: Юрий Крижанич. Политика. Подг. к печати В. В. Зеленяк, пер. и ком. А. Л. Гольдберг. М., 1965.
3. Гольдберг А. Д. Юрий Крижанич в зарубежной историографии (1940—1970 годы). — История СССР, 1976, № 1.
4. Королюк В. Д. Рукописное наследство академика В. И. Пичета. — Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, 1949, т. 1.
5. Никитин С. А. Деятельность В. И. Пичета в области славяноведения. — Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, 1949, т. 1.
6. Ткаченко Н. М. Работы академика В. И. Пичета по истории Украины. — Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, 1949, т. 1.
7. Королюк В. Д. Владимир Иванович Пичета. — В кн.: Славяне в эпоху феодализма. М., 1978.
8. Пичета В. И. Воспоминания о Московском университете. — В кн.: Славяне в эпоху феодализма. М., 1978.
9. Владимир Иванович Пичета. Библиографический указатель. Минск, 1978.
10. Наумов Е. П. Библиографический указатель «Владимир Иванович Пичета». — Советское славяноведение, 1981, № 2.
11. Бахрушин С. В. Юрий Крижанич. — Исторический журнал, 1942, № 1—2.
12. Мордулович Л. М. Из рукописного наследства Ю. Крижанича. — Исторический архив, 1958, № 1.
13. Дацюк Б. Д. Юрий Крижанич. М., 1946.
14. Академик В. И. Пичета. Страницы жизни. Минск, 1981.
15. Пичета В. И. Юрий Крижанич — первый провозвестник идеи панславизма. — Вестник Екатеринославского земства, 1903, № 5, 13 XI.
16. Роганович И. П. Крижанич и его философия национализма. Казань, 1899.
17. Волков В. К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм». — В кн.: Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969.
18. Пичета К. В. Владимир Иванович Пичета. — В кн.: Славяне в эпоху феодализма. М., 1978.
19. Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии, год 1-й, 1904.
20. Пичета В. И. Дело о поле Феодоре Чепельевском. — Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии, год 2-й, 1905, ч. 1.
21. Маркевич А. И. Юрий Крижанич и его литературная деятельность. Варшава, 1876.
22. Кулиш П. А. Малорусские казаки между Россией и Польшей в 1659 г. по взгляду на них серба Юрия Крижанича. — Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1876, кн. 3.
23. Бережков М. План завоевания Крыма, составленный Юрием Крижаничем. — Журнал Министерства народного просвещения, 1891, № 11.
24. Пичета В. И. Политико-экономические взгляды Юрия Крижанича в связи с состоянием Московского государства во второй половине XVII века. — Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии, год 2-й, 1905, ч. 1.
25. Пичета В. И. Предисловие. — В кн.: Юрий Крижанич. Экономические и политические его взгляды. СПб., б. г.
26. Юрий Крижанич. Экономические и политические его взгляды. С предисловием В. И. Пичета. СПб., б. г., 127 с.
27. Пичета В. И. Крижанич Юрий. — Энциклопедический словарь Гранат, 7 изд., т. 26.
28. Пичета В. И. Юрий Крижанич о политике Москвы по отношению к Украине в XVII веке. — Украинская жизнь, 1915, № 3—4.
29. Пичета В. И. Юрий Крижанич и его отношение к Русскому государству (1618—1683). — В кн.: Славянский сборник. М., 1947.
30. Дацюк Б. Д. Юрий Крижанич — поборник свободы и единства славянских народов. М., 1945.
31. Пичета В. И. Рец. на кн.: Дацюк Б. Д. Юрий Крижанич. — Советская книга, 1947, № 2.
32. Юрий Крижанич. Политика. Подг. к печати В. В. Зеленяк, пер. и ком. А. Л. Гольдберг. М., 1965.
33. Аллатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа в XII—XVII вв. М., 1973.
34. Шашков А. Т. Юрий Крижанич и Максим Грек. — В кн.: Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980.
35. Пушкарев Л. Н. Общественно-политическая мысль России (2-я половина XVII в.). М., 1982.
36. Историки-слависты СССР. Библиографический словарь-справочник. М., 1981.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Българското възраждане и Русия. София, 1981, 596 с.

Болгарское возрождение и Россия

Комплексное изучение переходных эпох имеет принципиальное значение для выяснения закономерностей и особенностей смены общественно-экономических формаций. Интересным начинанием в этом отношении является серия исследований «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму», которые ведут специалисты Института славяноведения и балканистики АН СССР. Наряду с достижениями в сравнительно-историческом изучении этой проблематики можно отметить, что она не получила еще синтетического освещения в страноведческом аспекте. К этому добавим, что многие обобщающие труды 40—50-х годов, в которых был переосмыслен громадный фактический материал буржуазной науки, не вполне удовлетворяют современным достижениям монографических исследований отдельных сторон эпохи национального возрождения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

В этой связи актуальным представляется появление сборника, посвященного проблемам болгарского национального возрождения и болгаро-русским связям и отношениям в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Значение двусторонних общественных связей, политики России на Балканах для болгарского освободительного движения является столь масштабным, что придает этой тематике самостоятельный характер.

В сборнике, подготовленном Институтом истории Болгарской Академии наук и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, участвуют известные болгарские и советские специалисты, статьи которых тематически связаны с их собственными монографическими исследованиями. Это позволило авторам не только представить результаты новых изысканий, но и обобщить итоги

изучения ряда крупных проблем болгарского национального движения и болгаро-русских связей и отношений.

Сборник состоит из двух частей. В первой объединены работы, посвященные непосредственно освобождению Болгарии и болгаро-русским связям 1876—1878 гг. В статье К. Косева «Роль России в политической стратегии Апрельского восстания» показаны позиции видных деятелей болгарского революционного движения по вопросу о соотношении сил восставших и султанского правительства, о сроках восстания с учетом предполагавшегося вмешательства России в разрешение восточного кризиса. Проанализировав изменения в политике русского правительства, попытки использовать все возможные дипломатические способы разрешения кризиса, автор отмечает вынужденный характер перехода России к решительным действиям. «Таким образом, — пишет К. Косев, — была достигнута и реализована главная политическая цель, которую поставили инициаторы Апрельского восстания, а именно: обеспечить и ввести в действие стратегический резерв болгарского национально-освободительного движения — русскую военную помощь» (с. 30).

Интересный аспект болгаро-русских взаимоотношений рассмотрела В. М. Хевролина — воздействие войны за освобождение Болгарии на общественное движение в России, на идеологию и тактику народничества. Автор убедительно показала углубление кризиса аполитизма в народнической идеологии, пробуждение политического сознания у различных слоев русского общества. Работа В. М. Хевролиной удачно дополняется статьями Ю. Е. Фомина и Д. Б. Мельцера, проанализировавшими соответственно отношение общественности Украины и Белоруссии к болгарскому национально-

му движению, показавшими бескорыстную помощь народных масс болгарскому народу. В статье Ц. Унджиевой о корреспонденциях в русских газетах, освещавших Апрельское восстание, в отличие от имеющихся исследований по этому вопросу внимание сконцентрировано на источниковедческих проблемах. Новые сведения об участии болгарских авторов в русских изданиях свидетельствуют о масштабе охвата русской прессы на события в Болгарии, о содержательности непосредственной реакции общественности России и болгарских публицистов, писавших в московские, петербургские и одесские газеты.

Проекты государственного устройства Болгарии, созданные накануне Константинопольского совещания-конференции послов европейских держав, подробно охарактеризованы В. Д. Конобеевым. Он привлек также ранее неизвестный документ 1876 г., написанный болгаринцем Т. Бурмовым, выдвигавшим требования ликвидации османского законодательства, реформы налоговой системы в Болгарии, предоставления ей автономного статуса. Программы и проекты 1876 г. свидетельствуют о политической активности болгарской буржуазии, ориентирующейся на Россию. Место проектировавшегося болгарского государства в русско-английских отношениях в 1877—1878 гг. показано в работе А. Пантева. Автор пришел к выводу, что Англия была не только главным носителем политического консерватизма на Балканах, но и «основным противником определения исторических и этнических границ болгарской державы» (с. 164). Практическую помощь русской дипломатии, оказанную Южной Болгарии, раскрыла на основе архивных документов И. В. Козьменко. Решения Берлинского конгресса о размещении турецких гарнизонов на северных границах Восточной Румелии и угроза смешанной оккупации этой области после ухода русских войск не были реализованы благодаря энергичной деятельности дипломатии России. Тем самым была обеспечена не только гарантия автономии Южной Болгарии и безопасность Болгарского княжества, но и созданы благоприятные предпосылки для будущего воссоединения.

Во второй части рецензируемого труда рассматриваются болгаро-русские связи и отношения в эпоху болгарского национального возрождения. И. С. Достян впервые поставила вопрос об освещении

болгарской тематики в России в первые десятилетия XIX в. Материалы, собранные автором, иллюстрируют проявление интереса к современной Болгарии в русских журналах. Однако помимо относительной «узости» распространения сведений о Болгарии им были свойственны отрывочный и не всегда достоверный характер и стереотипность. Эти выводы И. С. Достян способствовал выяснению условий, в которых стал возможен широкий резонанс от появления напугавшей книги Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгары...» (М., 1829). В исследовании Г. К. Венедиктова об изучении русским ученым П. И. Кёпфеном современного ему болгарского языка значительно углублены прежние представления о возникновении этой отрасли болгаристики. Работы И. С. Достян, Г. К. Венедиктова, а также недавно защищенная диссертация Е. Д. Дросновой [1] позволяют ставить вопрос об изменении традиционных оценок деятельности К. Калайдовича и Ю. Венелина как зачинателей научной болгаристики. Деятельность Русского библейского общества по подготовке изданий на разговорном болгарском языке представлена в статье Р. Радковой. Ей удалось реконструировать этот полузабытый в марксистской историографии сюжет и показать, что утилитарная по своему характеру деятельность библейского общества способствовала косвенным образом развитию болгарского национального самосознания путем дифференциации балканских народов.

В статьях В. П. Грачева и С. Дойнова исследуются переселенческие движения болгар в Россию. В. П. Грачев привлек новые материалы по этому вопросу и скрупулезно восстановил ход и результаты переселения болгар в 1800—1806 гг. С. Дойнов охарактеризовал масштабы этого движения на протяжении первой половины XIX в., обратив внимание на позитивные и негативные последствия. В работе А. Анчева дана панорамная картина многообразных русско-болгарских общественных связей в период после русско-турецкой войны 1828—1829 гг. до середины XIX в. Автор обстоятельно аргументировал свой вывод о большой роли России в историческом развитии болгарского народа, о создании культурной общности.

Интересные материалы содержатся в статьях А. В. Сергеева и Л. Минковой, посвященных болгарским связям русских славистов В. И. Григоровича и Н. А.

Попова. Эти исследования важны как для оценки общественного значения научной деятельности русских славистов, так и для обобщения данных о дореволюционной историографии болгарского национального возрождения.

В сборнике представлены также различные аспекты русско-болгарских взаимоотношений 1850—1870-х годов. В Паскалева осветила недостаточно изученный вопрос о двусторонних торговых отношениях в это время, подчеркнув воздействие географической ориентации болгарской торговой буржуазии на последующее политическое развитие страны и отметив ограниченность политики России на Балканах. После поражения в Крымской войне русская дипломатия, как отмечает Е. М. Шатохина, все более определенно стремилась найти опору в национальных движениях. Архивные материалы, привлеченные автором, способствовали конкретизации в раскрытии изменений методов и средств русской дипломатии в первые годы после Крымской войны. Формирование позиции России в вопросе дипломатической поддержки прав болгарского народа в 1866—1867 гг. проанализировано Н. В. Зуевой. В ее статье на документальной основе показано возрастание значения болгарских проблем в балканской политике России, а также поддержка русскими дипломатами болгарского национального движения на международной арене. На примере деятельности русского консульства в Варне В. Тонев сумел отразить значительные результаты помощи представителей России, способствовавшей получению образования молодыми болгарскими. Это имело прогрессивное значение, как подчеркнул В. Тонев, для освободительной борьбы болгарского народа.

Русские связи болгарского революционера Х. Ботева прослежены в статье И. Унджиева, обобщившего результаты собственных исследований и выводы советских и румынских историков. В источниковедческой работе И. Забунова приведены материалы неизвестной ранее переписки Любена Каравелова и Ивана Кишельского. Наибольший интерес вызывают данные о борьбе в среде болгарской эмиграции по вопросам выбора путей освобождения страны. Новый источник, обнаруженный И. Забуновым, несомненно будет использован при изучении спорных проблем болгарского револю-

ционного движения конца 60-х — начала 70-х годов XIX в. Результаты исследований русско-болгарских революционных связей середины 1870-х годов охарактеризованы в историографической статье С. И. Сидельникова, обратившего внимание на трудности накопления новых фактов и показавшего успехи в систематизации и освещении этой темы советскими историками.

В рецензируемом сборнике, объединяющем работы по различным аспектам двусторонних взаимоотношений России и Болгарии, напечатана также статья Е. П. Львовой о месте болгарского изобразительного искусства в системе русско-болгарских культурных связей. Автор подчеркивает роль болгарского искусства в национально-просветительском движении, гражданственность и демократизм мировоззрения болгарских мастеров, впитывавших традиции русской художественной школы.

Даже краткая характеристика отмеченных результатов в изучении истории болгарского национального возрождения и русско-болгарских взаимоотношений позволяет говорить о весомых достижениях советских и болгарских ученых. Одним из итогов проделанной работы следует считать постановку задачи систематического изложения истории революционных связей и обобщения эволюции взаимодействия различных общественно-политических течений России и Болгарии. Это необходимо для научного синтеза взаимосвязанных исторических явлений: политики России по отношению к Болгарии и межнациональных общественных взаимоотношений на протяжении всей эпохи болгарского национального возрождения. Это поможет провести предварительное обобщение большой проблемной темы, будет способствовать развертыванию сравнительно-исторических и комплексных исследований эпохи перехода от феодализма к капитализму в Центральной и Юго-Восточной Европе. Важным шагом в этом направлении является рецензируемый труд.

Билунов Б. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дроснева Е. Д. Становление русской болгаристики (до середины XIX века). — Автореф. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Л., 1980.

В издательстве «Матицы словацкой» вышла книга словацкого литературоведа, сотрудника Матицы И. Седлака о поэте, прозаике, журналисте, переводчике и общественном деятеле середины XIX в., представителе штуровского периода культурно-политической и литературной жизни Словакии — Богуше или Богуславе (настоящее имя Тимотей Игнац) Носаке-Незабудове (1818—1877). Эта книга несколько необычна уже тем, что посвящена писателю, которому в академической истории словацкой литературы, если не считать беглых упоминаний, посвящена всего одна страница [I, с. 297], а в современных учебных изданиях по словацкой литературе о нем говорится и того меньше. Не совсем обычна книга и по структуре. Она состоит из трех частей: I. Богуш Носак-Незабудов (очерк жизни и творчества, с. 14—169); II. Письма Богуша Носака-Незабудова (с. 173—346); III. Библиография (с. 349—376). Такое конструктивное своеобразие книги имеет свои причины. После безвременной кончины Носак-Незабудов по существу был забыт. О нем ненадолго вспомнили в связи с юбилейными датами, иногда упоминали в литературоведческих трудах. Но это не давало сколь-нибудь полного и отчетливого представления о его роли в истории развития словацкой литературы и культуры.

После 1945 г. появились работы, посвященные отдельным областям литературной деятельности Носака (его переводам с русского, связям с Украиной, балладическим произведениям). Однако целостной характеристики творчества Носака-Незабудова не было. Попыткой восполнить этот пробел и явилась книга И. Седлака, в какой-то мере продолжающая всю предшествующую работу автора по изучению эпохи становления словацкой национальной литературы и культуры, обобщенную им в двухтомнике «Серебряный век» [2].

Во введении отмечается, что литературное творчество и деятельность Носака не известны широкой общественности и цель публикации — дать представление о них. В основном это автору удалось.

В книге последовательно и основательно, насколько это позволяют документальные данные, прослежен жизненный путь Носака: рождение в Тисовце в семье

бедного сельского учителя (3 февраля 1818 г.), учеба в Левочах (1831—1838) и в Братиславе (1838—1841), служба капелланом в Липтовском Микулаше (1841—1842), воспитателем в Пеште (1843—1844), сотрудничество с Л. Штуром в газете «Словенске народни новiny» и еженедельнике «Орол Татрански» (1845—1848), участие в работе Славянского съезда в Праге и деятельности Словацкого национального совета (1848), служба в разных государственных учреждениях до 1867 г. и последующая жизнь у брата в Сабинове, где писатель и умер (5 апреля 1877 г.).

Полная лишений и невзгод жизнь Носака-Незабудова показана в нераздельной связи с исторической судьбой словацкого народа, с общественно значимыми событиями, происходившими на словацкой земле. Подробно рассмотрена активная деятельность Носака в просветительско-патриотическом движении словацкой учащейся молодежи, охарактеризован его вклад в дело культурного сотрудничества славянских народов, его связи с чехами, южными славянами, украинцами, русскими, проанализирована литературная и просветительская деятельность писателя как одного из штуровцев, понимавшего огромное значение утверждавшегося ими с 1843 г. словацкого письменного языка. Показательно, что Носак одним из первых перешел на словацкий язык и даже некоторые свои произведения, написанные до этого по-чешски, позже воссоздал по-словацки. Немалый интерес представляет описание путешествия Носака по Восточной Словакии и Закарпатской Украине, информация о встречах с Й. Фричем, с русскими учеными — Бодянским, Прейсом и особенно Срезневским, знакомство с которым существенно способствовало развитию интереса Носака к русской и другим славянским литературам.

Не все периоды жизни Носака освещены в книге одинаково подробно. Но это не вина автора, проделавшего большую работу по выявлению относящихся к биографии материалов. Просто о некоторых ее периодах не сохранилось никаких данных. Так, в частности, мало что известно о времени почти двадцатилетнего литературного молчания Носака после 1848 г. Ясно только, что и тогда

он не перестал быть патриотом и не утратил демократической ориентации. На это указывает вся его литературная работа, к которой он вернулся после ухода с государственной службы.

В творческой и литературной деятельности Носака автор выделяет три периода: 1) раннее творчество (1834—1843), от которого сохранилось двадцать пять оригинальных стихотворений и пять переводов, весьма показательных для перехода от классицизма к романтизму; 2) творчество 1843—1848 гг., представленное одиннадцатью стихотворениями, повестью из жизни Закарпатской Украины X века «Лаборец», двумя циклами путевых очерков «Письма из незнакомой земли к Л...» и «Воспоминания о Потисье», в которых отражены впечатления от путешествия по Восточной Словакии и побережью Тисы, переводами с русского и польского языков и, наконец, множество литературных и публицистических статей и заметок; 3) последние годы творчества (1868—1877), когда были написаны двадцать пять стихотворных произведений и сделано множество переводов с латинского, английского, немецкого, польского, сербо-хорватского, словенского, русского и украинского языков.

В книге подчеркивается роль Носака в оживлении и организации литературной жизни Словакии, особенно как сотрудника штуровских изданий. Прозаические произведения Носака автор справедливо считает своеобразным вкладом в развитие словацкой прозы штуровского периода. В ходе освещения поэтического творчества Носака отмечается его народность, патриотические идеалы, верность поэта штуровским эстетическим представлениям и многожанровость его поэзии. Правда, в последние годы жизни, после долгого отрыва от литературы стихи Носака в какой-то мере тяготели к пройденному периоду развития словацкой поэзии. В то же время повесть в стихах «Камизк» на сюжет из времен короля Матея-Матиаша Корвина (XV в.), в которой прославляется герой из народа и воспевается красота словацкой земли, указывает на то, что поэт стремился сделать новые шаги в поэзии.

Велики заслуги Носака как первого в словацкой литературе переводчика, который «систематически посвящал себя переводам» (с. 126). В этом отношении он был исключением среди современников. Переводческую работу Носак считал рав-

ноценной оригинальному поэтическому творчеству. Большое место среди переводов Носака занимают переводы русских писателей — Ломоносова, Крылова, Жуковского, Гоголя, Пушкина, Кольцова, Лермонтова, Тургенева, прежде всего Крылова и Пушкина. Исключительное внимание Носака к русской литературе в период перехода от романтизма к реализму словацкой литературы, как говорится в книге, было программным, связанным с идеями славянской взаимности. Его переводы из русской литературы способствовали развитию реалистических тенденций в Словакии.

Вся литературная, культурно-просветительская и общественная деятельность Носака-Незабудова рассматривается в книге во всей ее комплексности, сложности, а порой и противоречивости. Носак не принадлежал к самым крупным из числа штуровцев, но его многообразная деятельность была достаточно значительной, чтобы быть по заслугам оцененной историками словацкой литературы, которая создавалась и развивалась усилиями и трудом не только ведущих, но и всех остальных писателей.

Свой монографический очерк о Незабудове (этим псевдонимом писатель начал пользоваться с 1868 г.) И. Седлак заканчивает словами о том, «что в тридцатых и сороковых годах минувшего столетия Носак принадлежал к виднейшим представителям словацкого национального движения и штуровской генерации, что ... в конце шестидесятых и в семидесятых годах ... он оказался в центре нашей литературной жизни» (с. 143—144). Такое заключение подтверждается приводимым в книге фактическим материалом.

Вторую часть книги составляют 64 прокомментированных письма Носака к его современникам, в основном к словацким и чешским культурным и литературным деятелям (А. Я. Вртятко, С. Б. Гробовь, С. Томашик, Я. Поспишил, А. Г. Шкультеты, Й. М. Гурбан, В. Паулини-Тот и др.); одно из них — к И. И. Срезневскому. Третья часть книги — Библиография, содержит перечень всех выявленных произведений и работ Богуша Носака-Незабудова (поэзия, проза, переводы, публицистика) и литературы о нем. Вторая и третья части книги, имея самостоятельное значение, во многом документируют и дополняют первую часть публикации — очерк жизни и творчества Носака. Издание хорошо оформлено, сопровождается резюме на русском и немецком языках,

иллюстративным приложением и указателем имен.

При чтении книги возникают и некоторые замечания. Освещая историю знакомства Носака со Срезневским и говоря о посвященных ему словацким поэтом стихах, автору книги во избежание недоразумений, вероятно, следовало бы сказать, что в чешском варианте они назывались «Криваньские песни», а в словацком — «Криваньские незабудки». Некоторую дополнительную информацию для книги можно было бы извлечь из «Путевых писем...» И. И. Срезневского [3]. Так, например, в его письме к матери, написанном в мае—июне 1842 г., названо иное, чем в книге (см. с. 72), время восхождения на Кривань [3, с. 307] и состав его участников.

Нельзя не пожалеть о том, что поэзия Носака разбирается в книге без ее какого бы то ни было цитирования. А между тем читателю хотелось бы хоть отчасти представить ее себе и ощутить не только через призму прозаической интерпретации.

Представляется, что автор не вполне точен, считая басню «типично классическостической жанровой формой» (с. 129), а Крылова — только «представителем русского литературного классицизма» (с. 127). Как известно, басенный жанр существовал еще в античности, а много позже к нему обращались не только приверженцы классицизма, но и представители других стилевых литературных направлений. Что же касается Крылова, то многие его басни отмечены отчетливо реалистическими признаками.

Не очень понятно, как балладическое творчество Бюргера сказалось на стихотворной передаче Носаком «украинской народной повести „Красный брод“» (с. 136).

Для иностранного читателя не все ясно относительно имени Носака. В «Ис-

тории словацкой литературы» [1] он называется Богуславом, И. Седлаком — только Богушем, хотя во второй части книги под письмами поэта в ряде случаев стоит подпись — Богуслав. Так же — «Богуслав Носак» — подписал 19 июня 1842 г. поэт и посвященные Срезневскому стихи. Вероятно, стоило бы, при отсутствии унификации в написании имени, сделать какое-то пояснение по этому поводу.

Если говорить о пожеланиях, то получая сведения об историко-литературном значении творческой деятельности Носака, читатель мог бы узнать больше о том, какие его произведения более других выдержали испытание временем.

Высказанные замечания касаются лишь частных случаев. В целом же, ознакомившись с изданием, хочется присоединиться к мнению его словацкого рецензента — П. Вонгрея: «Книгу Седлака о творчестве Богуса Носака-Незабудова следует рассматривать как заметный вклад в историю словацкой литературы прошлого столетия» [4]. Добавим только, что книга представляет интерес не только для словацких и чешских литературоведов, но и для тех, кто занимается словацкой литературой за пределами Чехословакии. Книга обогащает читателей не только сведениями о Носаке-Незабудове, но в какой-то степени и обо всем штуровском периоде развития словацкой литературно-общественной жизни.

Л. К.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dejiny slovenskej literatúry, zv. II. Bratislava, 1960.
2. Sedlák I. Strieborný věk, zv. I, II. Košice, 1970.
3. Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. СПб, 1895.
4. Slovenské pohl'ady, 1982, č. 12, s. 113.

ЗАСЕДАНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА

21 марта 1983 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялось заседание Ученого совета, посвященное 165-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти Карла Маркса. С докладом «Марксизм и некоторые актуальные вопросы современной историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы» выступил д-р ист. наук В. А. Дьяков.

Отмечаемый всем прогрессивным человечеством год К. Маркса, сказал докладчик, стимулирует советских славистов и балканистов к дальнейшему, все более глубокому изучению теоретико-методологических вопросов, связанных с их научными интересами. «С так называемыми азбучными истинами марксизма,— указывает Ю. В. Андропов,— вообще следует обращаться бережно, ибо за непонимание или забвение их сурово карает сама жизнь» [1, с. 15]. В то же время: «Марксизм — не догма, а живое руководство к действию, к самостоятельной работе над теми сложными задачами, которые ставит перед нами каждый новый поворот истории» [1, с. 22]. Оба эти требования, безусловно, относятся и к ученым-обществоведам.

Исходной точкой для изучения истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы, как и других народов, является материалистическое понимание исторического процесса. Важное значение имеют положения, касающиеся понятия «нация». Марксистско-ленинская теория неразрывно связывает появление данной социально-этнической общности с объективными условиями капиталистической формации. В докладе отмечалось, что враги марксизма всячески искажают идейно-политические истоки и смысл высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса об исторических судьбах

южных и западных славян. Отношение основоположников научного социализма к славянским, как и к любым другим народам тогдашней Европы определялось их местом в развертывавшейся революционной борьбе.

При рассмотрении исторического процесса в произведениях К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина решающая роль отводится не национальным, а социальным факторам. Из этого следует, что ученый-марксист, исследуя национальные движения, национальное самосознание или национальную культуру, непременно должен рассматривать их как внутренне противоречивую, постоянно меняющуюся совокупность весьма существенно отличающихся друг от друга позиций различных социальных слоев, которые по тем или иным конкретным причинам были вовлечены в общественно-идейную борьбу на данном этапе ее развития.

В Ленинграде 26 марта было проведено заседание Отделения секции «Проблемы формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе» Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики. На нем были прочитаны доклады П. А. Дмитриева и В. М. Мокиенко — «Классики марксизма о славянских народах», Б. Н. Путилова — «К. Маркс и Ф. Энгельс в занятиях славянским фольклором», М. Н. Кузьмина — «Человек и культура: некоторые проблемы межформационного перехода от феодализма к капитализму», отметившего, что труды К. Маркса и Ф. Энгельса имеют важное значение для раскрытия человека как индивида и аккумулятора культуры на этом этапе. Л. А. Обушенкова в докладе «Экономика эпохи перехода от феодализма к капитализму и развитие общественной мысли» обратила внимание на теорети-

ческие положения марксизма-ленинизма о соотношении базиса и надстройки.

С. М. Фалькович рассмотрела проблему государственности и национального и классового самосознания, подчеркнув значение марксистско-ленинского учения по национальному вопросу для изучения истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Г. А. Лилич рассказала об энциклопедизме деятелей национально-освободительных движений как форме выражения общественного созна-

ния эпохи. М. Л. Бершадская осветила некоторые аспекты культурного и социально-экономического развития Словении в конце XVIII — начале XIX в.

Л. О.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. — Коммунист, 1983, № 3.

ЦЕЛЕВОЙ ПРОЕКТ «СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (середина XIX в. — 1918 г.)»

16—18 февраля 1983 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялось первое рабочее заседание представителей институтов Академий наук социалистических стран, принимающих участие в разработке целевого проекта «Социальная структура и общественно-политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (середина XIX в. — 1918 г.)», включенного в «Долгосрочную программу многостороннего сотрудничества Академий наук социалистических стран». Обязанности организатора работы по реализации данного целевого проекта возложены на Институт славяноведения и балканистики АН СССР, а в рамках Института — на сектор новой истории стран Центральной Европы¹.

В заседании приняли участие представители институтов истории социалистических стран: проф. Д. Мичев (Ин-т истории БАН), проф. Ф. Мучи и д-р З. Сас (Ин-т истории ВАН), д-р Н. Херрштадт (Центральный ин-т истории АН ГДР), проф. Р. Колодзейчик (Ин-т истории ПАН), д-р П. Хапак (Ин-т истории САН, он же представлял Ин-т всеобщей и чехословацкой истории ЧСАН). От Института славяноведения и балканистики участвовали д-р ист. наук Т. М. Исламов и канд. ист. наук А. М. Орехов.

Участники совещания приняли решение о создании Рабочей группы в составе:

Ф. Мучи, Н. Херрштадт, Р. Колодзейчика, П. Хапака, Т. М. Исламова и А. М. Орехова. Были определены также ее задачи и функции.

В ходе заседания были заслушаны информации А. М. Орехова, Ф. Мучи, Д. Мичева, Н. Херрштадт, П. Хапака и Р. Колодзейчика о состоянии историографии в странах по разрабатываемой в рамках целевого проекта проблематике. Обсуждение выявило разную степень разработанности проблемы в европейских социалистических странах. Учитывая сложность и многоаспектность темы целевого проекта, участники совещания пришли к выводу о необходимости его поэтапной разработки. В качестве первой проблемы исследования намечено изучение важной и актуальной темы «Рабочий класс в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в период его формирования». На очередном рабочем совещании Рабочей группой намечено провести обсуждение вопросов методологического и методического характера, связанных с разработкой данной темы.

Г. М., О. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советское славяноведение, 1982, № 5.

¹ О заседании Рабочей группы по реализации целевого проекта «Социальные структуры и общественно-политические движения (межвоенный период)» см. [1].

5—6 апреля 1983 г. в Центральном Доме литераторов им. А. А. Фадеева состоялась встреча советских и чехословацких писателей и литературоведов, посвященная 100-летию со дня рождения выдающегося чехословацкого писателя Ярослава Гашека (1883—1923) и организованная Союзом писателей СССР совместно с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Обществом советско-чехословацкой дружбы. Данная встреча — одно из мероприятий, связанных с юбилеем Гашека, отмечаемым в соответствии с календарем ЮНЕСКО в нашей стране. Для участия в этих мероприятиях в СССР находилась делегация чехословацких писателей, журналистов и литературоведов: председатель Союза чехословацких писателей Я. Козак, председатель Союза чехословацких журналистов Э. Горжени, писатели и критики И. Бешта, И. Гаек, И. Гечко, А. Кнелс, И. Марек, К. Маржик, Я. Матейка, Р. Пытлик [1].

Встречу в Союзе писателей СССР открыл чл.-корр. АН СССР, директор Института славяноведения и балканистики АН СССР Д. Ф. Марков, отметивший, что Гашек близок нам во многих отношениях — и как участник борьбы против белогвардейцев и интервентов во время гражданской войны в нашей стране, и как выдающийся художник, внесший огромный вклад в прогрессивную литературу мира, и как антивоенный писатель. Особое значение имеет эстетическая сторона его творчества, с успехом опровергающего взгляды вульгарно-социологического толка, согласно которым средства революционной литературы сводятся лишь к жизнеподобию. Используя чрезвычайное многообразие художественных средств, Гашек сочетает невероятное с обыденным, гротеск и фантастику — с достоверным воспроизведением действительности.

В докладе заместителя председателя юбилейной комиссии, д-ра филол. наук С. В. Никольского (Москва) «Ярослав Гашек — выдающийся писатель XX века» Гашек рассматривался в контексте той великой мировой литературной традиции, которая связана с именами Аристофана, Рабле, Сервантеса. Докладчик отметил, что в литературе XX в. трудно назвать другое такое произведение, где стихия народного смеха воплотилась бы с такой силой, как в романе о Швейке. Гашека как писателя отличала способность видеть

противоречия действительности — по словам Чапека, он умел видеть жизнь, в то время как другие зачастую о ней только пишут. В докладе развивалась мысль о Гашеке как о писателе переломной, революционной эпохи, к проблемам которой он относился с повышенным интересом.

Целый ряд докладов был посвящен пребыванию Гашека в СССР, его участию в движении интернационалистов, журналистской деятельности. К этой группе относятся доклады: Э. Горжени (Прага) — «Интернациональные журналы Гашека в Красной Армии», двухлетняя редакторская деятельность писателя рассматривается как серьезная школа жизни; А. М. Дунаевского (Москва) — «Я. Гашек — организатор интернациональных сил в Пятой Красной Армии», где прослежен путь писателя в революцию; В. И. Шевчука (Киев) — «Украинский период в жизни и творчестве Я. Гашека»; Ю. Н. Щербакова (Москва) — «Новые материалы и документы о Я. Гашеке (по разысканиям последнего десятилетия)». С воспоминаниями о личных встречах с Я. Гашеком выступил его боевой товарищ по Красной Армии И. Ф. Римаков.

Стремление осмыслить и интерпретировать творчество Гашека в широком литературном и культурном контексте было присуще многим из заслушанных докладов, в центре внимания которых находился великий роман писателя о Швейке. В докладе И. Гаека (Прага) — «Образ бравого солдата Швейка и его связь с чешской национальной традицией и универсальная человеческая действительность этого образа» было обращено внимание на две различные традиции национального сопротивления угнетению, воплощенные в двух народных типах — активного бунтаря и лукавого «глупого Гонзы», противостоящего насилию и побеждающего при помощи смеха. О. М. Малевич (Ленинград) в докладе «Чешская литература периода первой мировой войны и творчество Ярослава Гашека» рассмотрел значение романа о Швейке в идейно-эстетической борьбе, развернувшейся в чешской культуре того времени. Судьбе романа Гашека и его героя был посвящен доклад Р. Пытлика (Прага), оставившегося на духовной эволюции писателя, приведшей его в революцию. Роман о Швейке, сопоставившем, по мнению докладчика, с брехтовской матушкой

Кураж. — веселая плебейская легенда, в центре которой — международный тип солдата, проигрывающего войну за тех, кто его туда посылает. Б. Гечко (Братислава) в докладе «Язык и юмор Ярослава Гашека» провел параллель между образами Дон Кихота, капитана Копейкина и Швейка, утверждая социальную обусловленность юмористической и сатирической тенденции в литературе. Сопоставление романа Гашека как сатирической энциклопедии австро-венгерской империи с творчеством Салтыкова-Щедрина прозвучало в выступлении К. Б. Минца (Москва) «Литературные традиции и творчество Я. Гашека». М. Г. Семенов (Москва) остановился на чертах сходства поэтики Гашека с творчеством таких художников, как Чаплин, Зощенко, Ильф и Петров.

Причины и закономерность обращения к образу Швейка Б. Брехта (и Э. Пискатора) при создании ими политического театра анализировались в докладе А. Р. Волкова (Черновцы) — «Б. Брехт и Я. Гашек». Плодотворность гашековской традиции, ее живое присутствие в позднейшем литературном процессе отмечались в выступлениях Р. Р. Кузнецовой (Москва) — «Гашек и современная сатира», Л. С. Ленча (Москва) — «Своеобразие Гашека-писателя», П. М. Матко (Москва) — «Образ Швейка во фронтовой печати в годы Великой Отечественной войны», где отмечалась плодотворность использования образа бравого солдата Швейка в антигитлеровской сатире. (Кстати, во время заседаний в фойе ЦДЛ демонстрировалась экспозиция созданного П. М. Матко на общественных началах музея Я. Гашека в Москве.) История рецепции романа Гашека в СССР была подробно рассмотрена С. И. Восточковой (Москва).

Следует отметить, что интерес участников встречи привлекало творчество Я. Гашека не только как создателя эпо-

хального романа о Швейке. Разные грани его таланта были отражены в выступлениях И. Марека (Прага), остановившегося на юмористических рассказах писателя и пришедшего к выводу об их близости тому направлению, в котором развивается гуманистическая литература наших дней; Г. Г. Шубина (Ленинград), рассмотревшего поэзию Гашека как важный компонент его творчества; А. Кнессла (Прага), приведшего новые интересные материалы о театрально-режиссерской деятельности писателя; С. А. Антонова (Казань) о публицистике Гашека.

О мероприятиях, связанных с юбилеем Гашека в ЧССР (международная конференция, выставка в Музее Национальной письменности, издания, приуроченные к юбилею, закладка памятника Гашеку), рассказал в своем выступлении «Юбилейный год Гашека» К. Маржик (Прага). В. А. Мартемьянова (Москва) познакомила собравшихся с новыми советскими изданиями произведений Я. Гашека, в частности, с проспектом шеститомного собрания сочинений писателя.

На встрече выступили художники Н. Бельмина и Г. Распопов (Москва), воплотившие образ Гашека в скульптуре.

Конференция продемонстрировала определенные успехи в изучении творчества и биографии писателя. Вместе с тем, многое в его творчестве требует дальнейших исследований, что также отмечалось участниками встречи.

Празднование юбилея Я. Гашека в Москве завершилось торжественным вечером в Колонном зале Дома Союзов. Председатель Юбилейной комиссии С. В. Михалков, открывая вечер, подчеркнул мировое значение Я. Гашека. На вечере выступили С. В. Никольский, Я. Козак, А. М. Мирзагитов, А. М. Дунаевский, Л. С. Ленч, И. В. Дубровин.

В. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литературная газета, 1983 13 IV.

В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ СОВЕТЕ ПО ЗАЩИТЕ ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ ПРИ ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР (по всеобщей истории)

В 1982 г. состоялось восемь заседаний специализированного совета по защите докторских диссертаций, на которых были заслушаны распоряжения и инструкции ВАК СССР, подробно рассмотрены пред-

ставленные на защиту диссертации, причем тщательно проанализированы вопросы научной и политической актуальности исследуемых тем, новизна и обоснованность результатов работы, а при решении

вопроса о принятии к защите — еще и соответствие названной темы профилю совета, наличие необходимых публикаций по теме диссертации. Важным свидетельством широкой гласности и тщательности обсуждения диссертаций на заседаниях совета следует признать то, что по защищаемым работам выступали официальные и неофициальные оппоненты, на защитах присутствовали специалисты по соответствующей проблематике, в том числе не только научные сотрудники АН СССР и республиканских академий, но и преподаватели МГУ и др.

Весьма примечательно, что из защищенных в 1982 г. девяти диссертаций три посвящены анализу вопросов новейшей истории (после 1917 г.). В частности, в докторской диссертации В. С. Парсадановой — «Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны (1941—1945)» (официальные оппоненты — проф. И. И. Костюшко; доктора ист. наук О. А. Ржешевский и А. Н. Мерцалов) впервые в историографии с позиций марксистско-ленинской методологии, на основе широкого круга опубликованных и вводимых в научный оборот новых материалов дается системное, всестороннее освещение советско-польских отношений в период, столь важный для истории СССР и Польши. В. С. Парсаданова раскрывает подлинно интернационалистскую политику Советского Союза в отношении польского народа, роль СССР в освобождении Польши от фашистской оккупации, разоблачает антисоветскую политику буржуазно-помещичьих кругов Польши, серьезное внимание уделяет вопросам формирования отношений нового типа между Советским Союзом и Народной Польшей, основанных на принципах равноправия, уважения суверенитета, тесного сотрудничества и взаимной помощи.

Эти последние аспекты данной темы нашли свое конкретное продолжение в кандидатской диссертации О. Н. Майоровой — «Сотрудничество Всесоюзного общества культурной связи с заграницей и Общества польско-советской дружбы в 1950—1955 гг.» (научный руководитель — проф. И. И. Костюшко, официальные оппоненты — проф. А. Ф. Смирнов, канд. ист. наук Н. И. Бухарин). О. Н. Майорова подробно анализирует сотрудничество ВОКС и ОПСД в указанный период, показывает многообразные формы и методы их работы, раскрывает значение их сотрудничества для укрепления польско-советской дружбы. Последующий период в истории Народной Поль-

ши нашел освещение в кандидатской диссертации М. Н. Бобрик — «Участие ПНР в Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. 1964—1975.» (научный руководитель — проф. И. И. Костюшко, официальные оппоненты — д-р ист. наук В. К. Волков, канд. ист. наук А. Е. Липский). Диссертантка подробно проанализировала участие Народной Польши в неустанной деятельности стран социализма по упрочению мира в Европе, обстоятельно осветила усилия ПНР, направленные на созыв, подготовку и успешное проведение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Проблеме новой истории были посвящены шесть диссертаций, в которых изучены весьма важные вопросы политической, социально-экономической и культурной истории начиная с 40-х годов XIX в. вплоть до начала XX в. Показательно тематическое разнообразие работ: так, две докторские диссертации являются системными исследованиями политического развития буржуазного румынского государства (во второй половине XIX и начале XX в.), три кандидатские диссертации освещают прошлое болгарского народа — развитие болгарского национально-освободительного движения и общественно-политических связей Болгарии с Россией в 50—70-х годах прошлого века, одна кандидатская диссертация — русско-балканские связи в середине XIX в.

Рассматривая более подробно тематику названных работ по истории XIX в., необходимо отметить докторскую диссертацию Е. Е. Чертана — «Великие державы и формирование Румынского независимого государства» (официальные оппоненты — доктора ист. наук Т. М. Исламов, В. И. Салов, А. К. Мохану; на защиту представлена монография выпущенная издательством «Штиинца» в Кишиневе в 1980 г.). В работе Е. Е. Чертана впервые в советской историографии дан системный анализ сложной внешнеполитической обстановки и становления Румынии в 1859—1878 гг., прослежена конкретная взаимосвязь внешнеполитических акций великих держав с внутривнутриполитическим положением в стране после объединения Валахского и Молдавского княжеств. Докторская диссертация С. А. Мадиевского «Политическая система Румынии. Последняя треть XIX — начало XX в. (Монархия, парламент, правительство)» (официальные оппоненты — проф. И. И. Орлик, д-р ист. наук Т. М. Исламов, д-р юр. наук А. А. Мишин; на защиту представлена монография, выпущенная изда-

тельством «Наука» в 1980 г.) открывает новое научное направление — историко-типологических исследований политической системы буржуазного государства в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху капитализма.

Оценивая тематику защищенных в совете работ по истории болгарского национально-освободительного движения XIX в., необходимо подчеркнуть целенаправленность исследований, предметом которых является общественно-политическое и культурное развитие болгарского народа и его связи с Россией накануне освобождения Болгарии в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Здесь нужно назвать следующие диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: Л. И. Степановой — «Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции в 50—70-е годы XIX в. (научные руководители — д-р ист. наук В. Д. Конобеев, чл.-корр. АН Молдавской ССР Е. М. Руссев, официальные оппоненты — проф. В. Г. Карасев, канд. ист. наук А. А. Улуния, на защиту представлена монография, изданная в Кишиневе в 1981 г.); И. Д. Забунова — «Болгары юга России и национальное болгарское возрождение в 50—70-е

годы XIX в.» (научные руководители — доктора ист. наук В. Д. Конобеев и И. С. Достян, официальные оппоненты — д-р ист. наук В. Я. Гросул, канд. ист. наук И. В. Козьменко) и Н. Н. Червенкова — «Болгарская эмиграция в Румынии и национально-освободительное движение в Болгарии (вторая половина 50-х—60-е годы XIX в.)» (научные руководители — доктора ист. наук В. Д. Конобеев и В. Я. Гросул, официальные оппоненты — д-р ист. наук И. В. Чуркина, канд. ист. наук Б. Н. Билунов). Этой эпохе новой истории посвящена также кандидатская диссертация Л. Ф. Чащиной — «Русская старообрядческая эмиграция на территории Юго-Восточной Европы в 40—60 годы XIX в.» (научный руководитель — д-р ист. наук В. А. Дьяков, официальные оппоненты — д-р ист. наук В. Я. Гросул, канд. ист. наук В. Ф. Миловидов), в которой рассмотрено социально-экономическое положение русских эмигрантов — старообрядцев в тот период, их политический статус и взаимоотношения с зарубежным центром русских революционных демократов во главе с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым.

Наумов Е.

СТУДЕНЧЕСКАЯ МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ (26—28 октября 1982 г.)

Своеобразным творческим отчетом накануне IX Международного съезда славистов явилась студенческая межреспубликанская научная конференция «Сравнительно-сопоставительное изучение славянских языков и литератур». Около 200 студентов-славистов из 22 университетов и 13 пединститутов, представлявших 36 городов страны из 9 союзных республик, приняли участие в этой конференции, посвященной 60-летию образования СССР.

Конференцию открыл проректор ЛГУ проф. В. Н. Красильников. Председатель секции славянских языков и литератур Научно-методического совета по высшему филологическому образованию Министерства высшего и среднего специального образования СССР проф. П. А. Дмитриев указал на бурный рост вузовской славистики в наши дни, когда зару-

бежные славянские языки изучаются уже в 65 университетах и 19 педагогических институтах. На конференции было прочитано 84 доклада по проблемам славянских литератур и литературной критики, грамматики и словообразования, лексикологии и фразеологии, теории перевода и стилистики.

На заключительном пленарном заседании председатель Ленинградского отделения Научного совета АН СССР проф. А. С. Мыльников остановился на той роли, которую играли и играют славянские страны в истории развития европейского континента.

Прошедшая конференция подтвердила важность этой формы работы для подготовки молодых кадров, став подлинной школой научного поиска и практического опыта.

Зайцева С. В.

CONTENTS

<i>Glotov V. I.</i> Lenin's teaching on the new type party (to the 80th anniversary of the Second Congress of the Russian Social-Democratic Worker's Party). <i>Kochegura P. A.</i> Formation and development of the Polish People's Army. <i>Valeva E. L.</i> The September popular uprising of 1923 in Bulgaria and the international movement of solidarity with the antifascist struggle of Bulgarian people. <i>Gudimova S. A.</i> Karol Szymanowski and the traditions of Polish musical culture. <i>Pashchenko E.</i> Juraj Krizanić's «Politics» as a literary creation. <i>Nevskaya L. G.</i> Balto-Slavic problem at the International Congresses of Slavists. <i>Vendina T. I.</i> On correlative connections among Slavic suffixes.	3
---	---

FROM THE HISTORY OF SLAVONIC STUDIES

<i>Nikulina M. V.</i> On conditions and peculiarities of development of Slavic studies in Russia in the first third of the XIX century. <i>Ivanov Ju. F.</i> Jan Hus in Soviet historiography of post-war decades. <i>Naumov E. P.</i> Juraj Krizanić in the works of Acad. V. I. Picheta	86
---	----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Bilunov B. N.</i> Българското възраждане и Русия. <i>L. K. I. Sedlák.</i> Bohuš Nosák-Nezabudov.	116
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>L. O.</i> Conferences devoted to Karl Marx's scientific work. <i>G. M., O. M.</i> Programme «Social structure and social and political movements in the countries of Central and South Eastern Europe (middle of XIX century — 1918)». <i>V. M.</i> Jaroslav Hašek's anniversary. <i>Naumov E.</i> In the specialized council for Doctor's degree theses at the Institute of Slavonic and Balkan Studies of the Academy of Sciences of the USSR (general history). <i>Zaytseva S. V.</i> Interrepublican scholarly conference of students in Leningrad (Oct. 26—28, 1982).	122
---	-----

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 10.06.83 Подписано к печати 29.08.83. Т-15850. Формат бумаги 70×108¹/₁₆,
 Высокая печать Усл. печ. л. 11,2. Усл. кр.-отт. 13,3 тыс. Уч.-изд. л. 12,9. Бум. л. 4,0
 Тираж 1155 экз. Зак. 2873

Издательство «Наука», 103717, ГСП, Москва, К-62, Подосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 р. 20 к.

Индекс 70891